

ГЕОРГИЙ ЗУЕВ

Шесть веков

МОЙКА

ОТ ФОНТАНКИ
ДО НЕВСКОГО
ПРОСПЕКТА

Георгий Иванович Зуев
Течет река Мойка... От Фонтанки
до Невского проспекта
Серия «Всё о Санкт-Петербурге»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3120365

*Георгий Зуев. Течет река Мойка... От Фонтанки до Невского проспекта: Центрполиграф;
Москва; 2012
ISBN 978-5-227-03392-5*

Аннотация

Представляемая вниманию читателей книга включает хроники реки Мойки от ее истока до Зеленого моста на Невском проспекте. Повествование идет о дворцах, особняках и известных доходных домах, стоящих на набережных. Вас также ждут малоизвестные страницы из жизни людей, обитавших в разные годы в этой местности.

Автор искренне надеется, что собранные им исторические материалы о многоликом образе пятикилометровой реки, ее мостах, прилегающих улицах и окрестностях помогут читателям, увлеченным отечественной историей и неравнодушным к судьбе Северной столицы, лучше узнать ее прошлое.

Содержание

От автора	6
«Из тьмы лесов, из топи блат...»	12
«Чугун решеток и мосты»	36
Палитра «цветных» мостов реки Мойки	50
У истоков Мойки	71
Летний сад	75
Он умер там, где родился	111
Ансамбль Михайловского дворца	128
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Георгий Зуев

Течет река Мойка...

От Фонтанки до Невского проспекта

*Посвящается Наталии Георгиевне Цветновой, любимой дочери,
помощнице, верному другу и великой труженице*

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Все о Санкт-Петербурге» выпускается с 2003 года

От автора

Во все времена Санкт-Петербург считался не только городом помпезных дворцов, уникальных парков, садов и скверов, но и своеобразным музеем многочисленных рек и рукотворных каналов, с перекинутыми через их русло изящными мостами.

Реки и каналы петровского «парадиза» играли существенную роль в жизни его горожан и не только приносили реальную пользу в сугубо утилитарном плане, являясь дешевыми и удобными транспортными коммуникациями и источниками водоснабжения, но и оказались эффективными дренажными устройствами.

К числу подобных естественных столичных водоемов причислялась и старинная речка Мья, вытекавшая тогда из непроходимых болот в районе будущего Марсова поля. В то время даже Петр I не предполагал, что эта небольшая грязная река станет впоследствии одним из ведущих водоемов Северной Венеции и даже предопределяет особый характер застройки Центрального района города. Вся последующая «биография» Мойки тесно свяжется с ростом и развитием новой российской столицы, а ее судьба наполнится необычными эпохальными историческими событиями. Она многократно и последовательно изменяла свой облик, повинувшись веяниям времени, архитектурной моде при возведении зданий на ее набережных и вкусам их жителей, но при том всегда сохраняла свои природную индивидуальность и величие.

С набережной Мойки, с домами, расположенными на ней, переплелись судьбы многих поколений выдающихся россиян – деятелей отечественной культуры и политики, военачальников, ученых, известных промышленников и предпринимателей. Все здесь пронизано историей – многослойной и противоречивой, порой запутанной, а зачастую забытой потомками. Иногда она бывала сложной и трагической, но во все времена многокрасочной, освященной нелегкими судьбами наших земляков. Поколение петербуржцев XXI столетия в силу разных причин, к сожалению, мало знает об историческом прошлом набережной старейшей столичной реки, некогда нареченной Мьей, о людях, живших на ее берегах, творивших историю России и своим трудом возвеличивших город Петра. Знакомство с современным внешним обликом старого городского водоема и его историческими набережными невозможно без приобщения к незримому миру былого.

Утро на набережной Мойки. Фото И. Наровлянского, 1960-е гг.

В сегодняшнее суматошное, порой непостижимое для стариков время на гранитных набережных старой городской речки продолжают достойно смотреться, как и положено старожилам заповедных мест, громады великокняжеских дворцов, бывших сановных особняков и великолепных доходных домов. Здесь по-прежнему царит атмосфера некоего неизъяснимого душевного покоя, домашнего уюта и дивного очарования. Петербургский художник М.В. Добужинский рекомендовал посетителям этих заповедных мест: «Всегда гулять в одиночестве. Ходите чаще всего пешком... Только одиночество во время прогулки раскрывает вам душу и глаза. Вы можете забрести в незнакомые места, остановиться, заглянуть в какой-нибудь двор и много увидеть».

А наш современник писатель Вячеслав Недошивин любителям экскурсий по историческим местам Петербурга дает еще более точные рекомендации: «По этому городу нужно ходить на цыпочках, а если разговаривать – то шепотом. Этого, разумеется, никто не делает: ни туристы, ни уж тем более шумная и растрепанная молодежь, перелетающая с улицы на улицу. Я думаю, это – временно.

Мойка. У Певческого моста. Фото И. Наровлянского, 1960-е гг.

Рано или поздно, если захотят всмотреться в город, прислушаться к его камням, они все равно перейдут с безумной побегки, с привычного ора на почти беззвучный шепот и очарованный шаг. Иначе ведь не понять этого чуда, этой необъятной гранитной иконописи, с которой можно слой за слоем, как это делают терпеливые реставраторы, „смыть“ историю за историей. Вообще историю – в прямом смысле этого слова...»

Мойка до сих пор остается одним из любимых романтических мест жителей Петербурга и его гостей. На каждом участке ее набережной обнаруживаются яркие свидетельства таланта и неподражаемого мастерства великих отечественных зодчих и мастеровых. В наши дни, даже при всех временных утратах, неизбежных при ремонтных работах и периодических перестройках, древние набережные реки Мойки продолжают оставаться заветным заповедным местом Петрополя, официально обозначенным правительством города как «историческая пешеходная охранная зона».

Река Мойка играет исключительную роль в эстетическом облике Петербурга. Ее набережные на всем протяжении, во все эпохи изумляли не только наших земляков, но и приезжающих в Россию иностранцев. Спокойное течение реки, ее знаменитые гранитные набе-

режные с чугунными решетками и четкие силуэты мостов сделали старинный водоем одним из главных элементов в художественной композиции русской столицы.

Тот, кто хотя бы один раз побывал на заповедных набережных реки Мойки, навсегда запомнил удивительную гармонию архитектурных сооружений разных эпох и завораживающее спокойное течение воды в ней. Познавшие подобную красоту позже признавались, что картина увиденного не отпускала их долгие годы. Невольно хотелось приходить сюда снова и снова.

Оказавшись после Октябрьского переворота 1917 года в эмиграции, петербуржцы, остро тоскуя по оставленной Родине, со слезами на глазах вспоминали наряду с другими любимыми уголками родного города тихую волшебную Мойку. Известный поэт-эмигрант, искренний патриот Санкт-Петербурга Николай Агнивцев в 1920-х годах писал в Берлине о том, что его не отпускало на чужбине:

*Как бьется сердце! И в печали,
На миг бывшее возвратив,
Передо мной взлетают дали!
Санкт-Петербургских перспектив!..
И, перерезавши кварталы,
Всплывают вдруг из темноты
Санкт-Петербургские каналы,
Санкт-Петербургские мосты!*

В начале 60-х годов прошлого столетия мне пришлось в качестве советника работать в международной организации при Европейском отделении ООН в Женеве. В тот период там еще служили бывшие высокопоставленные особы, эмигрировавшие с первой волной беженцев из Советской России в 1918–1920-х годах. Они, как правило, занимали должности переводчиков, технических служащих и мелких клерков. В заседании некоторых экспертных совещаний мне тогда, в частности, помогал блестящий синхронный переводчик князь Святополк-Мирский, а машинисткой в главном офисе Европейского отделения ООН еще работала старая княгиня Нарышкина.

При встречах со мной эмигранты всегда с ностальгией вспоминали оставленный Петроград и любимые места бывшей столицы России. К моему удивлению, на вопрос, что производило на них наиболее сильное впечатление в оставленном городе, большинство русских эмигрантов, словно сговорившись, почти всегда упоминали любимую ими Мойку, с ее спокойной водой, тихими набережными и замечательными мостами с изящными чугунными решетками – традиционным местом встреч в их первых романтических randevu. По их мнению, красавица Мойка и ее набережные были прекрасны при любой погоде, в любое время года.

Течет река Мойка

В предлагаемой вниманию читателей книге повествуется об одной из старинных рек Санкт-Петербурга, ее исторических набережных, дворцах, особняках и известных доходных домах. В некоторых случаях я привожу малоизвестные страницы из жизнеописаний людей, обитавших в разные годы в этой местности.

Автор искренне надеется, что собранные им исторические материалы об одном из протяженных естественных столичных водоемов и его окрестностях помогут читателям, увлеченным отечественной историей и неравнодушным к судьбе любимого города, лучше узнать его прошлое.

Основным принципом отбора объектов, персоналий и эпизодов стала не формальная их принадлежность к конкретному городскому району, а весомая историческая и культурологическая значимость.

Многоликий образ набережных пятикилометровой реки нашего города, мостов и прилегающих улиц представлен уникальными историческими иллюстрациями из отечествен-

ных архивов и фотоматериалами работы петербургского фотографа Дмитрия Сергеевича Цветнова, удачно запечатлевшего современный облик Мойки.

Многообразие исторических объектов, расположенных на набережных Мойки, и не менее интересных строений, возведенных в непосредственной близости от них, побудило автора изложить собранные о реке Мойке материалы в двух книгах. Представляемая вниманию читателей первая книга включает исторические хроники реки Мьи от места ее истока до Зеленого моста на Невском проспекте.

«Из тьмы лесов, из топи блат...»

Закрепившись на отвоеванном участке побережья Финского залива после Северной войны, Петр I мечтал заложить в дельте Невы новый российский город с прекрасными площадями, широкими прямыми улицами и возведенными на них каменными домами «сплошную фасадою, в один ряд красной линии».

Молодого царя совершенно не пугала опасная близость весьма агрессивных и еще достаточно могущественных противников – шведов, чей самоуверенный король угрожал тогда россиянам, что построенные ими на обетованных отвоеванных новгородских землях русские города в самое ближайшее время будут им не только взяты «на шпагу», но и разрушены до основания. Не останавливала Петра Алексеевича в деле реализации своей мечты и полная непригодность для строительства города отвоеванных «отчих» территорий, покрытых вековыми гиблыми болотами, немислимыми топями и непроходимыми густыми лесами. По утрам и вечерам едкий густой туман плотной пеленой окутывал эти опасные земли и бездонные топи, заросшие осокой и низкорослым кустарником на мшистых болотных кочках. Однако Петр I, завороченный близостью моря, не оставлял мысли о возведении здесь его блистательного и величественного «парадиза» – новой российской столицы на берегах широкой Невы. Относившийся к Петербургу как к любимой женщине поэт-эмигрант Николай Агнiewicz жил и дышал этим городом, боготворил его. В далеком изгнании он с гордостью писал о «серебряно-призрачном городе туманов»:

*Москва и Киев задрожали,
Когда Петр, в треске финских скал,
Ногой из золота и стали
Болото Невское попра!..
И взвыли плети!.. и в два счета —
Движеньем Царской длани – вдруг —
Из грязи Невского болота
Взлетел Амфирный Петербург.*

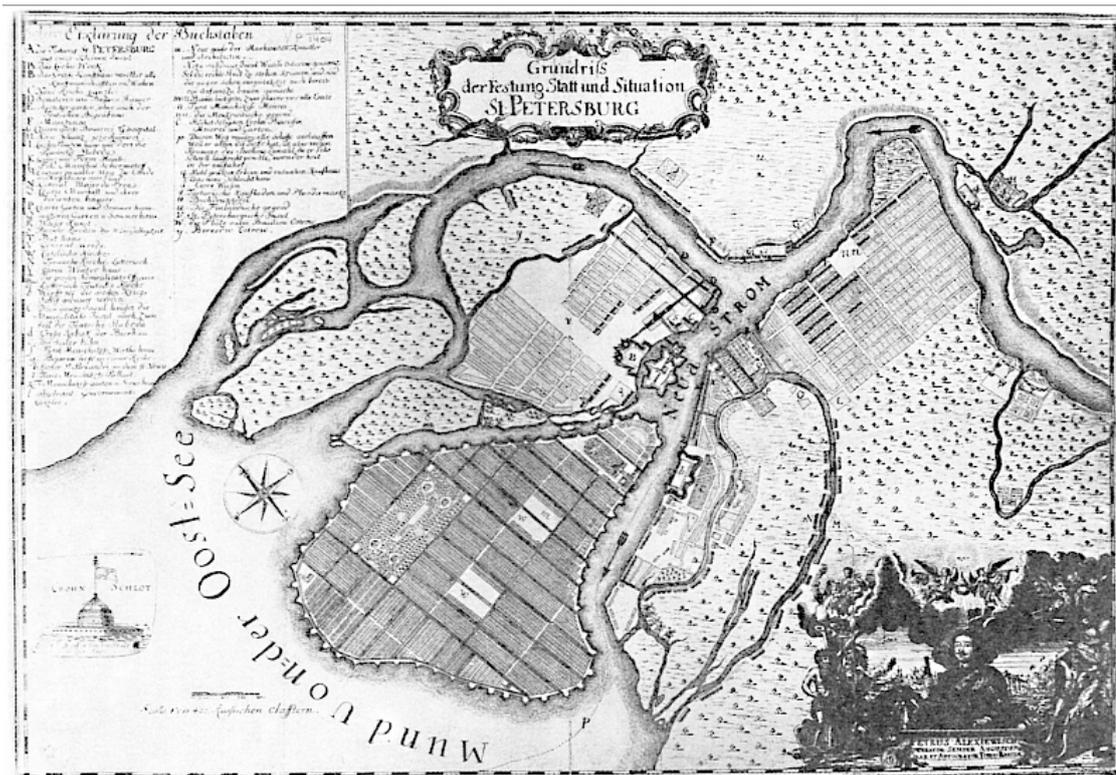

Петр Великий на строительстве Петербурга. Неизвестный художник. 1830-е гг.

Русский император успевал всем заниматься, во все вникать и все контролировать. Сам решал, где какому зданию быть, и лично утверждал все городские проекты.

В Россию чередой потянулись вереницы талантливых заморских зодчих, таких как Доменико Трезини из Швейцарии, Георги Иоганн Матарнови из Германии, Николо Минетти из Италии, фон Звичи из Голландии и многие другие. В 1716 году в Петербург приехал из Парижа зодчий Жан-Батист-Александр Леблон, ставший любимцем Петра I и оставивший весьма заметный след в новой русской столице своими работами.

Предусмотренная царем дренажная система стала эффективным способом ликвидации обширных болот и топей со зловонной стоячей водой и в конечном итоге позволяла строителям приступить к возведению на месте бывшей трясины первых служебных и жилых зданий.

План Санкт-Петербурга в царствование Петра I

В течение всего XVIII столетия от начала основания Петербурга следуют один за другим царские указы, планы и проекты о постройке в новой столице больших и малых каналов, очистке и расширении заиленных, загрязненных русел мелких речек. Именно с помощью работ по очистке и расширению русла ижоро-финской реки Муи – узкого мутного древнего ручья, вытекавшего из огромного непроходимого болота, располагавшегося в начале XVIII века на месте сегодняшних Марсового поля, Михайловского сада и Русского музея, и ее соседки – Глухой речки, или Кривуши, так же неторопливо вытекавшей из не менее громадной топи, раскинувшейся в районе современных площадей Искусств и Конюшенной, удалось тогда осушить значительные территории.

Кроме дренажных функций реки и каналы должны были в некоторой степени ослабить напор водной стихии при регулярных наводнениях в устье Невы и стать удобными дешевыми транспортными водными магистралями. К слову сказать, император отнюдь не понаслышке знал о мощи регулярных водных катастроф, обрушивавшихся на его «парадиз», и их разрушительности.

После наводнения 1706 года Петр I в письме А.Д. Меншикову рассказывал: «Третьего дня ветром вест-зюйд такую волну нагнало, какой, сказывают, не бывало. У меня в хоромах было сверху пола 21 дюйм и по городу и на другой стороне улицы свободно ездили на лодках...» В дальнейшем царь пережил не одну стихийную водную катастрофу, обусловленную тем, что в восточной части Финского залива, чаще осенью, случаются наибольшие подъемы уровня воды при проходящих над Балтикой циклонах. В их центре давление обычно бывает ниже, вследствие чего циклоны втягивают в себя с большой площади моря огромные массы воды и, двигаясь в восточном направлении, переносят их за собой. Когда циклон ослабевает, вода растекается во все стороны со скоростью до 50–60 км/ч, образуя при этом так называемую «длинную волну» высотой до трех метров, а при сильном ветре – даже до пяти. Следуя по мелководью Невской губы, эта волна словно закупоривает Неву. Отсюда наводнения, одно из них, случившееся в 1703 году, нанесло огромный ущерб Северной столице России и

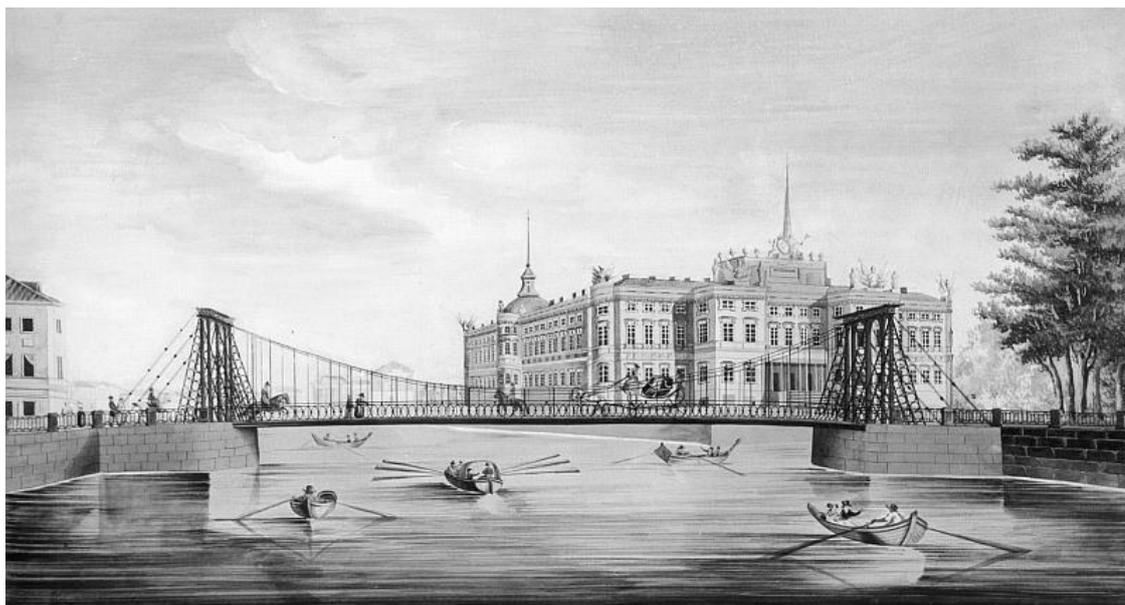
сопровождалось массовой гибелью ее населения. Подъем воды регистрировался тогда почти на три метра выше ординара.

Наводнение в Петербурге. Немецкая гравюра

Свое первое наводнение новый столичный город испытал через три месяца после официального рождения, в ночь с 19 на 20 августа 1703 года. Поднявшаяся более чем на два метра вода унесла тогда почти весь строительный материал, заготовленный для возведения Петропавловской крепости. Командующий русской армией князь А.И. Репнин рапортовал царю: «Зело, государь, у нас жестока погода с моря... жители здешние сказывают, в нынешнем времени всегда то место заливает».

Благоустройство и преобразование мутной, узкой и застойной речки Муи, вытекавшей небольшим ручьем из непроходимого болота, начались по указу Петра I в 1704 году. Обширные топи тогда вплотную подступали к заболоченному массиву, на котором по повелению царя выписанные из-за рубежа специалисты садово-паркового искусства и ландшафтной архитектуры создавали первый Летний сад – летнюю резиденцию императора Петра Алексеевича. Постоянное затопление строительной площадки вынуждало тогда приостанавливать начатые работы. Русло водовода не только успешно углубили и расширили, но и прокопали участок от устья Муи до Безымянного ерика (Фонтанки), соединив тогда таким образом обе реки.

Исток Мойки из Фонтанки. Пантелеймоновский цепной мост через Фонтанку. Михайловский замок и Летний сад. Литография Ф. Кнорре. 1824 г.

Для этого в 1711 году специально проложили прямой рукотворный канал между этими водоемами. Тогда же прорыли от Большой Невы к Мойке Лебяжьё канавку и Красный канал, русло которого проходило вдоль западной границы будущего Марсова поля и соединяло Неву с Мьей (Мойкой). В результате оперативно проведенных по распоряжению Петра I гидротехнических работ была не только осушена огромная территория будущего Летнего сада, но и облагорожена река Мья, превратившаяся из замухрышки в прекрасную глубокую столичную реку с широкими берегами, пригодную для судоходства. Царь лично провел по облагороженному руслу водоема первое судно и остался весьма доволен качеством работы. Первый же историк Северной Венеции – А.И. Богданов, ранее крайне нелицеприятно отзывавшийся о грязной и заиленной зловонной Муи, теперь с восторгом писал о ней: «Сия река от прежней ее нечистоты, понеже она была глухой протокой, себе сквозного течения не имела, вычищена до настоящей глубины и сваями обита на подобии канала, в коем ныне вода глубиной довольна, что иные по ней всякие суда с великим грузом ходят свободно и сию реку более может всяк почесть за нарочно сделанный канал».

Кстати, несколько слов о личности первого историка, написавшего книгу о Петербурге. А.И. Богданов – бывший рабочий-печатник, талантливый самоучка-самородок, много лет служивший в библиотеке столичной Академии наук. В 1751 году он завершает работу над книгой, посвященной истории основания и развития новой российской столицы, основанной Петром I. Скромность автора капитального труда и отсутствие надежды на его публикацию заставляет его написать: «Сие мое историческое описание, якобы не весьма надобное, но впредь будущему роду может и услужительно потребуется». Книгу издали лишь в 1779 году под заголовком «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751 г.». Замечательная книга А.И. Богданова в наше время является библиографической редкостью.

В тексте именного указа Петра I о работах по расчистке реки Мьи содержалось и повеление о первых примитивных проектах по облагораживанию старого водоема: сооружении земляных откосов, укрепленных по низу шпунтовым рядом, выше которого закладывалась массивная булыжная берма – горизонтальная площадка на откосе берегов, придающая им весомую устойчивость и защищавшую их от размыва. Планами Петра I тогда же предусматривалось упрощенное временное оформление набережных реки – устройство узких дере-

вянных набережных по всему течению водоема и незамысловатых деревянных парапетов. Однако, по отзывам очевидцев тех далеких времен, первые набережные тогдашней Мойки скорее напоминали «небольшие проселочные тропки», тянущиеся вдоль Мьи.

Петербургский градоначальник Б.Х. Миних

К работам по расчистке и благоустройству водоема привлекались военнослужащие столичного гарнизона, вольнонаемные люди и крепостные крестьяне. Рабочим часто приходилось на некоторых участках русла реки засыпать пустоты в грунте и промоины. В иных местах землекопы вынимали из русла реки значительное количество грунта, достигая установленных ширины и глубины водоема. На особо заболоченных, зыбких участках почвы, пльвунах, в границах утвержденного царем проекта глубины реки и ширины ее берегов перед выемкой земли требовалось укреплять болотистые места деревянными щитами, выкачивать воду и лишь после этого приступать к основным земляным работам.

Рытье обновленного русла Мьи нередко осложнялось обнаружением в нем крупных валунов, оставшихся в этих местах после прохождения северного ледника, несшего с собой со Скандинавии песок, глину и огромные камни из кристаллических пород. Углубляя и расширяя русло реки и выравнивая ее берега, рабочие также сталкивались с оставшимися в земле огромными пнями деревьев, кои с превеликими трудностями и усилиями приходилось вручную выкорчевывать из грунта.

Рабочий проект расчистки реки Мьи предусматривал не только прокладку более широкого и глубокого пятикилометрового городского водоема, но и основательную подсыпку вынутой из старого русла земель левого берега водной протоки для строительства на нем небольшого летнего деревянного дворца для императрицы Екатерины I.

После смерти императора в 1725 году городское хозяйство приходило в упадок. Петербургский градоначальник Б.Х. Миних в своем докладе Сенату отмечал, что «при Фонтан-

ной и Мье речках и при каналах сваи, доски, брусья и щиты испортило и многие погнили и землю водою вымывает, от того водоемы заносит... и речки в такую худобу приходят, что занесло вполовину, отчего проход и мелким судам весьма с трудностью...»

Активность отцов города в делах о заботе старинной речки в начале нового XIX века еще более снизилась. В одной из газетных публикаций той поры отмечалось, что «если ранее вода в Мойке была подобна по чистоте и вкусу Невской, то столетие спустя вновь превратилась в протоку с грязной, мутной и дурно пахнущей водой». В связи с этим в 1874 году даже последовало строжайшее запрещение водовозам брать воду для питья и приготовления пищи из реки Мойки.

До основания Санкт-Петербурга река носила ижорское название Муя («грязная»), в 1719–1797 годах водоем уже официально именовали Мьей. Современное название Мойка, вытеснившее прежнее, появилось несколько позже как переосмысленный вариант труднопроизносимого «Мья». Происхождение различных наименований реки, протекающей через центральную часть Петербурга и официально, вплоть до 1709 года, являющейся южной границей новой столицы Российской империи, имеет несколько версий, высказывавшихся в разные года столичными историками. А.И. Богданов, считавший, что «сея речка названа Мойкой от прежней ее нечистоты...» По его мнению, как, впрочем, и с точки зрения иных знатоков топонимики, название реки происходит от глагола «мыть». Были даже попытки связать это наименование с построенными на набережных Мойки общественными банями.

Согласимся, что подобное умозаключение не лишено традиционной национальной любви русских людей к мытью в банях, а слово «баня» на Руси означало «мыть, чистить тело водой». Первые жители Северной столицы любили повторять, что «без Питербурха да без бани, нам как телу без души», «В бане мыться – заново родиться», «Баня – мать вторая, кости распарит, все тело поправит».

Сразу же после основания города Петр I издал указ о строительстве общественных бань и о введении специального денежного сбора с их владельцев. Плату же для держателей общественных бань устанавливала городская управа. У входа в каждую баню находился сборщик, собиравший «банную плату». Мыло и веники приносили с собой либо приобретали в бане. Малоимущий же люд обычно собирал обмылки и парился «опарышами», подобранными в мыльнях. Мыться приходили семьями, чтобы одни стерегли одежду, пока другие парились и мылись.

А.Э. Девиер, генерал-полицмейстер Петербурга

«Достаточные» же столичные жители платили при входе в баню «сторожевые» деньги, и банщик во время помывки надежно охранял их платье.

Очередным указом генерал-полицмейстера столицы А.Э. Девиера от 2 марта 1720 года категорически запрещалось «подлому люду строить собственные домовые бани». Для них специально возводились «мыльни на берегу реки Мья (Мойки) за Финской слободою, числом до 30, из коих половина назначалась для мужчин, а другая, отдельная, для женщин».

В архивных документах сохранилась запись, сделанная рукой самого российского императора: «Где можно, при банях завести цырульни, дабы людей приохотить к бритью бороды, также держать мозольных мастеров добрых».

Заморские гости новой русской столицы с изумлением описывали этот варварский русский обычай и со страхом наблюдали, как, исхлестав себя в парилке березовым веником, горожане бросались в воды Мойки, а зимой в любые морозы окунались в ледяную прорубь. Датский же посол при дворе Петра I Юст Юль в 1709 году писал на родину, что в российской империи «первый доктор – это русская баня».

Оппоненты историка А.И. Богданова и его единомышленников полагали, что название «Мойка» произошло от прежнего наименования реки Мья и возможного звукового сходства ижорского слова «мья» и русских «мыть», «мою», «мойка». По их мнению, самое же название «Мья» дублирует древнее ижорско-финское значение «Муя».

Известные отечественные знатоки топонимики К.С. Горбачевич и Е.П. Хабло в популярной книге «Почему так названы?» отмечали, что «есть документальные свидетельства преобразования названия „Муя“ в „Мойка“». На старых шведских картах XVII века левый приток Невы, называемый сейчас рекой Мойкой, обозначен как „пиени муя йоки“. По-русски это значит: „маленькая муя река“. В русских писцовых книгах данная же река именовалась „Мья“.

Относительно исходного названия „Муя“ следует сказать, что небольшие болотные речки Ижорской земли нередко носили такое имя. Вероятно, оно связано с финским словом „мую“ (грязь, слякоть). Вспомним, что наша Мойка продолжительный период времени была грязной болотной речкой».

На его исторических набережных по сие время возвышаются выдающиеся по своей художественной значимости творения великих зодчих. На набережных реки Мойки на каждом шагу обнаруживаются яркие свидетельства их таланта и индивидуального мастерства. Река постепенно становилась органической частью Центрального района Петербурга, приобретала свой особый неповторимый колорит и блестящий архитектурный облик. Начиная со времен основания новой русской столицы во все годы с особой тщательностью проводилась планировка береговой линии Мойки, прорисовки каждого ее изгиба, работа, способствующая удивительному композиционному завершению старинного водоема. Его набережные и в наши дни украшают величественные ансамбли, причисленные мировыми экспертами к совершенным архитектурным сооружениям XVIII–XIX столетий.

Знаменитые зодчие разместили на набережных реки Мойки уникальные дворцовые здания, аристократические особняки и жилые дома, создав удивительную многоплановую композицию, раскрывающуюся по мере течения водоема к своему устью.

Длина реки составляет 4,67 км, ширина весьма неравномерна – от 20 до 40 м, глубина на разных участках колеблется от 2,1 до 3,2 м. На протяжении почти пяти километров она спокойна, неторопливо несет свои воды через центральные районы Петербурга. Скорость течения на отдельных участках – неодинакова. Если в районе между Лебяжьей канавкой и каналом Грибоедова она составляет 8,3 кубометра воды в секунду, то на участке между Зимней канавкой и Адмиралтейским каналом ее величина достигает 10,3 кубометра. Между Ново-Адмиралтейским каналом и речкой Пряжкой скорость течения Мойки увеличивается уже до 11,3 кубометра воды в секунду.

В 1771–1715 годах по распоряжению Петра I прорыли Лебяжий канал, который не только ограничил территорию Летнего сада с запада, но и соединил Мойку с Большой Невой.

В 1711 году на земельном участке, отведенном сразу же после основания новой столицы капитан-командору Шхельтингу, русский император построил свой первый Зимний дворец и распорядился прорыть канал, ограничивающий дворцовый участок с запада и соединяющий Неву с рекой Мойкой (Зимняя канавка). В те же годы от набережной Невы к Мойке, вдоль западной границы будущего Марсова поля, отходил (ныне засыпанный) Красный канал.

Берега реки Мойки стали постепенно осваиваться уже в первые годы строительства нового столичного города. В начале жилые строения появились на правом берегу Мойки в 1705 году, вскоре после постройки Адмиралтейства. Это были, как правило, небольшие деревянные дома, возведенные на участке между Невской перспективой и Исаакиевской площадью. Их заселяли главным образом морские офицеры, корабельные мастера и иные работники Адмиралтейской верфи.

5 (16) ноября 1704 года, вскоре после основания новой столицы Петр I заложил на южном берегу Невы судостроительную верфь – Санкт-Петербургское, или Главное, Адмиралтейство. Архивные документы утверждают, что строилась она по проекту и при непосредственном участии самого российского императора. Сегодня в Центральном военно-морском музее нашего города хранится старинная гравюра с собственноручной подписью Петра I: «Сей верфь делать государственными работниками или подрядом как лучше и построить по сему».

Царь сумел разместить на сравнительно небольшом земельном участке необходимые и взаимосвязанные кораблестроительные производства.

В начале 20-х годов XVIII века в устье реки Мойки построили адмиралтейские склады для хранения и выдержки лесоматериалов, мастерские по строительству шлюпок, корабельного рангоута и блоков.

В развитии идеи российского императора о превращении новой столицы в Северную Венецию, для удобства транспортировки строительных материалов на верфь и склады, в 1720 году специально прорыли Адмиралтейский канал, по которому на верфь доставляли лес из «магазинных» – складов, проводили для завершающей оснастки боевые галеры из Галерного двора.

В 1717–1719 годах, почти под прямым углом к Адмиралтейскому каналу, через территорию современной площади Труда проложили еще один рукотворный водоем – Крюков канал. В Государственном архиве сохранился документ XVIII века, удостоверяющий факт приемки нового канала: «Урочище Крюков канал, который проведен из Большой Невы, мимо Новой Голландии в Мойку речку, звание свое имеет по сему, что с первых лет был здесь при Санкт-Петербурге знатный подрядчик посадский человек, прозванием Семен Крюков, которого государь Петр Великий знал довольно, и оный подрядчик выше описанный канал делал, от чего и именоване получил».

Кстати, должен отметить, что после опустошительных грандиозных пожаров 1736–1737 годов на набережных Мойки Комиссией о каменном строении Санкт-Петербурга при разработке проекта планировки части города между Мойкой и Фонтанкой было решено продлить Крюков канал от Мойки до реки Фонтанки по прямой линии. Продление диктовалось необходимостью расселения в этих местах значительного числа погорельцев – морских офицеров и адмиралтейских служащих. В те трагические дни настоятельно потребовалось эффективное гидротехническое сооружение, чтобы быстро осушить заболоченную местность, отведенную погорельцам, и получить надежную дешевую водную магистраль для доставки необходимых строительных материалов и продуктов питания. Причиной страшных пожаров, уничтоживших почти все строения на набережных реки Мойки, по мнению Комиссии, стала невероятная скученность на них деревянных зданий: «...порой между домами даже один человек проходил с трудом».

Для погорельцев – адмиралтейских служащих – отвели участок за Мойкой, вдоль Глухой речки (впоследствии – Екатерининского канала) от Вознесенского моста до пересечения с нынешним руслом Крюкова канала. Значительная площадь земельного участка, предназначенного для заселения погорельцев с набережных Мойки, тогда представляла собой совершенно неосвоенный и сильно заболоченный лес. Проект его осушения и последующего освоения 20 апреля 1738 года утвердила императрица Анна Иоанновна, а в начале 40-х годов XVIII века на осушенном участке уже приступили к строительным работам.

Князь А.Д. Менишков, первый генерал-губернатор Петербурга

В непосредственной близости от набережных Мойки, в Адмиралтейской части города, одной из первых возвели деревянную церковь Преподобного Исаакия Долматского. Кстати, день памяти святого – 30 мая по старому стилю, совпадал с днем рождения основателя Петербурга. В этом храме в 1712 году Петр I венчался с Екатериной Алексеевной – будущей императрицей Екатериной I.

От первого Зимнего царского дворца – дома «корабельного мастера» Петра Михайлова, до Потешного поля (Марсова), между Невой и Мойкой протянулись одноэтажные деревянные дома с огородами, принадлежащие жителям Немецкой и Греческой слобод.

За строительство домов в столице, в том числе и первых строений на набережных реки Мойки, за городское хозяйство отвечал первый генерал-губернатор столицы «светлейший князь» А.Д. Меншиков.

В 1703–1706 годах Канцелярией городских дел ведал Р.В. Брюс. Все строительные работы в тот период находились под его контролем. В 1723 году эта организация была преобразована в Канцелярию от строений. В ее состав вошли столичные архитекторы, скульпторы, живописцы и резчики. Ее руководитель отвечал за планировку города, сооружение и ремонт каналов, за состояние больших и малых рек, а также набережных, мостов, заготовку и доставку строительных материалов, заключение контрактов с зодчими, подрядчиками, за работы по отделке зданий, разработку типовых «образцовых» строительных проектов, оплату всех строительных работ и наем рабочей силы.

Под руководством этой организации Северная столица с самого начала строилась по планам и проектам, а не хаотично. Подобного планового возведения зданий в новой столице Европа не знала. Ее города возводились постепенно, иногда целыми столетиями. С самого своего рождения Санкт-Петербург приобрел собственный оригинальный и неповторимый вид.

Согласно историческому описанию города Санкт-Петербурга, составленному русским историком и архивариусом А.И. Богдановым, к периоду 1716–1717 годов в первых домах по набережной реки Мойки жили русские и иностранные специалисты различного ранга. Дома представляли собой деревянные постройки из положенных друг на друга бревен, которые обычно обтесывали лишь внутри. Крыши жилых зданий либо покрывали тонкой еловой щепой, либо же досками длиной 10–12 футов, уложенными рядами и закрепленными парой поперечных реек. Кто хотел лучше защититься от дождя, тот, как правило, укладывал под доски большие куски березовой коры. Иные же клали поверх щепы большие четырехугольные куски дерна. Очевидцы вспоминали, что пока он был свеж, крыша дома походила на цветущий зеленый луг.

Любопытно отметить, что дарственная на земельный участок по набережной реки Мойки в те годы обязывала владельцев «отделать деревом» берега водоема. Обычно тогда обустройство берегов реки, строительство на них жилых построек сопровождалось вырубкой близлежащих лесных массивов. Однако царским указом категорически запрещалось рубить дуб, клен и липу. В случае же нахождения выделенного участка застройки в зоне произрастания подобных сортов деревьев «их надлежало бережно вырывать из земли и пересаживать в приусадебные сады и огороды».

Петровский указ от 3 сентября 1716 года требовал, чтобы жители набережной реки Мьи «против своего двора по утрам, покамест люди по улице не будут ходить... с мостовой всякий сор сметали, и камень, которые из своего места выломятся, поправляли, и чтоб по улице отнюдь никакого сору не было...»

Не выполнявших этих обязательных правил сурово наказывали: штрафовали «по две деньги с сажени в ширину их двора». Особенно строго наказывали тех, кто сбрасывал в русло речки мусор и разные нечистоты. За подобные поступки виновных публично били кнутом, а в отдельных случаях, «чтоб было неповадно другим», ссылали на вечные каторжные работы.

Правда, заметим, идеальной чистоты на набережных водоема тогда все же не было, но во все времена детище Петра Великого – реанимированная им река Мойка – оставалось объектом, в котором по его распоряжению с 1717 года неукоснительно действовали правила, предохраняющие набережные старейшей столичной реки от загрязнения городскими отбросами. А как отмечали современники, уборка территорий водоемов в петровские времена являлась делом весьма нелегким. Мостовых в полном смысле этого слова длительное время на набережных реки фактически не существовало. В первый же год после ввода в строй очи-

щенного, углубленного и расчищенного водоема его набережные лишь выстилались хворостом, и только во второй половине XVIII столетия на них появились первые пешеходные настилы из толстых сосновых досок. Петербуржцы, обосновавшиеся на набережной Мойки, так же как и те, кто жил на набережных новых столичных каналов, постоянно жаловались: «Когда один только день идет дождик, то уже нигде нет прохода и на всяком шагу вязнешь в грязи».

Заметим, что в те годы в новой столице катастрофически не хватало камня для мощения улиц и набережных, поэтому по указу Петра I от 24 сентября 1714 года все приезжающие в Санкт-Петербург должны были привозить с собой камни: «30 камней весом не менее 10 фунтов каждый, а на лодках – того же веса 10 камней, на возах – 3 камня по 5 фунтов...» За каждый не доведенный до города камень на ослушника царева указа накладывался денежный штраф.

Вслед за этим последовал еще один необычный указ. В связи с тем что в петровское время набережные столичных рек и каналов мостили не только камнем, но и довольно быстро портящимся деревом, царь повелел: «Чтоб с сего времени впредь скобами и гвоздями, чем сапоги мужские и женские подбиваются, никто бы не торговал и у себя их не имел; так же и никто, какого бы чину кто ни был, с таким подбоем сапогов и башмаков не носили. А ежели у кого с таким подбоем явятся сапоги или башмаки, и те жестоко будут штрафованы, а купеческие люди, которые скобы и гвозди держать будут, сосланы будут на каторгу, а имение их взято будет...»

Первоначально берега Мойки укрепляли сваями – на каждую сажень по три сваи, за которыми закладывали щиты, сбитые из досок. Однако годы и регулярные наводнения быстро разрушали деревянные набережные водоема и его прибрежную защиту. Приходилось довольно часто не только укреплять берега реки и ее набережные, но и проводить работы по очистке водовода. В 1736–1737 годах вновь проводились капитальные работы по углублению дна Мойки, выпрямлению ее берегов и укреплению их новыми деревянными щитами. Однако сильнейшее наводнение 10 сентября 1777 года в считанные часы буквально разметало деревянные береговые опоры, массивные щиты и нарушило возможность проезда по обеим сторонам водоема. Городской голова и отцы Санкт-Петербурга вынуждены были наконец единодушно решить вопрос о сооружении каменных набережных реки.

И все же, несмотря на практическую целесообразность и государственную необходимость подобного решения, набережные Мойки с деревянными ограждениями просуществовали вплоть до конца 1790-х годов. Работы же по сооружению ее гранитных набережных начались лишь после окончания строительства каменных парапетов левого берега Невы, Фонтанки и Екатерининского канала. Берега Мойки постепенно облицовывались камнем лишь в период 1798–1810 годов. Проект новой гранитной набережной реки подготовил в конце XVIII столетия известный военный инженер и архитектор И.К. Герард, а работами по облицовке камнем Мойки непосредственно руководил знаменитый столичный мастер Самсон Суханов. Он являлся не только блестящим техническим исполнителем, но и обладал недюжинным художественным даром. Камнерез-умелец всегда приносил в проект нечто свое, оригинальное, превращавшее результат его труда в совершенное произведение.

По своему подобию и общему характеру гранитный облик этого водоема мало чем отличается от набережных реки Фонтанки и Екатерининского канала, однако в отличие от них переброшенные через Мойку деревянные мосты тогда были заменены не каменными, а чугунными, более изящными по своему архитектурному оформлению и оригинальному в техническом отношении сооружениями. При их постройке использовались различные, весьма необычные конструктивные схемы, в создании которых принимали участие талантливые мостостроители и известные петербургские зодчие. Благодаря этому мосты

реки Мойки стали уникальным художественным украшением Центральной части столичного города.

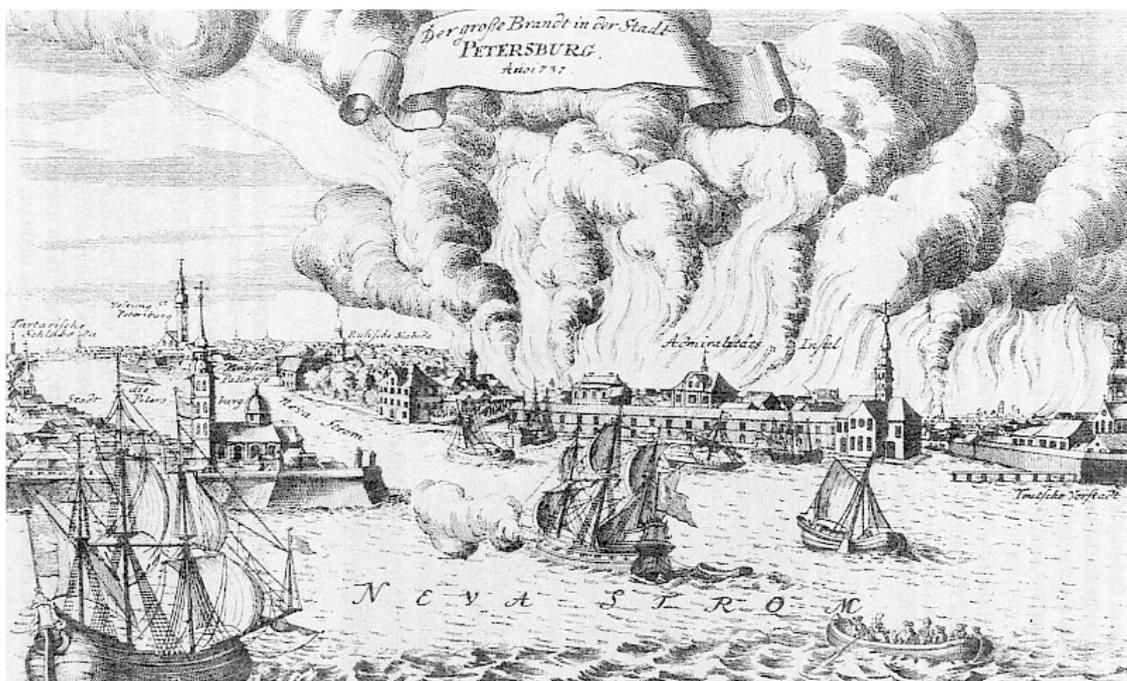
Правда, к досаде руководителя облицовочных работ, сравнительно небольшая ширина свободных проездов по обоим берегам реки не позволила проектировщикам соорудить более широкие и пологие лестницы – сходы к воде. Но зато чугунные ограждения Мойки и ее мостов оказались произведениями искусства – изящными по своему рисунку и более сложными по характеру исполнения. Теперь бывшая ижорская речка Муя стала украшением знаменитого исторического района Санкт-Петербурга.

Облик исторических набережных реки Мойки постепенно складывался на протяжении более трех веков. В наши дни он воспринимается как единое целое. Четкость ритма, обилие шедевров зодчества, необычная «лепота» и благообразность живописной панорамы, архитектурного решения строений делают его стройным и гармоничным неповторимым ансамблем. Выдающимися шедеврами зодчества набережные этой реки начинают обустраиваться после страшных и опустошительных пожаров конца первой половины XVIII века.

Губительные пожары, охватившие русскую столицу во времена правления Анны Иоанновны, в 1736–1737 годах уничтожили всю центральную часть Адмиралтейской части, заполненную в те годы скучной бессистемной деревянной застройкой. Полностью тогда выгорели морские слободы на берегах реки Мойки.

11 августа 1736 года внезапно загорелся деревянный особняк на Мойке у Зеленого (Полицейского) моста. Виновником возгорания здания оказался прислужник персидского посланника, куривший трубку рядом с кучей сухого сена. Туда попала искра, и пламя мгновенно охватило деревянные стены старого дома. В полицейском рапорте тогда указывалось, что менее чем за восемь часов разбушевавшийся пожар уничтожил все деревянные жилые здания от Зеленого моста до Вознесенского проспекта.

Пожар 1736 года уничтожил своеобразную доминанту города, расположенную на тогдашней южной границе Санкт-Петербурга, – двухэтажное здание Гостиного двора, возведенного в 1719 году по проекту столичного зодчего Г. Матарнови. Помпезное строение торгового комплекса, четырехугольное в плане, с таким же внутренним двором, покатою черепичной крышей с башней и высоким шпилем находилось на углу Перспективной дороги (Невского проспекта) и набережной Мойки. Польшавший на ее набережной пожар не пощадил и этот Гостиный двор, он полностью выгорел.

Пожар в Петербурге в 1737 г. Немецкая гравюра

Гигантский пожар 24 июня 1737 года, вспыхнувший сразу в двух местах набережной реки Мойки, также оставил после себя новое огромное пепелище, простирающееся от истока Мойки до Зеленого моста на Невской першпективе. Сгорели более тысячи строений и несколько сотен их жителей. В том же году обратились в пепел почти все дома, расположенные на набережных Мойки от Полицейского (Зеленого) моста до Крюкова канала. Полагали, что причиной возгорания стали умышленные поджоги зданий. В порядке профилактики подобных случаев руководство города разделило Петербург на несколько частей «для обнаружения поджигателей» и в каждой части провело перепись жителей. Петербургские газеты опубликовали любопытный материал, в котором утверждалось, что оперативные действия полиции позволили обнаружить в процессе переписи истинных виновников пожаров, понесших заслуженную кару. На чердаках нескольких жилых зданий полиция обнаружила горшки с легковоспламеняющимися веществами.

После опустошительных пожаров на Мойке погорельцы – морские офицеры, мастера Адмиралтейской верфи – переселились в Коломну, территория которой находилась между Мойкой, Фонтанкой, Пряжкой и Крюковым каналом.

Южная граница российской столицы теперь указом императрицы передвинулась с берегов реки Мойки к набережным реки Фонтанки. На уничтоженных же огнем набережных Мойки многое необходимо было отстраивать заново.

П.М. Ерошкин, главный архитектор Комиссии о Санкт-Петербургском строении

Взирая на безжалостное пламя, пожирающее здания на набережных Мойки, императрица была потрясена и напугана. В 1737 году последовал указ Анны Иоанновны о запрещении строительства деревянных домов в центре столицы. Для упорядочения городской застройки после пожаров 1736–1737 годов Сенат решил своим распоряжением создать Комиссию о Санкт-Петербургском строении во главе с генералом Б.-Х. Минихом. В обязанности вошедших в нее видных столичных зодчих – М.Е. Ерошкина, И.К. Коробова, М.Г. Земцова входила разработка нового генерального плана Петербурга, по которому прежде всего застраивались «погорелые места».

Застройка набережных реки Мьи, по решению Комиссии о строении 1737 года должна была «от Конюшенного двора до Невской перспективы вестись по набережной „единою фасадаю“, а от Зеленого до Синего моста, где дворовые места находятся пространные, на оных строить покои, отступя от улицы саженей 20 или сколько кто пожелает, внутри дворов, а с улицы делать ворота и ограды каменные, или в той ограде делать решетки и обсаживать деревьями». Решением Комиссии также оговаривалось: «А от Синего моста до двора господина генерал-кригскомиссара князя М.М. Голицина, подле Поцелуева моста, вести строительство в линию, без садов на улицу от того же двора князя М.М. Голицына вниз до Чухонской речки. Выводить на набережную Мьи каменные стены или решетчатые заборы... и чтобы наличного к речке Мье деревянного строения вновь отнюдь ничего не строили».

По указу императрицы Анна Иоанновны в Санкт-Петербурге временно приостановили в 1737 году строительство дворцовых и казенных зданий и построек, а для облегчения строительных работ, ведущихся погорельцами, царица строго повелела установить умеренные цены на все строительные материалы.

В начале второй половины XVIII века на опустошенных огнем набережных реки Мойки развернулось интенсивное строительство. Однако при этом социальный состав новоселов значительно изменился, так же как и тип новостроек. Вдоль берегов водоема теперь в основном возводились парадные помпезные особняки петербургской аристократии. Некоторые уцелевшие при пожаре каменные дома на Мойке перестраивали. Первоначальные скромные «набережные покои» меняли свое назначение, превращаясь в великокняжеские дворцы. Владельцами иных новых каменных особняков на Мойке становились люди известных дворянских фамилий, древних боярских родов. Роскошные дома, родовые особняки дворцового типа для них возводили знаменитые зодчие, имена и деяния коих вошли в анналы шедевров архитектуры.

В числе прочих актуальных рабочих вопросов Комиссия обязывалась следить за противопожарной безопасностью новостроек. Архитектор П.М. Еропкин составил специальную памятку для будущих домовладельцев, упомянув об их конкретных задачах и обязанностях: «Како быть строению, как по улицам, так и во дворах... и учинить тому строению... особливо твердый план и чертеж, дабы всяк впредь по тому надежно строить и поступать мог». Комиссии также надлежало осмотреть во всех дворах деревянные строения и в случае тесноты и опасности распространения пожара назначить их «сломку».

Один из членов Комиссии – архитектор М.Г. Земцов – разработал несколько вариантов типовых («образцовых») жилых одноэтажных строений «на погребах». Теперь при отведении Комиссией участка владелец обязан был представить для утверждения детальный план здания и его фасада. После же утверждения проекта будущий владелец дома давал подписку о том, что «на том месте оное наличное каменное строение строить со всякой крепостью и предостойностью и погреба делать со сводами и у тех погребов главные наружные двери железные, и у палат рундуки и лестницы каменные, и то строение закладывать и производить под присмотром и показанием архитектора Земцова, а сверх тех апробированных плана и фасада лишнего строения и на дворе служб... не строить под опасением штрафа».

Подобные требования не только предусматривали обеспечение противопожарной безопасности, но и способствовали «регулярству» нового здания.

Облик набережных реки Мойки постепенно менялся. Вырастали многоэтажные дворцовые ансамбли, роскошные особняки столичной элиты, состоятельных городских предпринимателей и деловых людей, а несколько позже и красивые доходные многоэтажные дома с коммерческими дорогами квартирами «под солидных жильцов».

Ко второй половине XIX – началу XX века набережные водоема приобретают статус привилегированного престижного роскошного участка столичного города. Из 116 зданий, возведенных на берегах Мойки, 27 занимали строения весьма солидных министерств. Шесть строений построили для православных и иноверческих храмов и соборов. В 25 представительных домах расположились крупные отечественные банки, акционерные общества и солидные деловые конторы финансовых и общественных предпринимателей. В 19 роскошных особняках и дворцовых строениях расположились представители дома Романовых, придворная знать и известные представители высокопоставленной аристократической элиты.

Одним из первых величественных сооружений на Мойке в конце 30-х годов XVIII века стал дворец известного дипломата графа К.Г. Левенвольде, возведенный архитектором Ф.Б. Растрелли на том месте, где ныне располагается основной корпус Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

В середине XVIII столетия на левом берегу реки по проекту зодчего Н.Ф. Гербеля возвели каменные корпуса придворных конюшен, а на участке теперешнего жилого дома № 12 тогда же возвели роскошный трехэтажный особняк на подвалах из камня кабинет-секретаря и ближайшего сподвижника Петра I А.И. Черкасова. Каменные службы этого здания с открытыми двухъярусными аркадами сохранились до наших дней.

Неподалеку от Красного моста на набережной реки Мойки на огромном земельном участке после пожаров 1736–1737 годов возвел свой фамильный особняк сенатор граф П.И. Мусин-Пушкин, соратник А.П. Волынского, боровшегося против немецкого засилья в столице. Графу вырезали язык и сослали на каторгу в Сибирь. Позже через конфискованную у него усадьбу проложили новую улицу, названную тогда Средней перспективной магистралью, проходившую в те годы от Адмиралтейства до Мойки.

Князь А.П. Волынский, кабинет-секретарь императрицы Анны Иоанновны

На участке нынешнего дома № 61 на Большой Морской улице, проходящей по правому берегу реки Мойки, в собственном каменном доме длительное время жил и в 1765 году скончался знаменитый русский академик М.В. Ломоносов.

На левом берегу реки во второй половине XVIII века располагался небольшой двухэтажный каменный особняк, принадлежавший генерал-фельдмаршалу графу П.И. Шувалову, инициатору важных военных и экономических преобразований в Российской империи. Много позже этим участком, с построенным на нем дворцом, владел князь Феликс Юсупов граф Сумароков-Эльстон – убийца Григория Распутина.

В 1750–1753 годах зодчий Ф.Б. Растрелли на участке нынешнего дома № 50 построил огромный двухэтажный особняк с каменными же флигелями, обрамляющими парадный двор дома, для состоятельного столичного предпринимателя Штегельмана, а в 1754 году тот же зодчий завершил на углу Невской перспективы и левого берега Мойки строительство роскошного дворца «именитого человека» и коммерсанта С.Г. Строгонова.

В 1766 году по проекту архитекторов А.Ф. Кокоринова и Вален-Деламота на набережной реки Мойки возводятся дворец и обширный сад для президента Академии наук, гет-

мана Украины графа К.Г. Разумовского и представительное жилое здание дворцового типа с обширным участком земли на углу будущей Гороховой улицы и набережной Мойки для бывшего денщика Петра Великого, ставшего затем российским фельдмаршалом, А.Б. Бутурлина. Это лишь краткий, неполный перечень великолепных каменных строений, возведенных для знатных лиц на набережных реки Мойки после пожаров в 1736–1737 годах, уничтоживших на них почти все деревянные постройки. С каждым годом столичные газеты с радостью сообщали обывателям Петербурга о постройке того или иного нового здания на Мойке для представителей элиты или богатого предпринимателя.

Генерал-фельдмаршал К.Г. Разумовский, президент Академии наук

Со второй половины XIX столетия набережные Мойки в XVIII–XIX веках славились своим порядком, чистотой и ухоженностью. Жилой фонд содержался всегда в идеальном порядке и чистоте. За его благополучием обычно следили опытные управляющие домами, домовладельцы, швейцары и дворники. Все здания всегда были своевременно выкрашены и отремонтированы. Большинство парадных подъездов имели красивые навесные козырьки от дождя и снега. По краю тротуара всегда устанавливались фигурные металлические или каменные тумбы, предохраняющие пешеходов от возможных наездов на них лихих извозчиков и грузовых телег. Подъезды и парадные двери, изготовленные из полированных ценных пород дерева, украшали начищенными до блеска медными или бронзовыми решетками и дорогими фигурными дверными ручками, ослепительно сиявшими в лучах солнца. У парадных дверей большинства домов набережных Мойки всегда стояли представительные

швейцары благообразной внешности, облаченные в красивое форменное обмундирование (ливрею и фуражку с золотым позументом).

Управляющий домом на Мойке – фигура особая. Его нанимали по договору с обязательным условием «ответственности за все по дому упущения и беспорядки и принятия на свой счет и страх все могущие последовать от того взыскания, налагаемые административными и судебскими властями». Как правило, это были энергичные профессионалы, надежные и предприимчивые люди, наделенные немалыми правами.

Муниципальные власти особо внимательно следили за поддержанием достойного порядка не только в элитных домах, расположенных на набережных реки Мойки, но и на территории, примыкающей к ним.

В справочной книге «Для господ домовладельцев и управляющих» содержались все официальные постановления городской думы, относящиеся к хозяевам строений и руководителям государственных учреждений. Домовладелец и его управляющий отвечали перед властями за все, что нарушало общественные правила, несло строгую административную и даже уголовную ответственность за возможные упущения и нарушения.

Неширокие, уютные набережные водоема и живописные перспективы его отрезков придавали Мойке строгую классическую прелесть. Однако если здания, подступавшие к берегам реки, во все времена, вплоть до революционных событий 1917 года, содержались в образцовом порядке, то о самом водоеме и его берегах этого сказать нельзя. Петербургская пресса регулярно писала о бедственном положении реки Мойки. Обращая внимание городской управы на очередное состояние реки Мойки, журналисты писали о периодическом обмелении русла «заиленного» водоема, осыпании с его набережных гранитной облицовки, падении ее в воду и смывании отдельных плит проливным дождем. Перила ограждения реки с годами также разрушались, проседали и нуждались в срочном ремонте. Время не щадило и мостовые набережных реки – они постепенно разрушались, а их отдельные элементы периодически вообще исчезали с проезжей части.

Критика столичной прессы оказывалась иногда результативной. В XIX – начале XX столетия очередные заседания городской управы специально включали в повестку дня вопросы об очистке реки Мойки на определенных участках, углублении ее русла, восстановлении по нему судоходства и увеличении водотока, нормализующего его санитарное состояние.

На особых заседаниях Санкт-Петербургской городской думы в начале XX века неоднократно обсуждались вопросы не только о капитальном ремонте набережных реки Мойки, но и об основательных работах по полной переделке ее гранитной облицовки.

Городская дума приняла официальное решение о капитальном ремонте набережной реки, но и выделила для этого необходимые ассигнования. Получив огромные деньги на капитальные работы по ремонту набережных водоема, государственные чиновники выставили подряды на торги. Подрядные работы достались малоопытным и технически безграмотным «предпринимателям», умеющим заполучить подряд, но не способным обеспечить надлежащее качество работ.

Несостоятельность ремонтных капитальных работ на набережной Мойки в начале XX столетия, произведенных подрядчиком-мошенником, была обнаружена лишь после того, когда подряд был завершен, одобрен и принят «компетентной» комиссией Государственной думы.

Городская же техническая компетентная экспертиза признала работы не отвечающими условиям заключенного подряда. Качество ремонта оказалось настолько скверным и недоброкачественным, что плиты и камни через некоторое время стали пластами отваливаться от стен реставрированных набережных, ибо техническая лабораторная экспертиза установила, что цемент в строительном растворе полностью отсутствовал. Работы же проводи-

лись либо при полном исключении обязательного контроля со стороны заказчика, либо при весьма поверхностном формальном надзоре за отдельными этапами капитального ремонта на набережных реки Мойки. Судебная палата единодушно признала виновными всех представителей заказчика и подрядчика. В газетных публикациях журналисты и гласные городской думы проанализировали причины подобного казнокрадства и мздоимства и пришли к выводу, «что раньше взяточничество в основном приписывалось мелким служащим. Теперь же высшие чиновники научились умело составлять сметы на строительные подряды, завышая объемы работ и ставя подрядчику условиями о необходимости поделиться деньгами с чиновником». Звучит вполне актуально и в наше время. Мздоимство оказалось бессмертным, несмотря ни на что.

Участь реки Мойки омрачалась не только продажностью ее государственных опекунов. Начиная со второй половины XIX века в Санкт-Петербурге периодически возникали инициативные ассоциации, их учредителями бывали не только весьма предприимчивые деловые люди, хорошие психологи, желающие быстро и легко разбогатеть, но и авторитетные в деловых и общественных кругах специалисты. Наиболее солидной и активной организацией подобного рода являлась в те времена ассоциация, созданная группой акционеров одной из строительных компаний, возглавляемой инженер-полковником Н.И. Мюссардом и его заместителями – архитектором Н.Л. Бенуа и инженером-технологом по вопросам городской канализации и водоснабжению А.Ф. Буровым. «Новые русские» бизнесмены того далекого времени в городской думе и муниципальных организациях не раз заявляли о катастрофическом положении столичных каналов и малых рек, в том числе и Мойки. По их мнению, «набережные и тротуары этих водоемов довольно узки, а их стены, перила и спуски к воде длительное время не ремонтировались и практически разрушились. Судоходство по этим водным городским магистралям теперь якобы осуществляется лишь в самом незначительном объеме и никак не вознаграждает население столичного города за все существующие неудобства». Авторы проекта предлагали глобально пересмотреть существующую планировку Санкт-Петербурга и засыпать все многочисленные водоемы – городские каналы и реки, постоянно заражающие воздух зловоньем от застоя скопившихся за долгие годы ила и отбросов.

Авторы проекта, названного гласными городской думы «достроительным вандализмом», пытались убедить население и руководство Петербурга, что надеяться на устранение столь далеко зашедших разрушений внутренних водных магистралей средствами города совершенно невозможно. Предприимчивые специалисты, в числе которых особым красноречием выделялся известный столичный архитектор Н.Л. Бенуа, уверенно заявляли, что длительное отсутствие регулярного ремонта и очистки водоемов нанесло им слишком серьезные повреждения и ликвидация их потребует огромных денежных средств.

Концессионеры авторитетно полагали, что в данной ситуации единственным выходом может быть только утверждение их радикального проекта, в котором ими предлагалось оперативно засыпать разрушенные временем и бесхозяйственностью властей городские водоемы. В дальнейшем оказалось, что эта лихая группа градостроительных вандалов намеревалась после засыпки рек и каналов добиться получения в престижном месте города в безвозмездное пользование земли для организации и выгодной эксплуатации на ней конно-железной дороги с рельсовыми путями.

Новоявленные радетели конца XIX века благосклонно предлагали отцам города выгодный, по их мнению, проект: «Их новая фирма, получив землю, становится во главе доходной компании – конно-железной дороги столицы и, прикрывая грехи нерадивых чиновников, облагораживает антисанитарную территорию Центрального района Санкт-Петербурга». Целесообразность своих предложений господина Н.Л. Бенуа и Н.И. Мюссард усиливали рядом чувствительных патриотических лозунгов по организации доступного простому народу

транспорта, разбивку озелененного бульвара для отдыха горожан, с красивым фонтаном, лавками и скамейками для простолюдинов, не имеющих возможности летом выехать на дачи.

К чести заседателей городской думы, этот авантюрный проект «концессионеров» единодушно отвергли, сохранили исторические водоемы и обязали чиновников государственных ведомств впредь «проводить регулярную очистку русла старинных рек и каналов и своевременные ремонтные работы по приведению их стенок и набережных в надлежащий вид».

В своем выступлении гласный петербургской думы Иван Ильич Глазунов, дядя знаменитого русского композитора, тогда решительно заявил: «Неужели для того, чтобы гг. Мюссард, Бенуа и К^о получили возможность устроить в свою пользу на засыпанных исторических водоемах разные торговые заведения, провести на всем их протяжении линию конно-железнодорожной дороги и пользоваться ею для своей огромной выгоды 50 лет, город лишится прекрасной дренажной системы, осушившей огромную болотистую территорию нашей столицы? Подобное предприятие по засыпке рек и каналов прежде всего могло быть выгодно для господ составителей этого авантюрного проекта, а не для Петербурга и его жителей».

В думе тогда не раздалось решительно ни одного голоса в защиту проекта, так много сулившего его предприимчивым разработчикам. Проект единодушно отвергла и петербургская общественность, разглядевшая в его осуществлении лишь нанесение городу огромного вреда.

На этот раз попытку градостроительного вандализма решительно пресекли. Старинные рукотворные водоемы Санкт-Петербурга и его краса и гордость – река Мойка, по-прежнему наперекор судьбе степенно несут воды в Большую Неву.

Вместе с тем следует отметить, что еще долго, вплоть до 1917 года, гласными городской думы будут рассматриваться все новые и новые «прожекты» засыпки столичных каналов и рек. Однако в конечном итоге все они отклонялись, ибо преследовали ту же цель, что и проекты их предшественников, – получить по дешевке престижный участок городской земли и в дальнейшем с выгодой для себя эксплуатировать его.

В 1893 году камер-юнкер Р.Ф. фон Гартман предложил засыпать Екатерининский канал и русло реки Мойки и проложить на засыпанной площади скоростную дорогу на сваях, соединив ее с железнодорожными линиями Балтийского, Варшавского и Николаевского вокзалов. Главную станцию автор проекта предлагал обустроить на месте Банковского моста. Городская дума не поддержала эту идею, требующую «разгрома центральной части столицы и уничтожения ценных исторических сооружений».

В 1895 году Я. Ганеман разработал и представил на рассмотрение городской думы новый проект засыпки каналов и реки Мойки для прокладки вдоль старого русла водоемов электрической железной дороги. Этот проект как «не разработанный в техническом отношении» также решительно отвергли.

В 1901 году гражданский инженер П.И. Балинский и американский инженер М.А. Вернер представили в Министерство внутренних дел еще один проект, рассмотренный в Комиссии о новых железных дорогах при Министерстве финансов. По этому проекту в столице предполагалось построить метрополитен на насыпях и эстакадах, расположенных на высоте от 5 до 10 м над уровнем городских улиц. «Большое кольцо» метрополитена предполагалось протянуть по Сенной площади, набережным Екатерининского и Крюкова каналов, по набережной реки Мойки с выходом на Неву. По узкому железнодорожному пути над Невой поезда метрополитена должны были попадать на Васильевский остров по 12-й линии, пересекать Петровский, Крестовский и Каменный острова и продолжать путь по Выборгской стороне.

Согласно замыслам авторов проекта, линии «большого кольца» пересекали территорию Большой и Малой Охты и в районе Александро-Невской лавры возвращались на левый

берег Невы. Длина всей дороги, по расчетам П.И. Балинского и его компаньона, должна была составить 95,5 версты. Предполагалось, что поезда будут следовать каждые 2–3 минуты со скоростью 43–76 км/ч.

Стоимость строительных работ, по расчетам проектировщиков этой линии метрополитена, составляла 190 миллионов рублей. Под эстакадами скоростной железной дороги авторы проекта предлагали разместить всевозможные склады и магазины. Проект нашел поддержку петербургского градоначальника, члена Государственного совета Н.В. Клейгельса. Однако городской голова П.И. Лелянов, гласный городской думы В.А. Тройницкий и представитель Святейшего синода действительный статский советник К.И. Дылевский указали, что проект нарушает предусмотренные строительные нормативы, запрещающие установление каких-либо объектов, в том числе и предусмотренных проектом столбов ближе чем на 40 метров от церковных зданий и сооружений.

Председатель Комиссии о северных железных и водных путях и торговле Петербургского порта при городской думе Н.А. Архангельский также усмотрел в проекте ряд моментов, нарушающих интересы города. Оказалось, что проект Балинского и Вернера поступил на рассмотрение после того, как дума уже утвердила строительство на территории столицы сети электрических дорог (трамвайного движения). Кроме того, проведение скоростной дороги по территории исторических районов Санкт-Петербурга на уровне второго и третьего этажей жилых зданий не только затемнило бы улицы и жилые помещения в домах, но и ухудшило бы условия проживания в них горожан. Невыносимые грохот и шум от непрерывного движения пассажирских поездов в непосредственной близости от жилых строений могли бы привести к их преждевременному разрушению от постоянного сотрясения и резкому обесцениванию квартир. Комиссия посчитала представленный проект «убыточным для жителей столичного города» и единогласно отвергла его.

И наконец, в начале XX столетия возник план продолжения Большой Морской улицы по набережной Мойки до Невы, где она должна была встретиться с продолжением Английской набережной. Знарок Петербурга Л.И. Бройтман в монографии, посвященной истории одной из интереснейших центральных улиц столичного города, в этой связи писала: «Предполагалось уничтожить склады „Новой Голландии“ и судостроительный завод „Новое Адмиралтейство“. Оба освободившихся острова собирались разбить на участки и пустить их в продажу, а Крюков и Ново-Адмиралтейский каналы засыпать. К счастью, план этот не выполнен и Большая Морская улица по-прежнему завершается у чудесного и романтического островка Новой Голландии, окруженного водоемами».

Вероятно, к благополучному завершению очередной авантюры следует добавить, что ее провал сохранил нам не менее романтическую реку Мойку с ее историческими набережными, ибо последующими планами бизнесменов предполагалось засыпать этот водоем и устроить на его месте широкий городской проспект, названный именем одного из представителей царствующего дома Романовых.

К началу XX столетия архитектурный облик реки Мойки и ее набережных сформировался окончательно и выглядел примерно так, как он смотрится в наши дни.

В период Великой Отечественной войны в бывших дворцовых зданиях располагались штабы созданной армии народного ополчения, военные госпитали. Особняки набережных Мойки жестоко страдали от вражеских бомбардировок и артиллерийских обстрелов.

После войны разрушенные исторические здания восстанавливались. Набережные реконструировались и благоустраивались. Менялось их дорожное покрытие, расширялись зоны озеленения. Периодически очищалось русло древней реки.

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» регулярно информировала жителей города об очистных работах на Мойке. В октябре 1999 года корреспондент газеты Нина Федорова опубликовала свой репортаж с набережной реки: «7 октября 1999 года „Ленводхоз“ присту-

пил к профилактическим работам на Мойке. Земснаряды двинулись вниз по течению, выгребая со дна реки накопившийся за долгие годы слой илистых отложений. Один из земснарядов не смог войти в русло реки Мойки. Его осадка оказалась 1,7 метра, а глубина реки составляла всего 1,4 метра. Тогда самый большой земснаряд отправили к устью водоема для начала работ вверх по течению Мойки. Однако у Поцелуева моста, преодолев две трети русла водоема, тяжелое очистное сооружение вновь застряло. Второй же малый земснаряд продолжал успешно работать в верховьях реки. Илистые и мусорные отложения, осевшие за последние десятилетия, представляли собой довольно толстый слой органических веществ и металлических предметов, а сама Мойка значительно обмелела за этот период».

Технические возможности нашей эпохи позволяют не только очистить русло древнего водоема от отложений на ее дне, но и вернуть ее основные параметры, заложенные по распоряжению Петра Великого при работах на Мойке в период строительства новой столицы России.

На исторических набережных реки, ставшей органической частью Санкт-Петербурга, по-прежнему стоят красивые дома. Для нового строительства здесь давно уже нет места.

Мойка и ее набережные сегодня официально признаны заповедной уникальной зоной города Петра Великого и находятся под государственной охраной.

«Чугун решеток и мосты»

Река Мойка на своем почти пятикилометровом пути пересекается со многими улицами, проспектами и площадями. Ее берега в створах большинства из них соединены мостами. В общей сложности в разные годы над водоемом построено 14 разнообразных мостов, считающихся памятниками отечественной архитектуры. Первоначально первые деревянные мосты реки Мойки не имели названий. Их часто называли именами строителей-подрядчиков или именитых купцов, содержащих поблизости лавки или питейные заведения. В этом отношении Мойка оказалась единственным столичным водоемом, через который некогда проложили деревянные мосты, имевшие «цветные» названия. Подобных сооружений оказалось четыре. Это Желтый мост (ныне Певческий), Зеленый (позднее Полицейский), Красный (на Гороховой улице) и Синий (на Исаакиевской площади). В XVIII столетии эти первые деревянные мосты для отличия друг от друга специально окрасили в разные яркие цвета. После ликвидации старых мостовых сооружений, переброшенных через Мойку, и возведения на их месте металлических конструкций Красный, Синий и Зеленый мосты сохранили до наших дней свои необычные названия.

В топонимике Северной столицы уцелели названия многих уникальных мостовых сооружений реки Мойки. Их классические силуэты, удивительные переплетения отлитых из чугуна решеток ограждений являются удачным дополнением к архитектурным шедеврам – зданиям на берегах исторического водоема. Мосты через Мойку представляют собой интерес и в техническом отношении.

В конце XVIII столетия отечественные инженеры-мостостроители начали применять металл в наиболее ответственных несущих деталях мостов. В первой трети XIX века происходит дальнейшее совершенствование переправ, возводимых на Мойке. В отечественном мостостроении XIX века особую роль сыграли новые конструктивные и композиционные приемы, связанные с использованием новых строительных материалов – чугуна и железа.

Фрагмент детали решетки набережной реки Мойки

Россия вступила в стадию промышленной революции несколько позже, чем более развитые страны Европы. Однако успехи русской промышленности в те годы, особенно металлургической, расцвет науки, формирование отечественных строительных кадров и архитекторов – все это способствовало ускоренному развитию мостостроения в стране. Металлические детали и конструкции мостов – железные арки, плиты настилов, перила и осветительные приборы – изготавливались в те годы на Сестрорецком оружейном заводе под руководством инженера Карла Шпекле и на уральских заводах Н.Н. Демидова.

В XIX веке на Мойке появились первые чугунные мосты, открывшие новую эпоху в истории русского мостостроения. Прочность чугуна позволила придать их аркам совершенно иные пропорции, сделать подобные детали пологими и более тонкими. Создателем первых отечественных мостов из чугуна стал архитектор-инженер Василий Иванович Гесте, стремившийся строить их «с надлежащей прочностью и красотой». Ему принадлежит авторство первых чугунных транспортных мостов на Мойке (Зеленого, Красного, Синего и Поцелуева). Возведенный В.И. Гесте в 1806 году, на пересечении Невского проспекта с

Мойкой, первый мост (Зеленый) из чугунных блоков оказался настолько прочным и долговечным, что продолжает служить и в наши дни.

В своем оригинальном проекте столичный градостроитель использовал техническое рационализаторское предложение английского инженера Р. Фултона, опубликовавшего в 1796 году в техническом издательстве Лондона чертеж подобной конструкции моста. Следует отметить, что сам Фултон свое проектное предложение тогда не реализовал. Доработанная же русским мостостроителем конструкция отечественных чугунных мостов оказалась достаточно надежной, экономичной и несложной для монтажа деталей.

В 1807 году столичный Технический комитет утвердил проект Гесте в качестве первого в истории России типового металлического моста.

«Образцовая» конструкция металлического сооружения В.И. Гесте составлялась из пустотелых чугунных кессонов (блоков) клиновидной формы, заготовленных предварительно для серии подобных сооружений, скрепляемых затем болтами и гайками.

Чугунные блоки, кессоны, или, иначе, тьюбинги, представляли собой отлитые из металла полые ящики стандартного размера – $2,8 \times 1,53 \times 0,38$ м, толщиной 2,5 см. Швы между ними заполнялись своеобразной замазкой, составленной из серы, нашатыря и чугунных опилок в соотношении 1:1:16.

Позже, в 1820–1830-х годах, в Петербурге возвели еще несколько чугунных мостов, проекты которых разработали инженеры-путейцы, профессора столичного Института инженеров путей сообщения, открытого в 1809 году (П. Базен, Г. Треттер, Е. Адам и др.). «Художественная газета» 1 сентября 1840 года писала, что чугунные мосты «по своей легкости и изяществу соответствуют общей красоте столицы», а «их упрощенный до возможности рисунок, составляя приятную противоположность с тяжелыми, гранитными набережными, отличается своим оригинальным и вместе с тем превосходным стилем».

Силуэты большинства мостов пятикилометрового русла Мойки удивительно естественно и точно вписывались в местный ландшафт и разноплановый городской пейзаж.

Исторические мостовые сооружения реки Мойки благополучно дожили до XXI столетия благодаря постоянной заботе о них многих поколений отечественных специалистов.

Во второй половине XVIII столетия на месте нынешнего Инженерного замка находился деревянный Летний дворец императрицы Елизаветы Петровны, по повелению коей ее любимую резиденцию тогда соединили незамысловатым деревянным пешеходным мостом для перехода дочери Петра Великого в любимую резиденцию своего знаменитого батюшки – Летний сад.

Первый Инженерный мост

Главные ворота этого «парадиза» Петра Великого располагались непосредственно на противоположном берегу реки Мьи. Мост через будущую Мойку сооружали по проекту Ф.Б. Растрелли, и назвали «Летним переходным мостом». Его оригинальность заключалась тогда в том, что он стал первым крытым мостовым сооружением столичного города.

Через пятьдесят лет, при реализации многопланового проекта архитектора К.И. Росси по перепланировке района, прилегающего к площади Искусств и Михайловскому замку, по проекту инженеров П.П. Базена и Э.К. Клапейрона в 1828–1829 годах на месте старого деревянного соорудили новый однопролетный чугунный изящный мост, также названный первоначально «Летним». Как и мосты инженера В.И. Гесте, разработчика своеобразных чугунных мостовых сооружений, новый Летний мост через Мойку также состоял из полых чугунных секций, скрепленных болтами. В отличие же от ранее сооружавшихся сборных металлических мостов стены и днища чугунных секций, образующих пролетное строение Летнего моста, были прорезаны специальными проемами, значительно уменьшившими вес его свода.

Иным отличием Летнего чугунного моста стало то, что его конструкция опиралась на гранитные стены набережных Мойки и не имела устоев. Тротуары же для пешеходов, несущие небольшую нагрузку, вынесли за пределы проезжей части моста и надежно укрепили металлическими кронштейнами.

Его основные конструкции изготовили на двух столичных литейных предприятиях – в цехах Александровского чугунолитейного завода и мастерских машиностроительной фирмы Берда. Введенный в 1829 году в самом начале реки Мойки новый металлический мост переименовали в Инженерный, а начиная с 1832 года он стал официально называться Первым Инженерным.

В те времена это мостовое сооружение в длину составляло 20,05 м, при ширине пролета 9,5 м. Его новое название связано с одновременным переименованием резиденции

императора Павла I – Михайловского замка в Инженерный (в 1823 году в помещениях Михайловского замка разместили Главное инженерное училище).

Уникальный мост кроме своих технических достоинств отнесен к числу ценнейших памятников отечественной архитектуры. Его боковые стенки украшены литыми чугунными щитами с изображением военных атрибутов – античных щитов и боевых шлемов.

Решетка, отлитая из чугуна по рисунку архитектора Л.И. Шарлеманя, являет собой набор старинных римских коротких копий-дротиков, соединенных между собой горизонтальными тягами. Устои решетки набережной Мойки представлены ликторскими пучками – символом власти представителей особой стражи в Древнем Риме. На них укреплены щиты и мечи с изображением головы горгоны Медузы, поверженной героем древнегреческого эпоса Персеем. Кстати, несколько раньше, в 1826 году, аналогичная решетка с подобным рисунком была установлена у южной границы Летнего сада, на левом берегу реки Мойки – на месте гранитных брусверов с орудиями, охранявшими резиденцию императора Павла I – Михайловский замок.

Первый Инженерный мост через Мойку достаточно интенсивно эксплуатировался более 120 лет, без капитального ремонта. В 1946 году техническая плановая комиссия обнаружила в нем целый ряд прогрессирующих дефектов, связанных со значительной деформацией пролетного строения и просадкой мостовых опор. Движение по Первому Инженерному мосту тогда закрыли. Через пять лет состояние основных мостовых конструкций стало критическим и его признали угрожающим.

Нижне-Лебяжий и Первый Садовый мосты

В 1952–1954 годах по проекту ленинградского инженера Б.Б. Левина провели капитальные работы по реконструкции моста. Его чугунный массивный пролет тогда успешно заменили металлической рамной системой со стальным ригелем и железобетонными «ногами». Опоры Первого Инженерного моста также капитально отремонтировали, укрепив

в их основании добавочные наклонные сваи. После окончания работ мостовое сооружение вновь признали вполне пригодным для проезда по нему тяжелых грузовых машин. В 1955 году на нем полностью реставрировали все архитектурные детали и восстановили в прежнем виде старинные фонари и торшеры.

В 1820-х годах в связи с сооружением Михайловского дворца все прилегающие к нему территории подверглись основательной перепланировке. Садовую магистраль, доходившую в те годы лишь до Итальянской улицы, продолжили до Марсова поля. Вдоль южной границы Летнего сада проложили новый проезд к реке Фонтанке и построили Нижне-Лебяжий мост.

Каменный однопролетный Нижне-Лебяжий мост, облицованный финским гранитом, соорудили по проекту инженера П. Базена в 1835–1837 годах в месте впадения Лебяжьей канавки в реку Мойку. Длина этого сооружения составляла 19,55 м, ширина – 19,85 м. Первый же деревянный одноименный мост балочной системы построили на свайном основании в некотором отдалении от места сооружения его будущего каменного собрата. Деревянная переправа через Лебяжий канал напоминала известные мостовые сооружения арочного типа с пологим сводом и деревянными перилами. Опоры и пролетное строение украшала также деревянная дощатая обшивка, раскрашенная под дикий камень.

Новый каменный мост передвинули к устью Лебяжьего канала и, начав стройку в декабре 1836 года, завершили ее через шесть месяцев. Мост получился однопролетным, арочным с кирпичным массивным сводом и опорами из бутовой кладки на свайных ростверках (нижней части мостового фундамента, распределяющей нагрузку на основание). Фасады каменного моста и его опоры облицовали гранитом.

Рекордные сроки возведения мостового сооружения стали тогда основанием для многочисленных шуток и острот в адрес горе-строителей, завершивших свою работу в духе: «Поспешишь – людей насмешишь!»

Дело в том, что сразу же после завершения строительных работ и снятия опалубки (кружал) кирпичный свод каменного моста дал трещину, заметно увеличившуюся на протяжении последующих шести лет. К 1842 году трещина стала больше на 25 см. Компетентная комиссия зафиксировала «раскрытие швов» в основании гранитных арок. Попытки ликвидировать дефект забивкой в раскрытые швы гранитных щек мостового сооружения специальных медных клиньев оказались безрезультатными. Через четыре года все забитые клинья разом выпали из гнезд, а кирпичный свод моста еще больше осел и стал интенсивно крошиться. Отдельные массивные кирпичные блоки начали срываться со стенок и падать в воду при любом незначительном сотрясении массивной конструкции свода.

Проект основательной реконструкции разрушенного каменного Нижне-Лебяжьего моста подготовили к марту 1847 года. Через год строительные работы благополучно завершили, но через два года в кирпичном своде мостового сооружения вновь обнаружили нежелательные дефекты. Кладка по непонятным причинам стала вновь интенсивно разрушаться и частями обрушиваться в воду канала. С годами процесс разрушения моста нарастал и его состояние, по мнению технической комиссии, достигло опасной критической точки. В начале 1920-х годов Нижне-Лебяжий мост во избежание катастрофы закрыли для движения. Мосту снова срочно потребовался основательный ремонт. Теперь работы велись по проекту инженеров-мостостроителей Б.Ф. Васильева и А.Л. Саларева, заменивших в 1925 году кирпичный свод прочным железобетонным коробового сечения. Боковые поверхности сооружения облицовали плитами гранита, реставрировали его чугунные перила, сохранив их исторический вид и рисунок в ряду ажурных чугунных секций-панелей. Сегодня этот мост не только радует петербуржцев и гостей города своими формами и архитектурными деталями, но и обеспечивает довольно напряженную транспортную связь нескольких частей Северной столицы.

Ансамбль красивейших мостовых сооружений располагается на участке Инженерного замка, Марсового поля и Михайловского сада. Они гармонично сочетаются с гранитными набережными водоема и строгими очертаниями величественных зданий.

В «кильватерном строю» подобных переправ через реку Мойку помимо Первого Инженерного и Нижне-Лебяжьего мостов находятся также Садовый, Мало-Конюшенный, Театральный и Большой Конюшенный мосты.

Все они после перестройки в конце XVIII – начале XIX века стали однотипными и украсились красивыми фонарями, своим внешним видом резко отличавшимися от старых. Появились светильники самых разнообразных форм из стекла, а каркасы для фонарей стали ковать из железа. Фонари на мостах Мойки – уникальные произведения искусства и неперенные элементы архитектурного убранства набережных этого городского водоема. Из предмета сугубо утилитарного они превратились в архитектурные предметы малых форм, тесно связанные с окружающей средой. Подобная органичная связь архитектурного убранства окружающих исторических строений особенно проявлена в соседстве с Инженерным мостом и его фонарями, сооруженными в 1828–1829 годах в непосредственной близости от Инженерного замка. Этот мост и осветительные фонари на нем – своеобразный памятник Отечественной войны 1812 года, о чем убедительно свидетельствуют использованные для их оформления воинские доспехи и оружие – шлемы, щиты, копья и боевые топоры. По мнению создателей моста и его фонарей инженера П.П. Базена и архитектора К.И. Росси, сооружения должны были напоминать последующим поколениям россиян о ратных подвигах соотечественников, «покрытых славою двенадцатого года». В гранитную прямоугольную опорную тумбу вмонтирован пучок из шести скрещенных боевых копий, перевитых посредине венком. На остриях копий укреплен красивый шестигранный застекленный фонарь.

Вблизи Инженерного замка можно видеть еще один мост через Мойку – Садовый, с фонарями и решетками, украшенными элементами воинского снаряжения. Всем казалось, что этот мост построен одновременно с Инженерным. Очень уж их фонари схожи друг с другом. И действительно, фонари – близнецы. Одинаковое основание фонарей – гранитный прямоугольник, схожие торшеры в виде связки из вертикально поставленных остроконечных копий с римским штандартом посредине.

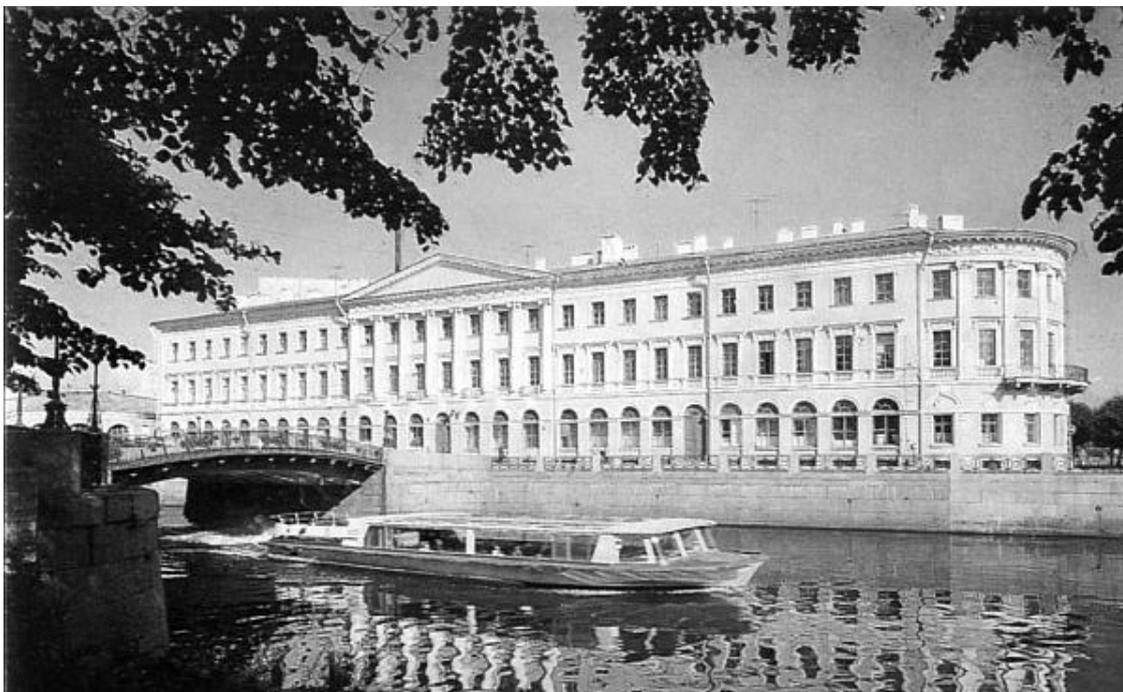
Подобное архитектурное оформление Садовый мост получил в 1907–1912 годах, при его капитальной перестройке.

Первый же Садовый (бывший Михайловский) мост через Мойку возвели в 1710-х годах на месте пересечения реки с нынешней Садовой улицей. Тогда он был деревянным и имел подъемную среднюю часть, позволяющую пропускать шедшие по водоему мачтовые суда.

При сооружении на Мойке гранитных набережных в 1798–1810-х годах Первый Садовый мост перестроили в однопролетный, деревянный с каменными опорами. В 1835–1837 годах через Мойку по Садовой улице построили однопролетный каменный арочный мост по проекту инженеров П.П. Базена, А.Д. Готмана и И.Ф. Буттаца.

В связи со значительным увеличением нагрузок на пролет каменного Садового моста (по Садовой улице через мост проложили трамвайные пути) архитектор Л.А. Ильин в 1907–1908 годах полностью перестроил его, заменив старый свод металлическими фермами и повторив архитектурные мотивы оформления чугунных мостовых сооружений первой трети XIX столетия – литые чугунные ограждения из круглых ажурных щитов и перекрещивающихся копий. По мнению краеведа Б.И. Антонова, «рисунок решетки перестроенного Садового моста повторял известные очертания нижней части ворот у здания Русского музея, спроектированных Карлом Росси». Построенный в традициях русского классического зодчества первой половины XIX века Садовый мост по праву входит в исторический ансамбль

окружающих его памятников архитектуры и садового паркового искусства – Летнего и Михайловского садов, набережной Мойки и Инженерного замка. Сегодняшний Садовый мост, расположенный в створе одноименной улицы, имеет длину 33,8 м и ширину 20,4 м.

Второй Садовый мост. Дом Адамини

В 1876 году в створе проезда через Марсово поле, на северо-западной границе Михайловского сада, через Мойку перебрали однопролетный металлический мост на массивных чугунных сваях, по которому тогда наладили регулярное движение петербургской конки. Мост располагался напротив Садового моста, находящегося у противоположной границы садового участка, и был на девять метров длиннее своего старшего собрата. Его длина составляла 42,8 м, а ширина – 20 м. Его назвали Вторым Садовым мостом.

В 1933 году это мостовое сооружение перестроили в трехпролетное деревянное для организации по нему трамвайного движения, кольцо которого тогда было на Конюшенной площади.

В 1967 году Второй Садовый мост капитально переделали в соответствии с проектом инженера Е.А. Болтунова и архитектора Л.А. Носкова. Он стал однопролетным, с трехшарнирной железобетонной рамой и облицованными гранитом опорами. При разработке нового проекта авторы сумели придать внешний вид, типичный для объекта эпохи классицизма, оборудовав его соответствующими классическими торшерами «под старину» и литыми оригинальными перилами.

Существует одна небезынтересная историческая подробность установки на Втором Садовом мосту старинных металлических перил образца первой половины XIX века.

В 1814 году собрание Правительствующего сената приняло решение построить триумфальную арку для торжественной встречи в столице российской гвардии, победительницы наполеоновской Франции. Сооружение триумфальных ворот тогда доверили зодчему Дж. Кваренги, подготовившему проект однопролетной арки из дерева и алебаstra с фигурами воинов и крылатой богини Славы, венчающей победителей лавровым венком. Деревянные оштукатуренные ворота с декоративными воинскими деталями возвели очень быстро – за один месяц, в 180 метрах от реки Екатерингофки. Торжественная встреча воинов-победите-

лей завершилась, площадь опустела, Триумфальные ворота со временем ветшали и постепенно разрушались. Через 10 лет они даже стали представлять реальную угрозу для пешеходов и транспорта. Их решили снести, но генерал-губернатор М.А. Милорадович – участник войны с Наполеоном, сумел добиться у царя «высочайшего рескрипта», гласившего: «Триумфальные ворота на Петергофской дороге, в свое время наскоро из дерева и алебаstra построенные, соорудить из мрамора, гранита и меди». Проект подготовил зодчий В.П. Стасов. Новые (Нарвские) триумфальные ворота установили на Петергофской дороге, близ моста через речку Таракановку. После благополучного завершения строительных операций в 1833 году вокруг исторического памятника воинской славы производились работы по приведению старой Нарвской площади в должный порядок. По проекту реконструкции близлежащих участков и их последующего благоустройства ряд городских объектов подлежал сносу. Старую речку Таракановку тогда засыпали, а переброшенный через ее русло старинный мост разобрали и вместе с красивой, художественно оформленной решеткой с символами воинской славы сдали в переплавку. Однако авторы проекта перестройки и реставрации мостового сооружения в створе Марсового поля, осуществленного в 1967 году, сумели создать точную копию исчезнувшего моста через засыпанную часть реки Таракановки у Нарвских триумфальных ворот. Вид исторических перил воссоздали по старым фотографиям благодаря таланту литейщиков трамвайного парка им. М.И. Калинина. Теперь копия старинной утраченной решетки украшает реставрированный Второй Садовый мост вблизи строгой композиции нескольких мостов, объединенных под общим названием «трехколенный» мост.

Автор же подлинной решетки, установленной на мосту через речку Таракановку, к сожалению, остается неизвестным. По мнению компетентных специалистов допускается, что творцом этого шедевра вполне мог быть известный русский архитектор Василий Петрович Стасов – автор Нарвских триумфальных ворот.

Второй Садовый транспортный мост работал с полной нагрузкой, если не сказать более. За два года до начала XXI столетия бетон его настила катастрофически просел, появились дыры под трамвайным полотном. В процессе реконструкции и сложного капитального ремонта рабочие демонтировали все опасные аварийные элементы этого технического сооружения, усилили пролеты и мостовые балки, полностью восстановили его историческое обветшавшее убранство и 23 октября 1999 года завершили обновление моста.

В месте слияния Екатерининского канала и реки Мойки в 1829–1831 годах по проекту инженеров-мостостроителей Е.А. Адама и Г.М. Треттера был сооружен «трехколенный» мост, соединивший разделенные рекой и каналом территории. В исторической литературе он также назывался «трехаркным», «тройным» и «трехарочным».

Идею сооружения вблизи Императорских конюшен на Мойке подобного оригинального тройного моста-площади приписывают столичному главному зодчему К.И. Росси. В те годы, в период окончания работ по прокладке Екатерининского канала и его истока из реки Мойки, существовало несколько проектов по возведению над этими водоемами новых мостов. Однако после споров и обсуждений специалисты все же остановились на наиболее технически надежном и архитектурно приемлемом для центра столичного города проекте «тройного моста». И действительно, этот прекрасный ансамбль до сих пор является уникальным архитектурным сооружением мирового значения, отнесенным к числу шедевров мостостроения. Раньше, до начала 20-х годов XIX столетия, в непосредственной близости от Царицына луга находились два деревянных подъемных моста: Мало-Конюшенный и Перво-Конюшенный. Последний, соединявший берега реки Мойки, в 1770-х годах стал именоваться Театральным, так как вблизи него, на Царицыном лугу (Марсовом поле), в те годы находился деревянный Вольный Российский театр, в котором, кстати, состоялись премьеры комедий Д.И. Фонвизина «Недоросль» и «Бригадир». Автор книги «Российского

театра актеры» Кира Куликова писала: «Внешний вид театра был неказист. Стоял он, по указанию современников, на том же Царицыном лугу. В качестве новых русских артистов сюда были привезены воспитанники московского „Воспитательного дома“. Первая же немецкая театральная труппа, привезенная в Россию заводчиком и негодником Карлом Книппером, также участвовала в спектаклях этого театрального заведения».

Мало-Конюшенный мост. Акварель художника В. Парамонова

Екатерина II распорядилась перестроить здание довольно ветхого театра, и 10 октября 1781 года в нем прошел первый спектакль. В письме одного из современников сохранилось описание того, давно не существующего, театрального здания на Царицыном лугу: «Театр построен в новом роде, совершенно еще неизвестном здешнем крае. Сцена очень высока и обширна, а зала, предназначенная для зрителей, образует три четверти круга...»

Со временем здание театра ветшало, постепенно разрушалось, зияло одиночными провалами и пустотами разломанных дверных и оконных проемов. Охотник до военных парадов и смотров российский император Павел I, как-то проезжая на очередной смотр мимо старого театра, с раздражением спросил у своего адъютанта: «А это что за развалина?» и получил четкий ответ своего подчиненного: «Остатки театрального здания... Ваше Величество!» Глаза царя впились в побледневшего молодого офицера и Павел изрек свое решение: «К утру чтобы этого безобразия более здесь не было!» Распоряжение императора выполнили безоговорочно. Это произошло в 1797 году. Здание первого русского драматического театра снесли до основания, поскольку оно мешало приверженцу прусской военной муштры проводить строевые занятия и воинские парады на огромном Марсовом поле.

Возведенный в 1831 году «трехколенный» мост по существу является комбинацией двух современных мостов: Мало-Конюшенного (через реку Мойку) и Театрального (через Екатерининский канал). В комбинацию двух основных мостов включен также третий, ложный, или «фальшивый», мост, находящийся у здания Главных императорских конюшен. Его соорудили по чисто архитектурным соображениям. Арка, оформляющая его фасад со стороны Екатерининского канала, стала повторением очертаний соседней арки Театраль-

ного моста. Вместе они образовали симметричную красивую архитектурную композицию. Чугунные арки, составленные из отдельных секций (кессонов), скрепленных между собой болтами, перекрывают пролет между гранитными устоями моста. Сооружая «трехколенный» мост, его строители умело использовали в конструктивном и декоративном отношении возможности, предоставляемые металлом. Литые чугунные ограждения мостов составляют непрерывный ряд коротких дротилов, украшенный накладными золочеными барельефами с изображением пальметт и масками головы горгоны Медузы. Дополнительную прочность перилам придают равномерно расставленные снаружи фигурные кронштейны.

Все металлические элементы моста изготовлены в Санкт-Петербурге и на Александровском Олонском заводе.

Мало-Конюшенный (через Мойку) и Театральный (через Екатерининский канал) мосты декорированы одинаковыми невысокими чугунными торшерами на прямоугольных гранитных полированных основаниях. Каждый торшер венчает чугунная чаша, в которую помещен матовый шарообразный светильник, накрытый чугунной крышечкой. Считается, что проект оформления этих двух замечательных мостов выполнил сам Карл Иванович Росси в 1824 году.

Установленные в 1831 году фонарные столбы первоначально были достаточно высокими, но после нескольких падений с них в воду фонарщиков генерал-губернатор столицы П.К. Эссен обратился с просьбой в Главное управление путей сообщения – «укоротить фонари на мосту». Было принято особое обращение к проектировщикам «не делать мостовые фонари столь высокими, ибо они превращают работу фонарщика в опасное занятие: недавно один из них, зажигая фонарь, не удержался и упал в Мойку». Замечание учли и фонарные столбы на Большом и Мало-Конюшенном мостах переделали.

Время и события начала XX века наложили отпечаток на архитектурное оформление Мало-Конюшенного и Театрального мостов. Большинство перильных ограждений, их орнаменты, маски и пальметты были частично повреждены, частично исчезли, фонари на мостах утрачены. В 1936 году, во время капитального ремонта мостов, их проезжую часть покрыли диабазом, тротуары асфальтировали и отделили от проезжей части довольно высоким бордюром.

В 1953 году на мостах по проекту архитектора А.Л. Ротача полностью восстановили торшеры, фонари и решетки ограждений. В 1999 году оба старинных моста отремонтировали, работами руководил инженер-мостостроитель Б. Брудно.

Длина Мало-Конюшенного моста через реку Мойку 33 м, ширина – 15,62 м. Длина Театрального моста через Екатерининский канал равняется 23 м, а ширина – 15,5 м.

Этот мост по-прежнему является уникальным сооружением и прекрасно вписывается в исторический ансамбль центра Санкт-Петербурга. В настоящее время он находится под охраной государства как архитектурный памятник первой половины XIX века.

В створе восточной части Конюшенной площади расположен построенный через Екатерининский канал в 1907 году Новоконюшенный мост. В период с 1907 по 1917 год он носил название моста Храма Вознесения Господня, начиная с 1917 года официально числился мостом-перекрытием. В мае 1975 года по решению Ленгорисполкома мост стал называться мостом Гриневицкого, в честь террориста партии «Народная воля» убийцы императора Александра II. Современное же название мост получил лишь в январе 1998 года.

Длина Новоконюшенного моста составляет 21 м, ширина – 34,4 м. При постройке в 1907 году металлический пролет моста оборудовали изящной фигурной решеткой. В 1967 году чугунный пролет заменен железобетонным.

В самом начале XVIII века через Мойку на стыке с Мошковым переулком перебросили деревянный мост. В то время набережная правого берега реки Мойки от Царицына луга до

Мошкова переулка в народе именовалась Греческой, да и сам деревянный мост через водоем тогда назывался Греческим. Необычное наименование объяснить нетрудно, тогда на северном берегу реки Мойки располагалась небольшая слободка, заселенная греками, неплохими мастерами Адмиралтейской верфи. Упомянутый же Мошков переулок пролегал от Дворцовой набережной до реки Мойки. Официальное название переулка утвердили в 1746 году. Оно связано с именем сына денщика Петра Великого гофинтенданта императрицы Екатерины I Петра Ивановича Мошкова, получившего здесь солидный земельный надел и построившего на нем барский особняк со службами.

В царствование императрицы Елизаветы Петровны балочный деревянный Большой Конюшенный мост обшили досками, раскрашенными под дикий камень. Его ограждениями в те годы являлись массивные деревянные балясины, закрепленные между солидными, деревянными же прямоугольными стойками. Б.И. Антонов в своей книге пишет, что проектировщиком и строителем этого, одного из первых деревянных мостов в новой столице в 1753 году являлся голландский строитель Герман ван Болес.

В 1828 году известные российские инженеры-мостостроители Е.А. Адам и Г.М. Треттер вместо деревянного Большого Конюшенного спроектировали и возвели новый однопролетный мост из чугунных тубингов. 6 декабря 1828 года обновленный Большой Конюшенный мост торжественно открыли для движения по нему пешеходов и гужевого транспорта.

Большой Конюшенный мост. На левом берегу – Императорские конюшни

Б.И. Антонов приводит оценки нового моста через Мойку и его техническую характеристику, данную при завершении всех видов работ по его реконструкции одним из авторов проекта Е.А. Адамом: «...быки составлены из старых камней от ломки набережных и остатков прежних работ по Суворовскому мосту, но был произведен подбор их по цвету и по высоте... Что касается до внешних узоров – карнизов, фриз, кронштейнов, решеток и пр., то справедливость требует, чтобы я засвидетельствовал... отличное искусство, с которым оные отлиты в казенном литейном заводе...»

Сохранившийся до нашего времени Большой Конюшенный мост является по своей сути однопролетным арочным сооружением. Его чугунная арка надежно закреплена на береговых устоях, облицованных тесаными гранитными блоками правильной формы. Основа-

нием для них служат деревянные ростверки – нижняя часть фундамента моста, распределяющая нагрузку на свайное основание.

В его декоративном оформлении широко использовано художественное чугунное литье. Закрытые металлическими листами щелевые поверхности чугунных арок украшены растительным орнаментом.

В рисунке чугунных перил и ограждений преобладают часто расставленные дровяки с накладной металлической арматурой из переплетенных венков, пронзенных копьевидными шестами с острыми наконечниками.

В 1935 году, по проекту инженеров М.И. Жданова и А.Д. Саперштейна Большой Конюшенный мост усилили – над его чугунным сводом тогда уложили дополнительный железобетонный свод, позаботившись о сохранении внешних первоначальных форм старинного моста.

И наконец, в 1951 году под руководством архитектора А.Л. Ротача провели целый комплекс реставрационных работ, касающихся торшеров, фонарей и решеток ограждения этого моста-ветерана на реке Мойке.

Следуя сегодня от Большого Конюшенного моста по правому берегу водоема, вниз по его течению реки, вы обязательно перейдете через один из трех мостов Зимней канавки – Второй Зимний мост. Он переброшен на правом берегу Мойки и является фактическим продолжением ее набережной.

Второй Зимний мост. Слева – дом Аракчеева

В 1964 году взамен незатейливого деревянного пешеходного перехода, выделяющегося своей непрезентабельностью в ансамбле придворных строений, расположенных в непосредственной близости к Дворцовой площади, возвели прекрасный железобетонный мост с красивой гранитной облицовкой. Авторы этого проекта – инженер-мостостроитель В.С. Ксенофонов и зодчий Л.А. Носков, сумевшие блестяще стилизовать его облик (гранитные

парапеты, рустованный замок и форму арки) под стиль конца XVIII – середины XIX столетия – пору возведения через Зимнюю канавку Эрмитажного и Первого Зимнего мостов.

Палитра «цветных» мостов реки Мойки

Выше уже упоминалось, что Мойка является единственной рекой Санкт-Петербурга, через которую перекинуты мосты, имеющие «цветные» названия. Их возвели разные специалисты, в разное время. Это Желтый (ныне Певческий) у Дворцовой площади, Зеленый (позднее Полицейский) на углу реки Мойки и Невского проспекта, Красный – на пересечении Гороховой улицы с набережной Мойки и наконец, самый широкий мост нашего города Синий – на Исаакиевской площади.

Свои «цветные» названия они получили в соответствии с постановлением Комиссии о Санкт-Петербургском строении в 1738 году. Это распоряжение неукоснительно выполнили, и выкрашенные в яркие веселые цвета мостовые сооружения через реку Мойку служили тогда для ориентации столичных обывателей и иностранных гостей столицы. Три цветных моста на Мойке по-прежнему сохраняют названия, данные им по повелению императрицы Анны Иоанновны в 1738 году, и считаются «цветными». Сегодня Зеленый, Красный и Синий мосты регулярно окрашиваются в свои «фамильные» цвета.

Пройдя через Второй Зимний мост и следуя дальше по набережной Мойки, вы увидите, что у Дворцовой площади, а точнее у бывшей площади Гвардейского штаба, реку пересекает довольно широкий Певческий мост (его ширина составляет более 70 м) с удивительными перилами и их заградительными металлическими решетками в виде изящного, замысловатого кружевного рисунка.

Певческий (Желтый) мост связывает набережную Мойки с Дворцовой площадью. Отсюда открывается величественная перспектива главной площади Северной столицы – Дворцовой, с ее уникальными зданиями и памятниками: Адмиралтейство с его золотым шпилем, Зимний дворец, здание Главного штаба и триумфальный монумент победы России в Отечественной войне 1812 года – громадная каменная Александровская колонна (общей высотой 47,5 м, установленная на пьедестале без всякого крепления).

Певческий мост. Дворцовая площадь. Акварель художника В. Пармонова

В этом месте реки Мойки на ее берег выходят боковой фасад здания Главного штаба и часть служебного корпуса Министерства иностранных дел.

Название моста обусловлено его местоположением в непосредственной близости от находящейся здесь Певческой капеллы.

Широкий Певческий мост фактически является продолжением Дворцовой площади. Это мостовое сооружение и здания, окружающие центральную площадь Санкт-Петербурга, хотя и были построены в разное время разными зодчими, ныне составляют единый уникальный архитектурный ансамбль.

История существующего Певческого моста восходит к 30-м годам XIX столетия – времени окончательного архитектурного формирования Дворцовой площади столичного города. В период 1818–1829 годов все старые дома, возведенные здесь ранее в полном соответствии с генеральным проектом зодчего К. Росси, снесли, перестроили в единый ансамбль зданий Главного штаба и министерств на набережной Мойки. Возведенная по проекту Росси величественная Триумфальная арка объединила все строения Дворцовой площади в одно целое. Для церемониального прохода гвардейских полков, участвовавших в торжественном открытии монумента Александровской колонны в 1834 году по проекту архитектора О. Монферрана, на Дворцовую площадь через Мойку перебросили деревянный мост. Его устои и перила тогда выкрасили в яркий желтый цвет. Некоторое время в официальных документах столицы он назывался Желтым мостом. Мост возводился как временный, но проходили годы, а его не сносили и не делали попыток соорудить вместо примитивной переправы долговечное мостовое сооружение по новым технологиям с обликом, соответствующим ансамблю Дворцовой площади.

В числе первых государственных российских деятелей, обратившихся с рапортом на имя императора Николая I о замене старого деревянного Желтого моста капитальным металлическим сооружением, был министр финансов граф Е.В. Канкрин. В письменном обращении к царю он предложил соорудить на месте старого Желтого моста новый металлический, во всю ширину Дворцовой площади, сократив при этом ширину реки Мойки до 17 м. Техническая комиссия, в составе известных архитекторов В.П. Стасова, Д. Адамини и инженер-полковника Е.А. Адама, подтвердила, что «ширину отверстия нового моста целесообразно довести до десяти сажений, при условии принятия надлежащих мер, исключающих просадку фундаментов зданий, стоящих на набережной Мойки». Николай I утвердил предложенный ими проект Певческого моста и определил сроки и порядок его сооружения. Одновременно с этим царь своим указом уточнил перечень основных заводов-изготовителей и поставщиков необходимых деталей и различных приспособлений для сооружения нового металлического моста на Мойке.

27 июля 1839 года столичная газета «Северная пчела» с восторгом писала: «В прошедшую субботу 22 июля происходила торжественная закладка Певческого моста на Мойке, у Дворцовой площади между зданиями Гвардейского штаба и Министерства иностранных дел. Мост сей безусловно послужит довершением великолепной Дворцовой площади. Он воздвигается из чугуна, на гранитных устоях и будет один из самых красивых в столице. Сооружение его возложено на генерал-майора Адама. Отливка чугунных частей и украшений производится на казенном Александровском заводе».

Рисунок решетки Певческого моста

К строительству нового моста приступили в 1839 году и завершили работы в 1840 году. Мост в соответствии с его соседством со зданием Придворного Певческого корпуса, а позже Певческой капеллы официально назвали Певческим. Николай I выразил желание лично опробовать крепость нового мостового сооружения. 24 ноября 1840 года, в три часа дня, царский экипаж торжественно пересек Мойку по Певческому мосту. Император остался весьма доволен новым городским объектом и дал милостивое разрешение на его постоянную эксплуатацию.

Петербургские газеты тогда писали, что «новый однопролетный арочный мост, возведенный по проекту инженера-мостостроителя Е.А. Адама вместо деревянного „Желтого“ моста, состоит из чугунных коробок (кессонов), скрепленных между собой металлическими болтами и гайками. Устои моста – каменные, облицованные гранитом, возведены на свайных ростверках. В качестве перильных ограждений на новом Певческом мосту установлены литые чугунные решетки, поистине „сказочной красоты“». К сожалению, автор этого «чуда» остался до сих пор неизвестен. Современники полагали, что создателем проекта замысловатого кружевного чугунного рисунка перильных мостовых ограждений мог быть либо В.П. Стасов, либо К.И. Росси.

Сложный и весьма изящный завораживающий рисунок перил Певческого моста изготовлен не по рисункам автора проекта инженера-мостостроителя Адама, а по совершенно иным художественным наброскам. Это был, по мнению экспертов тех лет, «мастерски выполненный рисунок, сочетавший растительный и геометрический орнаменты с набором колец единого диаметра». Решетка Певческого моста вызывала у всех искреннее восхищение филигранной работой неизвестного художника, кружевной рисунок которого отличался великолепными пропорциями, тончайшей проработкой всех деталей и их строгим сочетанием.

«Художественная газета» осенью 1840 года писала о новом мостовом сооружении вблизи Дворцовой площади: «Этот мост по своей легкости и изяществу соответствует общей красоте столицы... Его упрощенный до возможности рисунок, составляя приятную противоположность с тяжелыми, гранитными набережными, отличается своим оригинальным и вместе с тем превосходным стилем». Одновременно с введением в строй Певческого моста рабочие завершили строительство здания Штаба гвардии, возведенного по проекту зодчего А.П. Брюллова на участке снесенного здания, в коем происходило строевое обучение солдат, – старого экзерциргауза. Эти два объекта окончательно завершили формирование восточной границы Дворцовой площади и центрального участка набережной реки Мойки.

Легкий, ажурный силуэт Певческого моста гармонично вписался в общую панораму главной столичной площади – Дворцовой.

Вместе с тем для многих осталась непонятной причина отсутствия на Певческом мосту осветительных фонарей, предусмотренных автором его проекта и даже утвержденных Николаем I, их нет до сего времени.

Небезынтересно также заметить, что сразу же после ввода в строй этого мостового сооружения на Мойке Певческий мост стал «головной болью» его создателей и членов городской управы в связи с регулярным исчезновением с этого ответственного и сложного технического объекта крепежных деталей (болтов и гаек), соединяющих между собой чугунные блоки и наиболее важные узлы моста.

Оперативное расследование установило, что болты и гайки Певческого моста почему-то особенно приглянулись местным обывателям округи, открывшим настоящий сезон охоты на них для своих хозяйственных надобностей. Только за один год после открытия моста местные умельцы отвернули 50 металлических болтов и 27 огромных гаек, скрепляющих узлы этого сооружения на Мойке. Причем при их допросе было установлено, что подобные «террористические» операции проводились ими «без какого-либо дурного умысла» и они совершенно не представляли себе всех возможных трагических последствий своих деяний. В общем, как в рассказе А.П. Чехова «Злоумышленник».

Полиция Петербурга оперативно разыскала и строго наказала всех виновных, предотвратив тем самым дальнейшие хищения крепежа мостового сооружения.

Почти через сорок лет Певческий мост вошел в историю одного из очередных неудачных покушений на российского императора Александра II. 2 апреля 1879 года в непосредственной близости от него была совершена повторная попытка убийства «царя-освободителя» по приговору русской террористической организации «Земля и воля».

В 1878 году в России и ее столице происходит целый ряд политических убийств и открытых вооруженных столкновений полиции и революционеров-террористов. Утром 2 апреля 1879 года государь возвращался с очередной прогулки по столице, не спеша перешел Певческий мост и на набережной правого берега реки Мойки встретил человека, вежливо поклонившегося ему. Этот прохожий, его облик и выражение лица показались императору весьма необычными. Именно это заставило царя обернуться. Увиденное, по-видимому, испугало царя, ибо прохожий направил на него тяжелый боевой револьвер. По рассказам очевидцев, государь даже несколько раз прокричал: «Спасите меня!» и на его призыв из комендантского подъезда якобы выскочил гренадер дворцовой роты, повалил стрелявшего человека на землю и связал ремнем. Позже в народе судачили, что фельдфебель, спасший царя, произведен в офицеры. Другие приписывали факт спасения царя некоему жандармскому офицеру, сбившему преступника наземь и обезоружившему злодея.

Александра II доставили во дворец, где он побеседовал в Белом зале с собравшимися там поданными. Десятиминутное непрекращающееся «ура» в зале, восторг и слезы радости на глазах подданных царя.

На допросе цареубийцы в доме градоначальника на Гороховой улице выяснилось, что в тот день у Певческого моста на императора Александра II неудачно покушался террорист, член революционной организации «Земля и воля» А.К. Соловьев, 30 лет, по профессии учитель, недовольный существующим порядком в стране и методами ее управления. Ежедневной слежкой за царем террорист досконально изучил привычный маршрут его утренних пешеходных прогулок и устроил засаду у Певческого моста на Мойке.

Зеленый (Полицейский) мост. 1806 г.

В нескольких сотнях метров вниз по течению Мойки, в створе Невской перспективы, в 1717–1718 годах соорудили деревянный подъемный мост, названный 1735 году по цвету своей окраски Зеленым.

В 1786 году пустующий участок между Большой Морской улицей и набережной реки Мойки пожаловали столичному генерал-полицмейстеру Н.И. Чичерину, построившему на нем громадный дом. Примерно с этого времени перестроенный деревянный мост на Мойке стали официально именовать Полицейским. Однако следует отметить, что еще очень долго петербуржцы в частных беседах и даже в разного рода газетных объявлениях о продаже домов, мебели, музыкальных инструментов, животных и своих крепостных людей продолжали называть старый мост Зеленым.

Ранее уже упоминалось, что в начале XIX столетия после облицовки набережных Мойки гранитом известный городской архитектор и инженер-мостостроитель В.И. Гесте разработал оригинальный проект однотипных по конструкции металлических мостов из отдельных чугунных секций, скрепленных болтами, в совокупности образующих прочный свод.

Полицейский (Зеленый) мост на Мойке в створе Невского проспекта стал одним из первых чугунных мостов инженера И.И. Гесте, возведенных им в разные годы на реках и каналах Северной столицы.

Современники этого замечательного специалиста с удовлетворением отмечали не только надежность и высокие технические качества чугунных мостов, но и необычную легкость их конструкций, изящество, простоту изготовления и сборки. В столичных газетах появились восторженные сообщения об установке первого чугунного моста на Мойке. Корреспондент одной из них тогда писал, что «чугун есть природный материал России, всего более способный противостоять действию нашего северного климата». И действительно, испытание временем подтвердило практичность и целесообразность подобных конструкций и их пригодность для эксплуатации в условиях большого города. Кроме того, все единодушно отмечали полное соответствие нового строительного материала архитектурным формам мостов, не повторяющим конфигурации, приемлемые для образцов деревянного и каменного мостостроения.

Чугунный однопролетный, на каменных опорах Зеленый мост украшали четыре гранитных обелиска с фонарями на кронштейнах. Каждый гранитный обелиск завершался золо-

ченным шаром. Тротуары нового моста тогда выложили гранитными плитами и отделили от проезжей части несложной оградой из металлических прутьев между парапетными гранитными тумбами.

Движение по центральной магистрали города – Невскому проспекту, с каждым годом возрастало и настоятельно требовало расширения мостового пролета. Эту задачу реализовали в 1842 году в полном соответствии с проектом инженера А.Д. Готмана, сумевшего устроить тротуары на консолях и установить глухие гранитные парапеты. Тогда же заменили гранитные фонарные обелиски более легкими чугунными столбами с четырехгранными стеклянными фонарями.

В 1844 году на Зеленом мосту заменили настил. Впервые в России его проезжую часть выложили из асфальтовых кубиков. Вот как описывала это событие одна из столичных газет: «Асфальт, вылитый в кубическую форму, выдерживает самую жесткую пробу, потому что едва ли где бывает более езды, как по Полицейскому мосту». Прокладка на Невском проспекте сначала путей для конки, а позже трамвайных составов заставила городскую управу выделить финансовые средства не только на расширение пролета моста, но и на укрепление его прочности.

Невский проспект у Полицейского моста

В 1904–1907 годах мост не только расширили до современных размеров, но и добавили по пять рядов чугунных коробчатых арок вместе с необходимым расширением мостовых опор. Перестроечный проект Полицейского моста подготовила группа столичных инженеров-мостостроителей в составе В.А. Берса, А.Л. Станового. Одновременно с этим архитектор Л.А. Ильин разработал оригинальный проект нового художественного оформления мостового сооружения через Мойку. Его металлические фасадные арки зодчий украсил орнаментальными деталями и удачно включил в архитектурную композицию моста железные торшеры с позолотой и шестигранными стеклянными фонарями. В итоге перестроечных работ Полицейский (Зеленый) мост явил собой городской объект весьма высокого архитектурного качества и поражал всех легкостью пролетного строения, умеренной пологостью свода и изяществом художественного декора.

Зеленый мост значительно пострадал в период страшного бедствия, обрушившегося на столицу в 1736–1737 годах, когда Петербург охватил опустошительный пожар. Немецкий исследователь, путешественник, этнограф и историк Иоганн Готлиб Георги – академик Санкт-Петербургской академии наук, рассказывал: «Величайший пожар учинился 11 августа 1736 года. В полдень загорелся дом на Мойке возле Зеленого моста. Пламя распространялось чрезвычайно быстро и вскоре охватило многие деревянные строения вкупе с деревянным мостом. Яростью своею пожар испепелил множество обывательских домов вплоть до Синего моста».

Этот мост на Мойке за годы своего существования в столичном городе оказался невольным свидетелем невероятных исторических событий и политических изменений. Он периодически страдал вместе с жителями города, пережил годы кровопролитных войн и революционных потрясений. На нем устраивались засады из отборных гвардейских частей, расстреливающих народные демонстрации,двигающиеся на поклон к царю-батюшке 9 января 1905 года. После Октябрьского переворота 1917 года его переименовали, и до 1997 года он назывался Народным мостом.

В 1997 году ему вернули первоначальное название, он снова называется Зеленым мостом. Справедливости ради следует отметить, что в годы существования советского государства мост находился под бдительным надзором компетентных специалистов и не был обделен периодическими профилактическими ремонтными работами.

Б.И. Антонов в 2002 году писал, «что в 1938 году Народный (Зеленый) мост испытывал значительную транспортную нагрузку. Кроме автомобилей по нему проходили многочисленные трамвайные маршруты (вплоть до 1950-х годов). Для предохранения мостового сооружения от так называемой электрохимической коррозии блуждающими токами свод Зеленого моста под трамвайными путями надежно изолировали двумя слоями рубероида между рядами прослойки смазки по 30 мм, а всю его проезжую часть и тротуары покрыли тогда асфальтом».

В 1951 году при производстве плановых ремонтных работ на Зеленом мосту восстановили утраченные к этому времени шестигранные стеклянные фонари, а позже (в 1961 и 1965 гг.) произвели основательную реставрацию его канделябров и фонарей.

Сегодня Зеленый мост, длиной 39,8 м и шириной 38,67 м, первое чугунное сооружение талантливого архитектора и мостостроителя В.И. Гесте, по-прежнему в строю и продолжает служить Петербургу на самой напряженной его магистрали – Невском проспекте.

После успешного завершения в 1823 году перестройки старого здания Адмиралтейства по проекту зодчего А.Д. Захарова решено было в ближайшее время проложить в соответствии с восьмым пунктом строительного реестра Комиссии о Санкт-Петербургском строении «вторую от Адмиралтейства перспективную улицу, что идет через Мойку-реку, и впредь именовать ее Среднею проспективою». По мнению руководителя Комиссии архитектора П.М. Еропкина, «трехлучевая композиция столицы» закрепит за Адмиралтейством его градостроительное значение. Прибавленная к двум проложенным ранее «перспективам» (в начале XVIII столетия) – Большому (Невскому проспекту) и Вознесенскому, «Средняя перспектива» завершила окончательное формирование знаменитого петербургского трезубца, составленного этими тремя прямолинейными лучами-магистралями.

Прилагательное «перспективная», или, позже, «перспективная», в названиях каждой из трех этих улиц означало, что они являлись сквозными городскими магистралями, проложенными от Адмиралтейства сугубо по прямой линии.

В 1738 году улицу «Среднюю перспективу» включили в специальный реестр по «... улицам, каналам, мостам Адмиралтейского острова, с означением как оные впредь именовать».

За время своего существования эта одна из старейших центральных магистралей города неоднократно переименовывалась. В середине XVIII века она называлась Адмиралтейской улицей. В 1756 году, когда иноземный негодник Гаррах-Горохов возвел здесь свой каменный дом с лавкой, ее неофициально стали называть Гороховой. Длительное время на старых картах и планах Санкт-Петербурга улица обозначалась то Адмиралтейской, то Гороховой.

Кстати, в книге «Родовые прозвания и титулы России и слияние иноземцев с русскими» (СПб., 1886) историк Е.П. Карнович отмечал: «При Петре Великом в числе служащих иноземцев находился Гаррах, которого переделали на Горох, а затем в Горохова, и от него получила свое название улица в Петербурге».

Революционные события 1917 года и конец XX столетия внесли свои коррективы в название этой улицы. Первые годы советской власти она называлась Комиссаровской, затем, до середины 1990-х годов, значилась улицей Ф.Э. Дзержинского – главы Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, в конце 1990-х годов улице возвращено ее историческое название – Гороховая.

Красный мост

В период начала прокладки Среднеперспективной улицы «для удобства передвижения по ней» вынуждены были соорудить первые деревянные мосты через Фонтанку (Новый мост), реку Кривушу (Средний мост) и один из цветных мостов через Мойку, названный Красным. Кстати, тогда через Мойку не только навели переправу, но и одновременно провели на ней целый ряд важных работ: расширили и углубили ее русло, очистили от ила и загрязнений, а берега укрепили сваями и деревянными щитами. По окончании очистных мероприятий и комплекса технических работ в столичных газетах появилось следующее сообщение: «После очистки русла Мойки вода в ней стала видом ясная и чистая, ко вкушению преизрядная».

Теперь на Среднюю перспективу потоком шли городские обыватели, чтобы в свое удовольствие попариться в прекрасной казенной бане, обустроенной по всем российским канонам в доме купца Кусовникова у Красного моста на набережной реки Мойки. Парились истово, по-старинному, причем семьями, не опасаясь сенатского запрета «ходить в торговые бани мужскому и женскому полу вместе».

Красный мост. 1814 г. Неизвестный художник

Заметим, что первый деревянный мост на пересечении реки Мойки и Средней перспективы построили уже в 1717 году, и по цвету своей первоначальной окраски он назывался Белым. В 1737 году после грандиозного пожара на Мойке, в котором пострадало и это мостовое сооружение, его основательно переделали. Тогда по проекту голландца Германа ван Болеса возвели по сути новый деревянный мост. Его средний разводной пролет допускал зазор шириной 70–80 см, позволяющий пропускать небольшие мачтовые суда. Подобное устройство прикрывалось массивными деревянными щитами. Должен отметить, что подобные проекты и идея мостостроителя Германа ван Болеса не смогли в дальнейшем получить особого признания и распространения на водоемах столичного города. Начиная с 1803 года мост стал именоваться Красным, ибо с этого времени его постоянно красили в яркий красный цвет, так он называется по сию пору.

В 1806 году городская дума приняла предложение архитектора и инженера-мостостроителя В.И. Гесте построить на Мойке ряд однотипных мостов, у которых вместо каменных сводов предполагалось использовать чугунные пустотелые коробчатые секции. Подобное новшество в мостостроении позволило автору проектов уменьшить высоту арок и, естественно, крутизну въезда на мост. Гесте тогда удалось реализовать свои оригинальные разработки при строительстве шести прекрасных мостов, в том числе четырех «цветных» – Желтого (Певческого), Зеленого, Красного и Синего.

Красный мост возвели в 1808–1814 годах. Большинство его металлических конструкций изготавливали в те годы знаменитые уральские заводы Н.Н. Демидова. При возведении чугунного Красного моста талантливый инженер и архитектор сумел одновременно привести его фонари в соответствие с новыми архитектурными ансамблями набережной старинного водоема. Одноарочный, на каменных опорах, облицованный гранитом, Красный мост (длина 42 м, ширина 16,8 м) был прекрасно оформлен. Его архитектурное решение, разработанное автором проекта, с четырьмя гранитными обелисками и укрепленными на них фона-

рями с чугунной решеткой, соответствующей рисунку набережной Мойки, и сегодня отличается своей изящной композицией и пропорциями.

Техническая контрольная проверка состояния мостового сооружения, проведенная специалистами в 1953 году, установила, что за период с 1924 по 1950-е годы происходила постепенная прогрессирующая деформация мостовых опор и пролетного строения Красного моста. Результатом подобных негативных процессов стали раскрытие швов в стенках чугунных коробок, появление глубоких трещин в вертикальных ребрах коробок и в их днищах.

Экспертная комиссия, ознакомившись с актами периодических контрольных осмотров основных компонентов мостового сооружения признала состояние Красного моста аварийным, подлежащим немедленной реконструкции. Проект его ремонта и реконструкции разработал инженер В.В. Блажевич. Процесс реконструкции Красного моста проходил в период с 1953 по 1954 год.

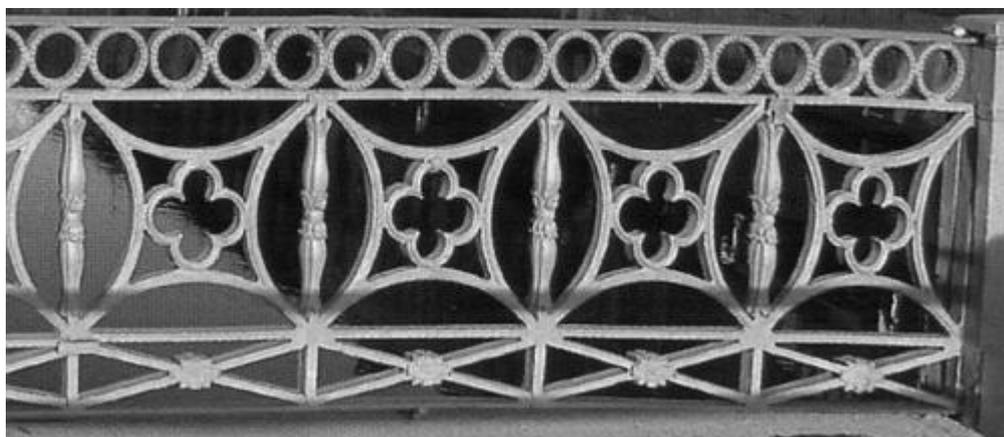

Рисунок решетки Красного моста

В ходе работ старые чугунные своды заменили новыми сварными металлическими арками. Гранитные обелиски с полированными бронзовыми позолоченными шарами и реставрированными четырехгранными стеклянными фонарями на обелисках были полностью восстановлены и сохранены в авторском архитектурном оформлении. По окончании ремонтных работ фасады моста вновь окрасили в традиционный красный цвет.

Красочная череда мостов с «цветными» названиями, возведенными на Мойке, завершается Синим мостом, расположенным на Исаакиевской площади, в створе Вознесенского проспекта – одной из трех прямых «проспектив», прорезающих город от Адмиралтейства. Синий, названный по цвету своей традиционной исторической окраски, является самым широким мостом не только в нашем городе, но и в мире. При длине 35 м этот мировой рекордсмен имеет ширину 99,95 м. Небезынтересно заметить, что его немалая ширина обусловлена не только техническими или эксплуатационными соображениями, но и прежде всего архитектурной целесообразностью компоновки Исаакиевской площади. В соответствии с планом Санкт-Петербурга 1717 года первый деревянный мост на этом месте перебросили через русло реки Мойки (Мьи) уже в 1716 году. Позже деревянные Синие мосты в створе Вознесенской улицы неоднократно перестраивались и реконструировались. На них обновляли деревянные пролеты, перильные ограждения и опоры.

В 1737 году деревянный Синий мост на Исаакиевской площади перестроили довольно основательно. Автором нового деревянного подъемного моста стал голландец Герман ван Болес. В 1797–1810 годах на реке Мойке проводились работы по облицовке стенок набережной гранитом. В этот период на месте разобранного старого Синего моста возвели новое

деревянное трехпролетное мостовое сооружение на прочных каменных опорах, традиционно окрашенных в яркий синий цвет.

В 1805 году инженер-архитектор В.И. Гесте разработал уникальный проект однопролетного широкого арочного моста из чугунных пустотелых отливок, образующих в сборе прочный арочный свод мостового сооружения над водоемом. Постановлением городской управы в те годы было решено постепенно заменить все деревянные мосты над Мойкой чугунными. В этот список включили и мосты с «цветными» названиями. Очередь Синего моста на капитальную реконструкцию по проекту инженера В. Гесте подошла в 1818 году. Тогда деревянное мостовое сооружение заменили постоянным Синим мостом с чугунным коробчатым арочным пролетным строением и массивными каменными опорами, облицованными гранитными плитами. Проект реконструкции Синего моста в те годы подготовили отечественные инженеры-мостостроители П.П. Базен и В.Е. Гесте. Правда, первоначально новый мост оказался более узким, чем нынешний, его ширина тогда составляла 41 м.

Синий мост

Капитальную перестройку Синего моста вторично были вынуждены провести в 1843 году в связи с постройкой Мариинского дворца на Исаакиевской площади – свадебного подарка императора Николая I своей любимой дочери Марии. Место для презента предложил придворный зодчий А.И. Штакеншнейдер, поскольку из окон будущего Мариинского дворца открывался волшебный обзор практически всей Исаакиевской площади с ее величественными зданиями и собором.

Строительные работы по возведению дворца начались в 1842 году, при этом боковые части старого дворца графа Чернышева снесли, а фасад, выходящий на историческую часть площади, удлиннили. Часть реки Мойки, протекавшей в непосредственной близости от нового дворца, оригинально скрыли под удлиненным мостовым сооружением, сделав его и часть водоема незаметными. Многие даже стали называть Синий мост невидимкой. Проект нового, почти стометрового, широкого моста, ставшего практически продолжением Исаа-

киевской площади, тогда разработали инженеры Е.А. Адам, А.Д. Готман и С.С. Завалишин. Им удачно удалось расширить Синий мост в сторону Красного моста на Мойке, пристроить новые дополнительные чугунные арки и заменить старые массивные гранитные обелиски более изящными, легкими конструкциями из чугуна. Именно тогда Синий мост, ставший продолжением одной из красивейших столичных площадей, достиг своих современных размеров.

Судьба чугунных мостов инженера-мостостроителя В.Е. Гесте сложилась одинаково, они благополучно и надежно продержались в течение последних 80–90 лет. Только сейчас в их несущих элементах обнаружили значительные дефекты и повреждения.

При плановом техническом осмотре Синего моста, проведенного экспертами в 1925 году, обнаружили довольно широкие сквозные трещины в чугунных полых коробках свода, в их нижней части, многочисленные разрывы металлических болтов и просадку свода моста на 20–25 см. Правда, осмотр мостовых устоев не выявил в них каких-либо существенных дефектов. Ремонт Синего моста провели в 1929–1930-х годах. Работами предусматривалась полная замена пролетного строения, всей низовой части мостового сооружения на Исаакиевской площади. Проект ленинградских инженеров О.Е. Бугаевой и В.В. Чеботарева позволил, сохранив старые мостовые опоры, заменить чугунный дефектный свод железобетонным. По окончании капитального ремонта Синего моста на нем установили отреставрированные перильные ограждения.

Бывая на правом берегу набережной Мойки у Синего моста, обратите внимание на оригинальный четырехгранный гранитный обелиск, увенчанный трезубцем Нептуна и врезанный в гранитную облицовку набережной реки. Это – Водомерный столб, установленный здесь в 1971 году. Проект Водомерного столба подготовили инженер П.С. Панфилов и архитектор В.А. Петров. Своим основанием столб уходит глубоко в воду, и по его отметкам в любое время можно определить уровень воды в реке в тот или иной день. На поверхности гранитного обелиска, между прочим, нанесены уровни подъема воды в период наиболее опасных петербургских наводнений, имевших место в 1824, 1903, 1924, 1955 и 1967 годах.

Обелиск-футиток у Синего моста

Широкий Синий мост на Исаакиевской площади не относится к архитектурным жемчужинам города. Он довольно прост и оборудован чугунными перилами, повторяющими неброский рисунок ограждений набережных реки Мойки. Он не только естественно орга-

нически входит в ансамбль Исаакиевской площади, но и всего созвездия гранитных набережных старой Мойки.

Синий – самый широкий мост в мире, но кроме этого оставил для потомков печальную историческую память, ибо на рубеже XVIII–XIX столетий являлся местом самой бойкой «столичной биржи труда». В воспоминаниях обывателей тех далеких лет упоминается, что «рано утром весь мост и набережные Мойки, прилегающие к нему, заполнялись людьми. Это были пильщики, строители, каменотесы, плотники, собиравшиеся здесь в надежде получить какой-либо заработок».

Кроме того, Синий мост некогда являлся и главным рынком купли и продажи крепостных людей. Обычай на этом мосту были рыночными и весьма дикими. К человеческому товару здесь относились особенно придирчиво. Как правило, крепостного внимательно оглядывали, щупали его мускулы, осматривали зубы, как у лошадей, истово торговались, поминая Господа. Здесь, на фоне царского дворца и величественного Исаакиевского собора, брата разлучали с сестрой, а родителей с детьми. Существовала определенная такса на рабов Божьих – здоровый мальчик 12–16 лет продавался за 50–100 рублей, а молодого сильного человека можно было купить здесь за 200–300 рублей. Известный государственный деятель и будущий декабрист Н.И. Тургенев, бежавший за границу и приговоренный Николаем I к вечной каторге, писал: «Известно, что прежде, лет за сорок перед сим, торг сей простирался до того, что в Санкт-Петербург привозили людей барками для продажи. И многих из них от пристани водили к Синему мосту – немому свидетелю одной из самых позорнейших страниц нашей истории, периода дворянско-крепостнического Петербурга».

Пройдя под широким Синим мостом на Исаакиевской площади, русло Мойки делает небольшой плавный изгиб и на оси Фонарного переулка пролегает под небольшим Фонарным мостом, соединяющим Почтамтский переулок с Фонарным. Этот сегодняшний транспортный мост раньше был пешеходным деревянным, возведенным в створе Фонарного переулка в 1906 году. Большинство петербургских историков считали, что раньше, в середине XVIII столетия, на этом месте существовало деревянное трехпролетное подъемное мостовое сооружение, называемое Материальным мостом. Вблизи его, впрочем, так же как и у других мостов, расположенных в створе улиц и переулков Мойки тех лет, выгружали строительные материалы, доставляемые по воде на «пятно застройки», отведенное императорским указом для погорельцев с берегов Мойки после трагических пожаров 1736–1737 годов.

В начале второй половины XIX века переулок официально стал называться Фонарным. В разные годы существовали и иные суждения о столь необычном названии столичного переулка, в створе которого некогда перебросили пешеходный Фонарный мост через Мойку. Историк Санкт-Петербурга П.Н. Столпянский в статье «Старый Петербург и его исторический план», опубликованной в журнале «Зодчий» в 1913 году, писал по этому поводу, что название «Фонарный на самом деле произошло от так называемого злачного питейного заведения, обслуживающего главным образом местных фонарщиков и рабочих фонарных заведений Коломенской части». Иные же знатоки истории этой части столичного города, полемизируя с ним, полагали, что название переулка и моста имело довольно «двусмысленное, пикантное значение», и они были отчасти правы, говоря, что к концу XIX столетия в Фонарном переулке сконцентрировалось огромное число публичных домов, гостеприимные подъезды коих освещались яркими призывными красными фонарями.

Пешеходный мост, переброшенный через Мойку в 1905 году, снесли в 1973 году, а на его месте возвели одноименное мостовое железобетонное сооружение длиной 30 м и шириной 20 м. Автора ми проекта железобетонного Фонарного моста были инженер-мостостроитель Л.Н. Соболев и архитектор Л.А. Носков.

Далее вниз по течению Мойки, на оси Прачечного переулка, через водоем перекинут пешеходный висячий мостик, названный Почтамтским. Свое название он получил из-

за находящегося в его непосредственной близости столичного Главного почтамта. До него в конце XVIII столетия на этом месте существовал деревянный четырехпролетный мост балочной системы на деревянных свайных опорах, обшитых сосновыми досками, раскрашенными под камень. Через 25 лет по инициативе главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий герцога Александра Вюртенбергского деревянный мост разобрали и на его месте через Мойку построили цепной висячий пешеходный мостик. Следует заметить, что это было одно из первых столичных цепных висячих мостовых строений, отличавшихся оригинальностью конструкции, удивительной простотой проектного решения и необычной легкостью и изяществом своих пропорций. Вначале он назывался Малым цепным (вероятно, по сравнению с большим цепным Пантелеймоновским), затем Прачечным (по соседству с ним находился Прачечный переулок) и, наконец, Почтамтским.

Висячий пешеходный цепной мост, возведенный через Мойку в месте слияния ее набережной с Большой Морской улицей, построили в период 1823–1824 годов по проекту инженера Г.М. Треттера, немецкого специалиста, находящегося по контракту на русской службе, и столичного мостостроителя В.А. Христиановича.

В соответствии с техническим решением автора проекта Почтамтского цепного висячего однопролетного моста его опоры, выложенные из бута и гранита, представляли собой единое целое с гранитными стенками набережных реки. Основанием же для них служили свайные ростверки. Обелиски и сдерживающие их с противоположной стороны чугунные красивые дуги закреплялись на опорах моста анкерными болтами, упрятыми в кладку опор. Гладкие чугунные обелиски, завершенные золочеными шарами, и веерообразные чугунные решетки надежно поддерживали на цепях легкое пролетное деревянное строение Почтамтского моста. Авторы этого проекта предусмотрели разработку оригинальной конструкции специальных шарнирных замков, надежно скрепляющих кованые металлические цепи и подвешенное к ним деревянное пролетное строение с обелисками-пилонами.

Почтамтский пешеходный цепной мостик

Для ограждения висячего, цепного Почтамтского моста на заводе Берда заказали изящную кованую решетку, которая в сочетании с бронзированными розетками в стыке цепей и в элементах решетки украсила мостовое сооружение через Мойку и вызывала восхищение не только жителей Петербурга, но и его многочисленных гостей. К сожалению, после очередного ремонта Почтамтского моста, в 1902 году, кованый шедевр бесследно исчез с мостового сооружения и его заменили простенькой, весьма примитивной облегченной решеткой.

Значительная величина пролета Почтамтского моста и небольшая стрела провисания постепенно вызывали негативные, необратимые сдвиги в конструкциях мостового сооружения. При переходе через него появилось довольно ощутимое раскачивание моста над поверхностью воды.

В соответствии с единодушным заключением технической комиссии об аварийном состоянии Почтамтского моста городская управа вынуждена была закрыть по нему движение пешеходов. В 1905 году, согласно проекту инженера Б.Б. Бальди, под его пролетное строение тогда подвели две прочные свайные опоры, превратившие уже бывший цепной висячий мост в обычный пешеходный трехпролетный переход через Мойку.

Сохраненные массивные цепи и чугунные обелиски стали теперь лишь декоративным украшением былого Почтамтского моста.

В 1956 году, по инициативе ленинградского инженера П.П. Степанова, по модели Научно-реставрационных мастерских в литейном цехе трамвайного парка им. М.И. Калинина изготовили форму и отлили точную копию решетки Почтамтского моста образца 1824 года. В 1983 году провели очередную реставрацию этого моста.

В 1738 году в створе Никольской (ныне Глинки) улицы через Мойку построили первый деревянный пешеходный мост, раскрашенный в разные цвета. Разноцветная яркая окраска стала поводом для его первоначального названия Цветной.

Поцелуев мост

При отделке гранитом берегов и набережных водоема в 1758 году мост переделали в трехпролетный, хотя и деревянный, но с каменными прочными опорами. С этого момента

Цветной мост стал транспортным по своему функциональному назначению и был переименован в Поцелуев.

Авторы книги о названиях улиц, площадей, рек и мостов нашего города К.С. Горбачевич и Е.П. Хабло считают, что «пожалуй, ни об одном из названий в Петербурге не было высказано столько всевозможных предположений, сколько накопилось в отношении этого любопытного моста». Говорили, что он служил местом прощаний в те времена, когда граница города доходила до реки Мойки. До сих пор живут романтические придания о Поцелуевом мосте, как о священном месте первых любовных свиданиях и незабываемых поцелуях наших далеких предков. Существовали также версии столь необычного названия этого старого питерского моста на Мойке, связанные с рядом амурных веселых и печальных ситуаций, таких как сердечное прощание моряков флотского экипажа со своими возлюбленными перед уходом в длительные дальние плавания или на войну. Говорят, что в старые годы этот мост покровительствовал всем влюбленным и защищал их в трудные периоды жизни.

Поэт Н.Я. Агнивцев в эмиграции вспоминал:

*Ужели вы не любовались
На сфинксов дивную чету?
Ужели вы не целовались
На Поцелуевом мосту?*

Однако большинство исследователей считают, что происхождение названия моста на самом деле не столь уж поэтично. Оказалось, что свое наименование мост получил от находившегося на левом берегу реки Мойки, на углу ее набережной и Никольской улицы, обыкновенного питерского кабака в доме купца Поцелуева, назвавшего свое доходное питейное заведение «Поцелуй».

В 1816 году деревянный Поцелуев мост снесли и на его месте довольно быстро, за три летних месяца, построили чугунный, однопролетный транспортный арочный мост по проекту все того же инженера В.И. Гесте. Поставленный на новые гранитные устои чугунный Поцелуев мост огражден решеткой, схожей по своему рисунку с решеткой набережной Мойки. На четырех гранитных обелисках с золочеными бронзовыми шарами наверху, закрепленных по сторонам моста, приладили фигурные кронштейны со светильниками, закрытыми матовыми стеклами. Форма фонарей Поцелуева моста отличается от большинства светильников, установленных в этот период на мостах рек и каналов Санкт-Петербурга. Фонари Поцелуева моста напоминают по форме четырехгранную опрокинутую усеченную пирамиду.

Газеты Петербурга в летний сезон 1816 года внимательно следили за строительством на Мойке нового чугунного моста. «Северная почта», например, 12 августа 1816 года с удовлетворением сообщала: «Ящики, из коих он состоит, отлиты за 2637 верст отсюда, на Пермских заводах г. тайного советника Демидова. Величиной, отделкою и красотою, равно и как и скоростью построения, превосходит он другие здесь доселе воздвигнутые мосты... Такие мосты, коим подобных в таковом числе нет ни в одной столице Европы...»

Через восемь лет, 7 ноября 1824 года, во время сильнейшего наводнения пострадали не только люди, но были и повреждены многие мосты, в числе которых оказался и Поцелуев.

Очевидцем этого страшного наводнения стал писатель А.С. Грибоедов. В своих очерках «Частные случаи петербургского наводнения» писатель вспоминал: «На другой день поутру я пошел осматривать следствия стихийного разрушения. Кашин и Поцелуев мосты были сдвинуты с места. Я поворотил вдоль Пряжки. Храповицкий мост оторгнут от мостовых укреплений, неспособный к переезду. Я все же перешел через него, и возле дома графини Бобринской, среди улицы очутился мост с Галерного канала... Я воротился опять к

Храповицкому мосту и вдоль Пряжки, с ее изрытой набережной, дошел до другого моста, который накануне отправило вдоль по Офицерской. Бертов мост тоже исчез...»

В 1907–1908 годах в связи со значительным увеличением транспортного движения и на период прокладки трамвайных путей по Поцелуевому мосту его капитально перестроили по проекту инженера А.И. Пшеницкого. Чугунные несущие конструкции заменили железными, а сам мост расширили за счет тротуаров, вынесенных на консоли. Внешнее архитектурное оформление сохранили в прежнем виде, за исключением новых осветительных фонарей с красивыми металлическими кронштейнами, установленными по каменным обелискам, схожим во многом с рисунком и элементами Красного моста на Мойке.

После окончания ремонтных работ на Поцелуевом мосту его длина составила 41,5 м, а ширина – 23,5 м.

Поцелуев и Краснофлотский мосты. Акварель художника В. Пармонова

В непосредственной близости от этого моста, ниже по течению Мойки, расположен Краснофлотский пешеходный мост, сооруженный на месте существовавшего здесь с конца XIX столетия СтароКонючного моста, разобранный в 30-х годах прошлого века.

В 1959–1960 годах по проекту ленинградского инженера-мостостроителя А.А. Куликова и архитектора Л.А. Носкова на Мойке соорудили металлический однопролетный пешеходный мост-теплопровод длиной 29,8 м, шириной 2,8 м. Его название связано с расположенными на набережной реки Морскими казармами.

Пролетное строение Краснофлотского моста сформировано из двух массивных сварных металлических рам, скрепленных поперечными связями. Железобетонные опоры мостового сооружения облицованы гранитом, по краям моста на гранитных тумбах установлены металлические фигурные торшеры с подвешенными к ним фонарями. Опорами Краснофлотского моста служат гранитные стенки набережной Мойки. Являясь по существу пешеходным сооружением, мост сконструирован для переброски через реку теплофикационных труб. Покрытием же Краснофлотского моста служат железобетонная плита, специальная рулонная теплоизоляция и асфальтобетонная смесь.

На заключительном этапе своего пятикилометрового течения Мойка проходит мимо величественного здания дворца великого князя Алексея Александровича, брата императора Александра III. Здесь, в створе Алексеевской улицы, переименованной в 1923 году в улицу Писарева, неподалеку от знаменитой Новой Голландии, через реку переброшен Храповицкий мост. Здесь еще в петровские времена по императорскому указу соорудили деревянный многопролетный балочный мост с разводным пролетом. Тогда вблизи моста на Мье-реке находился двор Наума Акимовича Синявина, сподвижника Петра I и участника Северной войны. Он командовал днепровской флотилией и российским галерным флотом.

Построенный в середине XVIII века вблизи двора вице-адмирала Наума Синявина деревянный мост через реку Мью первоначально назывался Галерным, Корабельным и даже Желтым – по цвету своей окраски. Однако все упорно его называли Синявин мост. Власти смирились с «самовольством» народа и стали в документах называть его именем Синявина. Историк Петербурга Л.И. Бройтман, знакомясь с архивными документами, обнаружила название «Синявин мост» официально указанное на плане города 1806 года.

Фрагмент Краснофлотского пешеходного моста

В 70-х годах XVIII века мост на Мойке основательно перестроили, после чего он стал именоваться Храповицким, по имени одного из секретарей Екатерины II полковника Василия Ивановича Храповицкого, автора известных «Памятных записок», содержащих детальную информацию по истории России последней четверти XVIII столетия. Его особняк тогда располагался вблизи перестроенного Синявина моста.

Современный же Храповицкий мост построили в 1965–1967 годах по проекту инженера Е.А. Болтунова и архитектора Л.А. Носкова. Его пролетное строение сооружено из предварительно напряженного железобетона консольно-балочной конструкции. Мостовые опоры тогда облицевали гранитом. Длина нового мостового сооружения составила 43,4 м, а ширина – 20 м.

Первый деревянный многопролетный балочный Храповицкий мост с разводными пролетами. К.Ф. Кнаппе. 1798 г.

Вид через Мойку на мост Храповицкого и дворец Бобринского

За Храповицким мостом многокилометровый путь реки Мойки по пределам Центрального района нашего города завершается и она впадает в Большую Неву. Почти у самого своего устья старинный водоем Санкт-Петербурга дает начало небольшой городской речке, ранее называемой Чухонкой, а затем Пряжкой. Практически на отметке истока из реки Мойки через Пряжку перебросили Матисов мост, соединяющий левый берег Мойки с Матисовым островом. Мост и остров названы по имени финского мельника Матиса, жившего во время Северной войны на острове и в начале XVIII столетия своевременно предупредившего русского царя Петра I об опасной вылазке шведских войск. В качестве награды за военные заслуги ему милостиво пожаловали в вечное владение целый остров, впоследствии получивший его имя.

Мост Храповицкого, в центре снимка – дом коменданта тюрьмы Новой Голландии

В 1737 году на месте современного моста построили деревянный балочный мост. В 1839 году он был заменен деревянным трехпролетным арочным мостовым сооружением на каменных устоях по проекту инженеров А.Д. Готмана и А.Ф. Буттаца, названным тогда Сухариным мостом. В 1935 году уже у Матисова моста деревянные арки заменили металлическими.

В конце XX столетия Матисов мост подвергся капитальной перестройке. Старый мост разобрали, деревянные сваи заменили железобетонными, опоры облицевали камнем, поставили прочные металлические арки пролетов. На Матисовом мосту даже появились изящные чугунные ограждения, гранитные тумбы и парапеты.

В 2000 году новый транспортный Матисов мост торжественно открыли для эксплуатации. Нынешняя его длина составляет 39,7 м, ширина – 10,5 м.

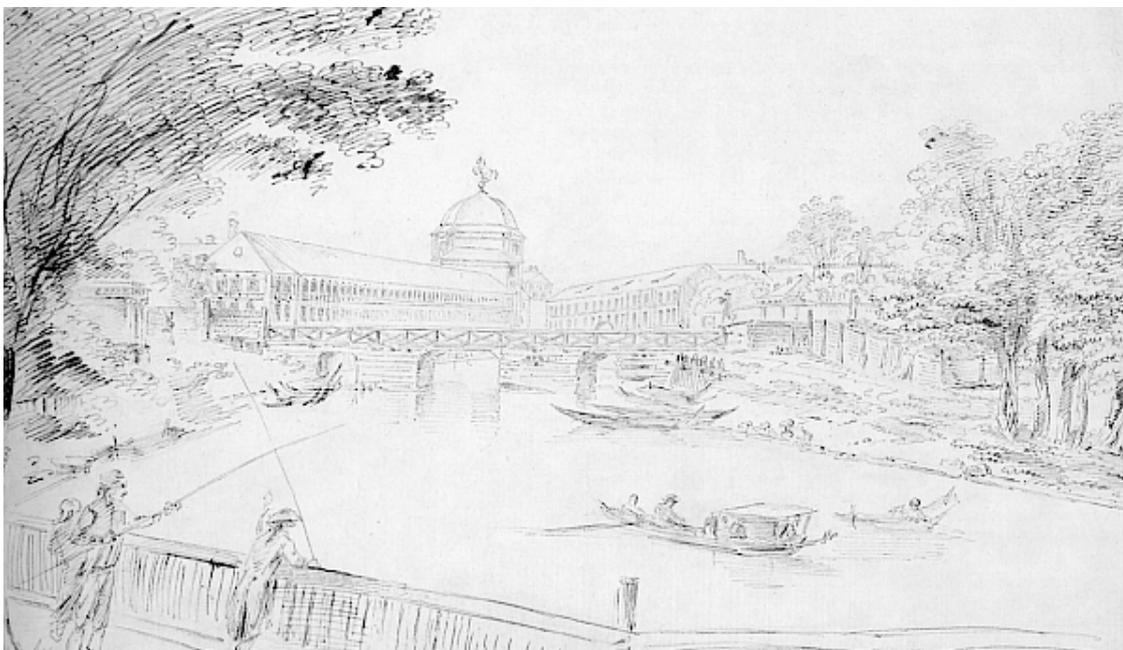
Мосты реки Мойки являются неотъемлемой частью архитектурного облика не только ее набережных, но и города в целом. Ансамбль этих прекрасных сооружений сегодня относится к историческим памятникам отечественной и мировой архитектуры. В их художественном оформлении участвовали знаменитые зодчие, художники и дизайнеры, привнося в их облик влияние самых разных архитектурных стилей и художественных направлений.

Волшебное ожерелье мостовых сооружений реки Мойки бывает неповторимо прекрасным в любое время года, при любой погоде. Несомненно, к реке Мойке и ее мостам можно

отнести полное ностальгии стихотворение русского поэта-эмигранта Н.Я. Агнивцева о блистательном Санкт-Петербурге, опубликованное в Берлине в 1923 году:

*Как бьется сердце! И в печали,
На миг былое возвратив,
Передо мной взлетают дали
Санкт-Петербургских перспектив!
И перерезавши кварталы,
Всплывают вдруг из темноты
Санкт-Петербургские каналы,
Санкт-Петербургские мосты.
Пусть апельсиновые аллеи
Лучистым золотом горят,
Мне петербургский дождь милее,
Чем солнце тысячи Гранад...*

У истоков Мойки

Массовые пожары, бушевавшие в центре Северной столицы в 1736–1737 годах, уничтожили большое количество деревянных строений по обоим берегам реки Мьи. В этот трагический период по распоряжению императрицы Анны Иоанновны активизировалась деятельность столичной Городовой канцелярии, ведавшей делами строительства Санкт-Петербурга. По инициативе ее руководителя князя А.М. Черкасского создается градостроительная Комиссия по упорядочению планировки города и разработке новых правил и проектов по возведению на пепелище каменных жилых и муниципальных правительственных зданий.

Тогда началась активная застройка набережных Мойки каменными зданиями, сформировавшими прекрасные архитектурные ансамбли. Их возведение сочеталось с работами по углублению русла реки и укреплению ее берегов и набережных гранитом. На Мойке постепенно вырастали особняки столичной знати и дворцы представителей императорского дома. Над их воплощением трудились известные российские зодчие и строители.

Князь А.М. Черкасский

Особая роль в создании на Мойке архитектурных ансамблей и отдельных замечательных зданий принадлежит чиновникам-градостроителям XVIII столетия Петру Еропкину и Алексею Квасову, возглавившим «Комиссию о каменном строении Санкт-Петербурга» и четко сформировавшими в 1768 году основную задачу архитекторам и их заказчикам: «Придать Петербургу такое великолепие, которое бы соответствовало столице столь пространного государства».

Императрица Анна Иоанновна

Если бы один из героев романа писателя А.С. Грибоедова «Горе от ума» полковник Скалозуб, высказавшийся о сожженной Москве 1812 года, увидел похорошевшую набережную реки Мойки, то повторил был свою фразу: «Пожар способствовал ей сильно к украшению...»

Воистину в период правления императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны в ту «послепожарную» пору набережные старинной реки, от ее истока до устья, словно по волшебству, приобретали «свой стройный строгий вид».

Известно, что в застройке набережных реки Мойки значительную роль играют отдельные выдающиеся по своему художественному смыслу здания и целые архитектурные комплексы, такие как Инженерный замок, ансамбль Летнего сада и Марсова поля, комплекс зданий Конюшенного ведомства, строения Главного штаба и палатцо великих князей – Строгановский и Юсуповский дворцы, ансамбль зданий Исаакиевской площади, Новая Голландия и многие другие. Эффект от подобных сооружений на Мойке во многом зависит от их неразрывной связи с набережными, мостами, живописными спусками к воде и открывающимися на поворотах русла реки перспективами. Проект главного архитектора «Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга» предусматривал возможное спрямление реки на отдельных ее участках, однако подобные работы тогда к великому счастью не были выполнены. Естественные изгибы русла Мойки и сегодня поражают нас своей живописностью и красотой неожиданно открывающихся перспектив.

Возведенные на набережных Мойки жилые и общественные здания известных зодчих значительно изменили первоначальный облик берегов реки.

После сооружения гранитных набережных водоема началась сплошная застройка Мойки. Особая роль в ней принадлежит сооружениям и ансамблям, созданным в конце XVIII – начале XIX столетия, в период расцвета русского классицизма. И в наши дни представляют не только историческую, но и художественную ценность. Расположенные в центральном престижном районе столицы дома и особняки заселялись известными знатными лицами Петербурга. На берегах Мойки появились фешенебельные гостиницы, конторы известных банков, богатых промышленников и дорогостоящие комфортабельные доходные жилые дома, где снимали квартиры выдающиеся деятели отечественной культуры, науки и техники, известные представители столичных государственных и военных учреждений.

В этой исторической части Санкт-Петербурга за несколько веков удивительно переплелись жизни и судьбы великих российских государственных деятелей, политиков, военачальников и представителей российской культуры.

Мойка на всем своем протяжении богата памятными местами. В украшении знаменитой петербургской реки и ее архитектурном оформлении участвовали знаменитые зодчие – К.Б. Растрелли, В.И. Баженов, А.Ф. Кокоринов, Ж.-Б. Вален-Деламот, В. Бренна, К.И. Росси, Дж. Кваренги, С.И. Чевакинский, В.П. Стасов, О. Монферран и многие другие.

В своем начале река Мойка, проходит через исторические ансамбли Санкт-Петербурга: Летний и Михайловский сады, Михайловский замок, Марсово поле, с расположенными на его границах Мраморным дворцом, бывшими казармами Павловского полка, домами вблизи Лебяжьей канавки, принадлежавшими И.И. Бецкому и графу Н.И. Салтыкову.

Летний сад

Замысел создания в Петербурге Летнего сада принадлежит основателю города Петру I. В 1704 году царь приказал разбить для себя большой сад, подобный знаменитым европейским паркам тех лет.

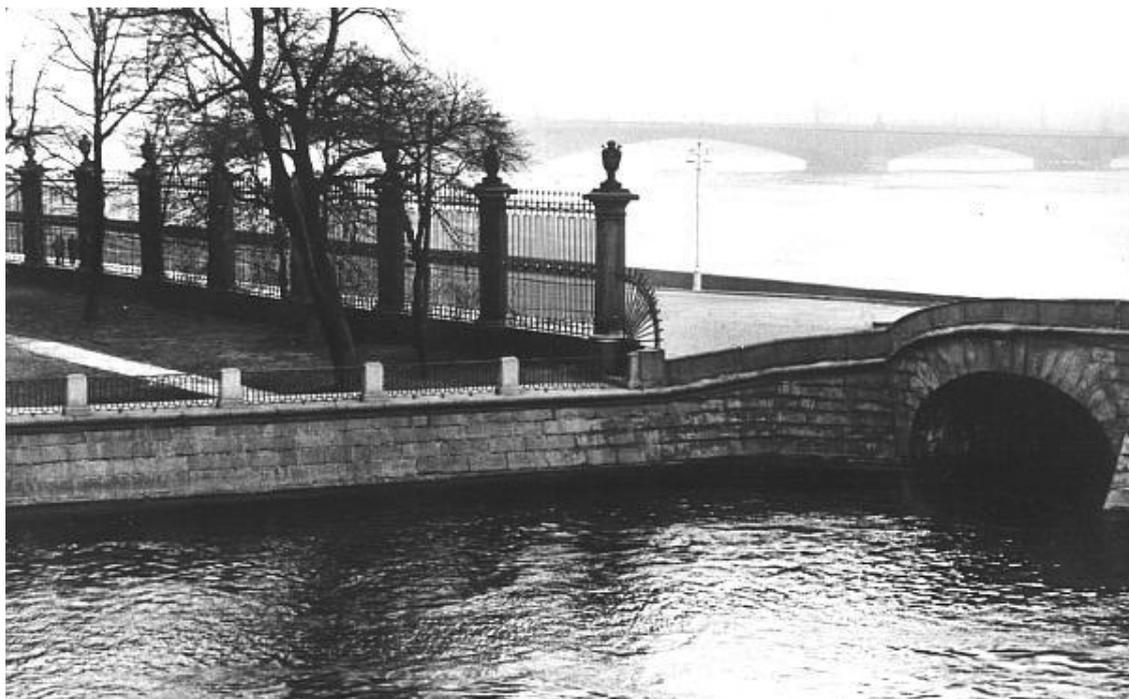
Государь сам выбрал место для своего летнего дворца и первого сада в новой столице. Земельный участок на левом берегу являлся достаточно обжитым местом. Еще в 60-х годах XVII столетия здесь располагалось шведское поселение, а позже шведский король пожаловал эти земли майору Конау, обустроившему на дарованном участке свое имение – мызу с садом. Выбранное императором место для Летнего сада по сути оказалось островом, территория которого с севера омывалась водами Невы, с юга – рекой Мойкой, на востоке границей будущего сада оказался правый берег вытекающей из Невы реки Фонтанки (Безымянного Ерика). С западной же стороны сада, там, где из болота когда-то вытекала небольшая речка Лебединка, в 1711 году прорыли от Невы до Мойки Лебяжий канал, названный позже Лебяжьей канавкой.

Территория будущего Марсова поля оказалась не только навсегда отделенной от Летнего сада, но и была довольно быстро осушена.

Считается, что план Первого Летнего сада набросал сам Петр I, познакомившийся в заграничных поездках с Великим посольством со знаменитыми садами Голландии и немецкого княжества. Согласно утвержденному царем плану, от берега Невы до середины огромного земельного участка тогда обустроили парадный регулярный парк с четким, геометрически правильным расположением аллей, боскетов, партеров. Украшением сада служили разнообразные фонтаны, водоемы, замысловатые садовые сооружения и декоративная скульптура.

Лебяжья канавка. Фото 1979 г.

Лебяжья канавка. Летний сад. Фото 1979 г.

Второй Летний сад, или, как он тогда назывался, «огород», с плодовыми деревьями, ягодными кустарниками, теплицами и цветочными оранжереями занимал всю оставшуюся часть Летнего сада, оканчивающегося на правом берегу реки Мойки. На левом же берегу Мойки (реки Мьи), на будущем участке Михайловского замка и одноименного сада располагался Третий Летний сад со строениями для дворцовых служащих, царской охраны и сторожей. Здесь же обустроили так называемые «фряжские итальянские погреба» для хранения запаса заморских вин и разносолов для царского стола. К западу от винных и продуктовых складов, на левом берегу Мойки, напротив будущей южной границы Марсова поля, разбили сад для Екатерины I и в первой четверти XVIII века построили по повелению Петра I великолепный деревянный дворец, известный под названием «Царицыны золотые хоромы». Черепичную крышу здания украшал высокий золотой шпиль, а стены царского дворца в некоторых залах во всю их высоту обили кусками позолоченной кожи.

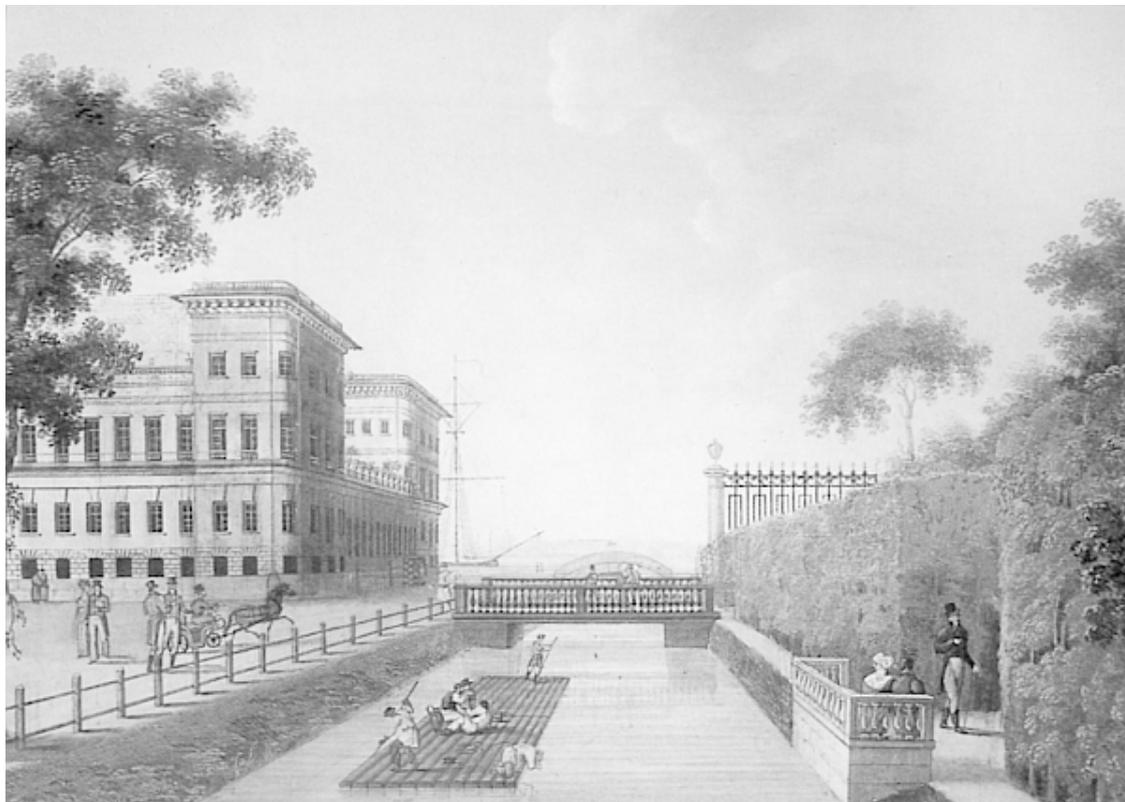
Парадный фасад дворца Екатерины I выходил на акваторию реки Мьи на отрезке водоема, где позже, в 1825 году, архитектор К.И. Росси построил небольшой парковый павильон-пристань.

«Золотые хоромы» Екатерины I окружал Третий Летний сад, или, как его в народе чаще называли, «сад за речкой Мьей». По сравнению с петровским «парадизом» он больше всего напоминал боярскую усадьбу тех далеких времен, с огородом, фруктовыми деревьями и парниками, в коих царица даже пыталась выращивать заморские фрукты – ананасы и бананы. По ее распоряжению в Третьем Летнем саду выкопали несколько прудов для разведения и содержания живой рыбы разных пород, вылавливаемой к царскому столу. Аллеи сада, проложенные на участке, вели к хозяйственным постройкам, конюшням, амбарам и домам садовников и прислуги. По берегам Мойки и Фонтанки царица распорядилась проложить «променада» – дорогу для пешех прогулок и наплавной мостик через Мойку, по которому Екатерина I проходила на Царицын луг и в оба Летних сада.

Отметим, что позже, в годы правления страстной охотницы императрицы Анны Леопольдовны, Третий Летний сад переделали в полном соответствии с ее увлечением. Огород и фруктовый сад тогда перенесли за Фонтанку, на Литейную улицу, а на освобожденном

участке двоюродная сестра Петра Великого задумала устроить «ягд-гартен» – полигон для «гоньбы и стрельяния оленей, кабанов и зайцев».

В период царствования Елизаветы Петровны по ее указу в 1745 году архитектор Ф.Б. Растрелли на берегу Мойки построил «мыльню» (императорскую баню) – «с круглым салоном, фонтаном и парадными покоем для отдыха».

Вид на Лебяжью канавку, дом И.И. Бецкого и Летний сад. 1820 г.

Занятый важными государственными делами, воевавший и строивший новую столицу император не забывал и свою летнюю резиденцию, «дорогой сердцу парадиз», – Летний сад. Он потребовал наладить регулярную доставку цветов и цветочных семян из подмосковного Измайлова, да «не помалу, а больше тех, кои пахнут». Указывал выслать «в Петербург огородных семян, кореньев, а також тринадцать малых ребят для обучения огородной науке». Со всей России и из Западной Европы в Летний сад привозили саженцы многолетних лип, кедра и пихты, коренья белых лилий, кусты душистой сирени, луковицы голландских тюльпанов и семена лекарственных трав. Осенью 1706 года, перед первым походом на Выборг, царь приказывает привезти из Гамбурга каштановые деревья, а из Любека – кусты сирени и цветочные семена.

В полном соответствии с канонами регулярного парка, Летний сад разбивался согласно строго геометрической планировке. Проложенные на его территории прямые и радиальные аллеи разделяли все парковое пространство на множество отдельных площадок, так называемых боскетов, обрамленных со всех сторон деревьями. В саду выкопали несколько водоемов, имевших определенные геометрические очертания, обустроили прекрасные цветники с разросшимися кустами роз, ярких лилий, тюльпанов, нарциссов и иных невиданных цветов. Правила регулярного стиля требовали также обязательной художественной стрижки садовых деревьев, придания их кронам самых причудливых форм. Рассажены вдоль садовых

аллей и вокруг открытых площадок аккуратно подстриженные деревья образовывали своеобразные стены-шпалеры, высота которых могла достигать трех метров.

Летний сад в нескольких местах пересекали «огибные дороги» – длинные крытые коридоры из деревянных каркасов с привязанными к ним стволами молодых лип. В подобных аллеях было так темно, что они даже днем подсвечивались подвешенными фонарями.

В некоторых боскетах посетителей сада поражали яркие соцветия необычных цветов, в других – устанавливались непривычные для глаза россиян заморские морские скульптуры. Неподалеку от главной центральной аллеи Летнего сада, в боскете больших размеров, по повелению царя вырыли огромный овальной формы пруд, в центре которого был небольшой островок с красивой беседкой в виде китайской пагоды. Существует легенда, что остров мог посещать только император, когда он хотел в одиночестве поразмыслить над той или иной государственной проблемой. Перевозчиком императора служил один из придворных карликов, ловко управляющий предоставленным в его распоряжение небольшим челном.

К работам в Летнем саду русский царь привлекал известных столичных зодчих И. Матвеева, Д. Трезини, А. Шлютера, Ж.-Б. Леблона, М.Г. Земцова, а также замечательных садоводов Яна Роозена и Илью Сурьмина. Кстати, большинство сохранившихся до наших времен аллей Летнего сада созданы великим Яном Роозеном, служившим в царском «парадизе» 13 лет.

Особую красоту Летнему саду придавали многочисленные фонтаны, созданные на его территории в разное время по проектам зарубежных мастеров. Это были первые российские водометы, отличавшиеся друг от друга своими конструктивными особенностями, размерами, формой и отделкой. В качестве отделочных материалов тогда широко использовали местный и зарубежный камень: разноцветный мрамор, пудостский камень, тосненскую плиту, гранит ракушечник и туф. Без любимых водометов Петр I не мыслил настоящего сада, способного успешно конкурировать со знаменитыми парками Версаля и европейскими садами. Уже в 1705 году государь приказал зодчему Ивану Матвееву «учинить изготовление свай, колеса великого и також двух с пальцами и несколько шестерен», ибо «сие надобно для возникновения воды к фонтанам» и при этом просил «весною перебить тое речку, которая идет мимо моего двора». Речь тогда шла о Безымянном Ерике, будущей Фонтанке. К устному распоряжению царь тогда приложил собственноручный чертеж водоподъемного устройства.

Летний сад при Петре I. Художник А. Бенуа. 1902 г.

Весной 1706 года задание императора было исполнено и начата установка первых фонтанов Летнего сада. Правда, конструктивные заготовки Петра Алексеевича для подачи воды

из реки оказались маломощными. Струи воды не поднимались на должную высоту, и императору пришлось искать варианты механических устройств, способных во много раз увеличить напор воды и высоту ее подъема над поверхностью фонтана. В 1717 году, находясь в Англии, русский царь специально купил изобретенный англичанином Томасом Соверном мощный паровой насос. Его-то и решили использовать для подачи воды из реки к петровским водометам Летнего сада.

В сопроводительном письме об удачной покупке в Англии Петр указывал тогда обер-комиссару столицы князю Алексею Михайловичу Черкасскому, руководившему строительными работами в летней столичной резиденции императора: «Присланную медную машину, которая гонит огнем воду, вели скорее собирать у фонтанны Летнего дома по чертежу мастера, который с тою машиною прислан, дабы я при возвращении своему увидел ее действие».

Таким образом, благодаря настойчивым поискам царя Петра одно из значительных мировых достижений начала XVIII столетия – паровой насос англичанина Соверна – впервые в мире был опробован и нашел практическое применение в новой российской столице для эффективной работы замечательных фонтанов Летнего сада.

Позже, чтобы увеличить запас воды для многочисленных фонтанов, установленных в разные годы в петровском «парадизе», в 1718 году по повелению Петра I приступили к прокладке канала, соединенного с рекой Лигой. Вода из канала поступала в открытые пруды-накопители, расположенные на Бассейной улице (ныне – Некрасова). Из накопителей вода по трубам направлялась к специальным водовзводным башням, устроенным на реке Фонтанке.

Количество фонтанов и их варианты в саду с годами увеличивались. Петровские водометы богато украшались не только разными сортами камня, но и вазами, позолоченными фигурами в виде человеческого лица, или головы животных, срезанных как маска сзади (маскарон). Отделку фонтанов обычно завершали особой красоты чаши водоемов, вырезанные из разных пород ценного мрамора, редких морских раковин и некоторых необычных сортов иных природных и искусственных материалов. Самыми первыми и наиболее красивыми в Летнем саду являлись фонтаны его главной аллеи. Первым от набережной Невы считается одноструйный водомет, облицованный итальянским белым мрамором с чашей, напоминавшей изящную шахматную доску, выложенную мраморными плитами черного и белого цветов. Этот первый фонтан мастера построили на так называемой «дамской» площадке сада, предназначенной для императрицы и ее фрейлины.

В теплое время года в Летнем саду каждую неделю проходили гуляния, на которые обязаны были являться жители столицы высшего и среднего сословий. Царский указ гласил: «...позволено... всякому чину входить, кроме тех, кои в серых кафтанах, а паче с бородами, оных пущать запрещено».

В день гуляний в саду устраивались танцы. Танцевали на «дамской» площадке. Во время танцев дам угощали чаем, «кофеем», медом и миндальным молоком. Кавалеры пили пиво и заморское вино.

Более сложным и массивным по своей конструкции оказался многоструйный фонтан на следующей главной аллее, названной «шкиперской». Вблизи него обычно накрывались столы, где император принимал близких друзей и знатных гостей. С ними он не только вел деловые и светские беседы, но и пил пиво, играя в шашки, и выкуривал одну из своих любимых трубок.

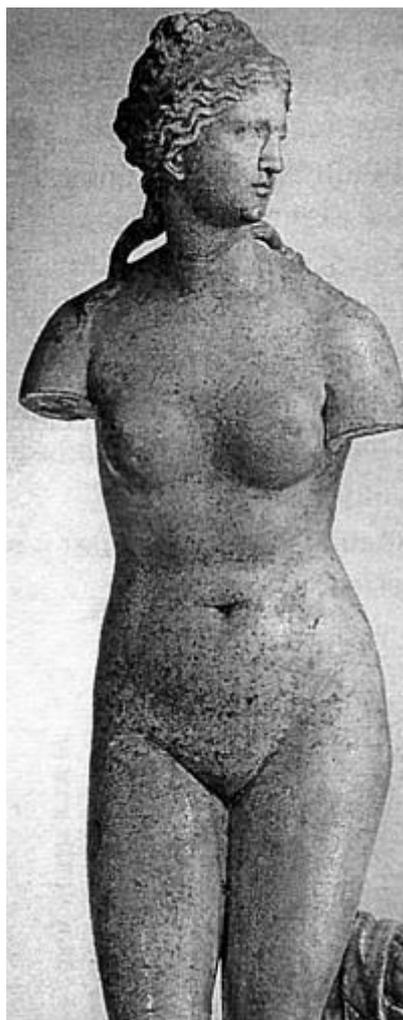
Границей Первого парадного Летнего сада, отделяющей его от Второго сада, или «огорода», являлся поперечный канал, проходящий от реки Фонтанки до Лебяжьей канавки параллельно Неве и Мойке.

Через «Поперешний» канал перекинули мостик, на котором соорудили «водо-меты-шутихи». Вступивший на мост, заранее не предупрежденный о его коварном устройстве, внезапно с ног до головы обливался мощными струями холодной воды.

Во Втором саду, несмотря на то что он считался хозяйственным – со своими огородом, оранжереями и теплицами, также существовали беседки, затейливые крытые аллеи и фонтаны. Один из высоких водометов тогда даже обустроили в середине Карпиева пруда.

Замечательным сюрпризом Второго сада являлся «Лабиринт Эзоповых басен». Петр не отставал от короля Франции, у которого в Версальском парке уже существовал этот аттракцион – непременная принадлежность регулярного сада. Работу по его проектированию царь поручил в 1719 году своему любимцу Ж.-Б. Леблону. Однако в том же году Леблон умер и работу продолжил российский зодчий М.Г. Земцов, спроектировавший лабиринт не хуже французского. Правда, работы по его сооружению затянулись на 10 лет, но аттракцион по своему великолепию и сложности удался на славу, садовая затея русского императора стала не только развлекательным объектом, но и своеобразным общеобразовательным центром Летнего сада.

Его затейливые изгибы, посыпанные песком дорожки, укрытые стриженными стенками зеленых кустарников, трельяжные ниши с небольшими бассейнами-фонтанами были уставлены свинцовыми позолоченными фигурами птиц и зверей, отлитых в натуральную величину. Мохнатые, пернатые, чешуйчатые и у всех из пасти, клюва, рта бьют струи прозрачной воды. Каждая скульптура была иллюстрацией одной из басен древнегреческого поэта и в то же время символизировала одно из исторических событий того времени. Например: змей, грызущий наковальню, – Карл XII, тщетно пытавшийся победить русских; курица, защищающая своих цыплят от ястреба, – русская армия, охраняющая родину от шведов, а лев в клетке – поверженная Швеция.

Венера Таврическая

Для тех, кто не читал любимых басен Петра I и не знал их смысла, у каждого фонтана расставили таблички с подробными толкованиями каждой басни. Вход в зеленый лабиринт украшала фигура древнегреческого баснописца Эзопа.

Проектируя лабиринт, М.Г. Земцов подготовил эскизы персонажей эзоповых басен для ваяния скульптур и следил за качеством отливок фигур из свинца.

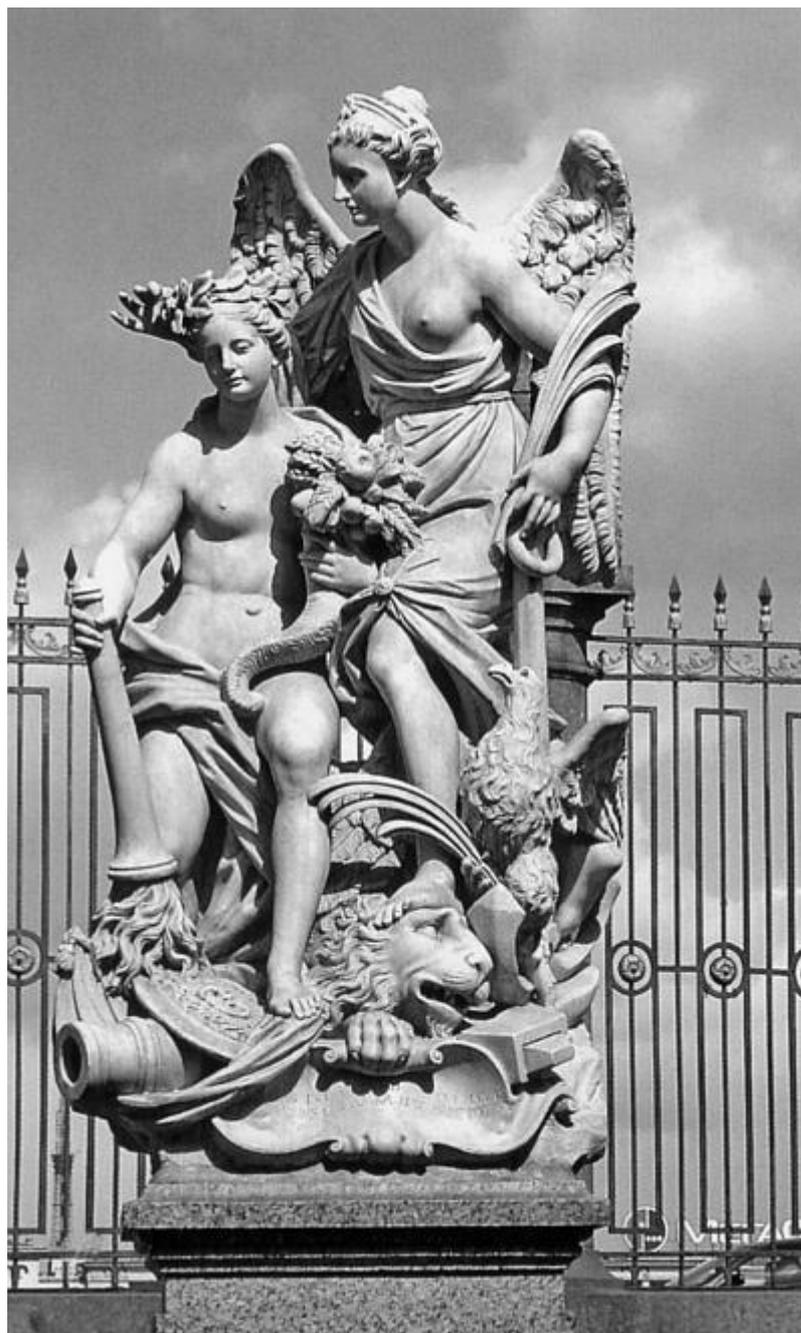
Число фонтанов Летнего сада с каждым годом увеличивалось. Если в 1725 году в нем насчитывалось 23 водомета, то несколькими годами позже их число увеличилось до 50.

Особым украшением сада стали многочисленные мраморные статуи и бюсты, приобретенные Петром I в Италии. Сад украсили работы таких известнейших мастеров декоративной скульптуры, как Д. Бонацца, П. Баратта, А. Тарсия, Д. Зорзони, А. Коррадини и многих других великих итальянских мастеров. При жизни Петра I в саду насчитывалось около двухсот мраморных скульптур, среди которых находилась и мраморная Венера, коей государь особенно дорожил, выставляя в дни многолюдных празднеств около нее гвардейского часового.

Беломраморная статуя прекрасной обнаженной женщины, изящной, стройной, со слегка повернутой гордой головой, была установлена на высоком пьедестале. Скульптура полтора тысячелетия пролежала в римской земле, до тех пор пока в конце XVIII столетия итальянцы, рывшие котлован для здания, не обнаружили этот шедевр «с отшибленной головой и без рук». Эту античную скульптуру приобрел в Риме Юрий Кологривов, доверенное лицо царя в Италии, и он же отдал ее для реставрации местному известному скульптору.

Весть о приобретении «мраморной статуи Венус» весьма порадовала русского императора, ибо эта античная скульптура могла стать главным украшением его «парадиза». Однако случилось непредвиденное. Римские власти, узнав о сделке по приобретению древней скульптуры, конфисковали ее и арестовали продавца античного раритета, ибо указ папы Климента XI категорически запрещал вывозить из страны любые произведения древнеримской империи. Сообщая о случившемся Петру I, расстроенный Кологривов тогда слезно писал царю: «Лучше я умру, чем моим трудом им владеть». По распоряжению Петра I в Рим на помощь Кологривову прибыл находившийся тогда в Италии дипломат С. Рагузинский, придумавший замечательный план дальнейших действий. В обмен на античную статую Венеры россиянин предложил папе мощи католической Святой Бригитты, обнаруженные русскими солдатами в одном из соборов взятого в бою Ревеля. Папе пришлось согласиться на подобный «бартер» и отдать «языческого идола» в обмен на столь чтимые католиками мощи святой Бригитты. Ни словом не упоминая о сей странной сделке, папа Климент XI распорядился «в угодность русскому царю» подарить статую. Старательно упакованную в ящик скульптуру со всеми предосторожностями доставили в Петербург и установили в Летнем саду. Ныне Венера хранится в Эрмитаже и известна под названием Венеры Таврической, ибо в конце XVIII века она была подарена Екатериной II князю Потемкину, который хранил Венеру в своем Таврическом дворце, давшем античной скульптуре ее позднее название.

Приобретением и заказом скульптур в Венеции и Риме занималась целая группа российских ценителей мастерства итальянских скульпторов того времени, доверенные русского императора: Юрий Кологривов, Савва Рагузинский и Петр Беклемишев. Им не только доверялась работа по отбору подобных произведений искусства, но и поручалось выполнять особые заказы Петра I и его государственных деятелей, связанные с пропагандой военной мощи России, ее побед в войнах, успехи в организации флота и становлении страны в качестве сильной морской державы.

Аллегорическая группа «Мир и Изобилие»

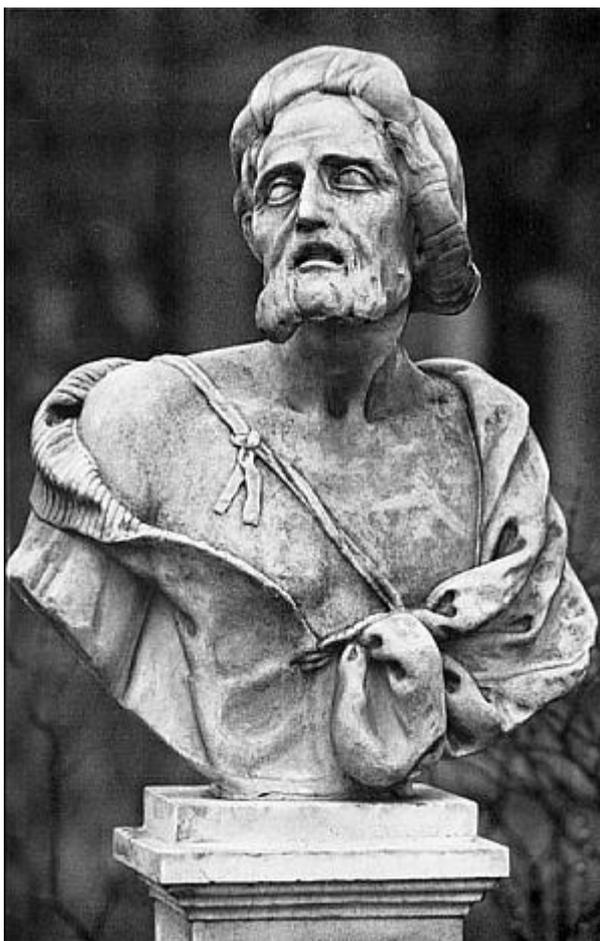
В память славной победы России над Швецией в затяжной Северной войне талантливый итальянский скульптор П. Баратта изваял из мрамора для русского царя замечательную скульптурную группу «Мир и Изобилие», или «Ништадтский мир». Длившаяся двадцать один год война завершилась блестящей победой русских. Россия вернула свои исконные земли на берегах Невы и Финского залива. Договор о мире подписали в финском городе Ништадте. Скульптурная группа из белого каррарского мрамора – своеобразный апофеоз одного из важнейших мировых событий в период царствования Петра Великого. Замечательная работа П. Баратта изображает две фигуры богинь – Изобилия и Славы. Первую из них – богиню Изобилия – исполнитель отождествлял с Россией. Правой рукой она гасит горящей факел – аллегорический конец войны. В левой руке богиня держит рог изобилия – символ экономической мощи Российского государства. Богиня Слава украшает лавровым венком голову победительницы. У ног богинь скульптор изобразил трофеи военных побед и

поверженного льва – аллегория некогда могущественной Швеции. В лапах льва – картуш, на коем высечено латинское изречение: «Велик и тот, кто дает, и тот, кто принимает, но самый великий тот, кто то и другое совершить может».

Военная мощь России и победоносное завершение ею Северной войны символизирует так же выполненная венецианцем Пьетро Баратто мраморная статуя «Слава». Последующие специальные заказы талантливым итальянским скульпторам пополнили коллекцию Летнего сада прекрасными мраморными статуями, их аллегорические смыслы должны были служить прославлению России, ее императора, русской армии и флота, их полководцев и адмиралов. К подобным социально-политическим заказам следует, по-видимому, отнести мраморные изваяния «Миневра», «Милосердие», «Мореплавание», «Правосудие», «Изобилие» и «Архитектура».

«Правосудие»

Бюст «Внимание»

Белораморное «Мореплавание» изображает полную сил молодую женщину с компасом и географической картой в руках, на которой явственно проступают четкие контуры Скандинавского полуострова и Финского залива. На месте же новой российской столицы Петербурга в сиянии лучей восходит диск солнца.

Доставленная на берега Невы морским путем из Венеции мраморная статуя «Архитектура» в явно аллегорической форме прославляла невиданный темп строительства Северной столицы и деяния русского царя в сфере градостроительства. Перед зрителями предстает энергичная молодая особа с чертежом, циркулем и лекалом – инструментами зодчего и строителя.

Летний сад постепенно превращался в уникальный музей садово-парковой скульптуры XVIII столетия, в котором кроме садовников работали специалисты по расстановке скульптур. Именно труд подобных специалистов позволил тогда столь замечательно дополнить убранство Летнего сада многочисленными скульптурами, доставленными из Италии, и наглядно продемонстрировать, что они являются одним из важнейших элементов художественного оформления «парадиза» Петра Великого.

«Истина»

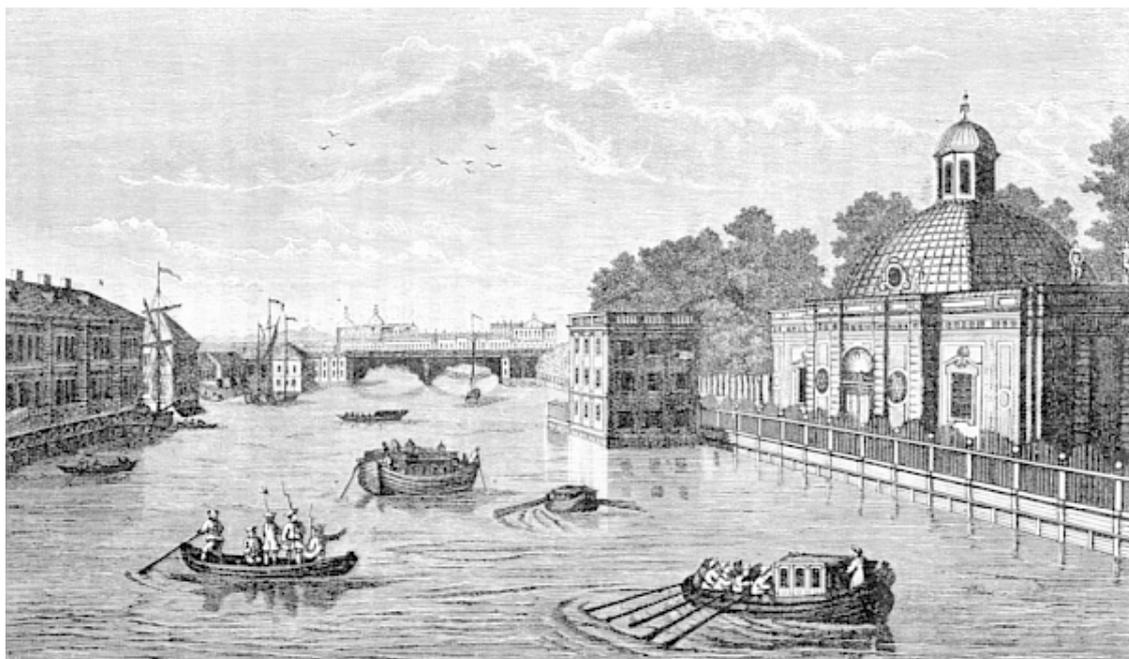
В ансамбле Летнего сада XVIII столетия статуи и бюсты кроме аллегорического содержания разделялись по своей тематике на две группы: исторического и мифологического назначения. К первой категории относились скульптурные портреты исторических лиц и государственных деятелей – Александра Македонского, Марка Аврелия, польского короля Яна Собесского. Вторая же категория из персонажей античной мифологии также весьма удачно пополнила перечень садовой скульптуры: Минерва, Беллона, Немезида, Эвтерпа, Флора, Меркурий, Вакх и другие изваяния подобной классической тематики. Весьма примечательная скульптурная серия венецианского мастера Джованни Бонацца, аллегорически передающая время суток, достойно украшала Летний сад в XVIII столетии. «Аврора» – богиня утренней зари, веселый молодой «Полдень», утомленный «Закат» и таинственная «Ночь», окутанная звездным покрывалом.

Серия мраморных статуй, блиставших в «парадизе» русского царя, олицетворявших музы искусств, к сожалению, со временем значительно поредела. Для нас история оставила всего трех муз работы итальянских мастеров братьев Джузеппе и Паоло Гроппелли: «Эвтерпу» – покровительницу лирической песни, музу комедии «Талию» и музу танцев «Терпсихору».

«Юность»

Боковая аллея, проложенная от четвертой площадки Летнего сада в сторону Фонтанки, приводила к прямоугольному павильону с красивым куполом, завершенным шестигранным фонариком, с колоннами и статуями – одному из интересных сооружений и украшений сада, названному его автором «Гротом». Кстати, точное место его возведения сегодня известно каждому, кто когда-либо побывал в современном Летнем саду нашего города. Все, вероятно, восхищались работой зодчего К.И. Росси, построившего в глубине сада, на берегу Фонтанки, Кофейный домик – ценный памятник русской садово-парковой архитектуры первой четверти XIX века. Этот небольшой павильон возведен в результате перестройки в 1826 году петровского «Грота», на его основании и месте. К.И. Росси сохранил не только старый фундамент, но и стены «Грота» и весь его простой прямоугольный план, но при этом уничтожил купол над центральным залом и пышную обработку фасада в стиле барокко. Его возведение началось в 1713 году по проекту, разработанному зодчим А. Шлютером. Правда, стройка затянулась на несколько лет, а его возведение стало делом нескольких известных столичных зодчих. После смерти в 1714 году архитектора и скульптора Андреаса Шлютера постройкой «Грота» руководил его ученик И. Матарнови, далее зодчие Н. Микетти и Ж.-Б. Леблон, а достраивал и окончательно декорировал его интерьеры талантливый русский архитектор, представитель раннего барокко Михаил Григорьевич Земцов.

Летний сад и «Грот». Вид с Фонтанки. Гравюра Ходжеса. Середина XVIII в.

«Грот» строился в итоге более десяти лет, до 1725 года, так же долго, как и петровский «Лабиринт», поэтому русский император при своей жизни не смог увидеть в готовом виде ни одного из двух задуманных им объектов Летнего сада.

Архивные документы все же сохранили нам описания внешнего и внутреннего вида этого любопытного садового сооружения. Три его зала группировались между собой массивными арочными проемами и отделаны серым ноздреватым камнем (туфом), большими перламутровыми раковинами из Средиземного моря, разноцветными природными камнями и толченым стеклом.

Над его центральным проемом располагался высокий стеклянный купол, под которым бил оригинальный фонтан с позолоченной фигурой Нептуна в колеснице с впряженными в нее морскими коньками. Довершали внутренний декор «Грота» мраморные барельефы, статуи и мраморные бюсты. Здесь же располагался оригинальный водяной орган, работавший при включенном фонтане. В глубокой тишине мрачноватого «Грота» начинала внезапно звучать негромкая мелодичная музыка, напоминавшая перезвон колокольчиков.

Одновременно с музыкой из кусков облицовочного туфа, раковин и веток кораллов начинали вырываться искрящиеся струйки воды.

Внешне «Грот» выглядел весьма нарядно. Углы кирпичных стен украшала замысловатая рустовка. Дверные и оконные проемы обрамляли изящные гирлянды. Крышу здания дополняли мраморные фигуры «Герпсихоры», «Флоры», «Сибиллы», «Фортуны» и некоторых иных богинь римской мифологии.

К великому сожалению, «Грот», названный «диковинкой» Северной столицы, также как петровский «Лабиринт» и знаменитые фонтаны Летнего сада, безжалостно разрушило великое наводнение 1777 года. Длительное время, до 1826 года, он еще существовал в Летнем саду, превратившись в склад битых мраморных скульптур и садового инвентаря.

В первые годы существования Летнего сада его многочисленные сооружения, площадки и аллеи непосредственно подступали к левому берегу Невы. В тот период набережная здесь отсутствовала. Входом же в сад служила пристань, специально обустроенная на берегу реки. У ее причалов тогда возвели три дубовые галереи для гостей. Во время празднеств и гуляний в них обычно накрывались столы и даже устраивались танцы. Центральная дубовая

галерея, прекрасно декорированная внутри, располагалась в створе главной (центральной) аллеи Летнего сада. С нее открывался изумительный вид на перспективу далеко пролежавшего зеленого коридора главной аллеи с ее фонтанами, мраморными статуями и высокими зелеными шпалерами.

В исторических записках камер-юнкера герцога Гольштейн-Готторпского Ф.В. Берхгольца подробно рассказывается о впечатлении, произведенном на него «парадизом» Петра Великого. Голштинский дворянин Фридрих Вильгельм фон Берхголец хорошо знал Петербург первой половины XVIII столетия. Он стал одним из первых свидетелей сооружения Петром I Летнего сада, произведшего на него сильное впечатление, нашедшее отражение в его исторических дневниках 1721–1725 годов. Вот, что писал тогда молодой голштинiec о любимом детище русского царя: «Сад этот имеет продолговатую форму; с восточной стороны к нему примыкает Летний дворец царя, с южной – оранжерея, с западной – большой красивый луг (на котором, при всех праздниках, обыкновенно стоит в строю гвардия), а с северной он омывается Невою...

Центральная аллея Летнего сада

У воды стоят три длинные открытые галереи, из которых длиннейшая – средняя, где всегда при больших торжествах, пока еще не начинались танцы, ставился стол со сладостями. В обеих других помещаются только столы с холодным кушаньем. В средней галерее находится мраморная статуя Венеры, которую царь до того дорожит, что приказывает ставить к ней для охранения часового.

Против этой галереи – аллея самая широкая во всем саду: в ней устроены красивые фонтаны, бьющие довольно высоко. Вода в них проводится в бассейны из канала с помощью большой колесной машины, отчего в ней никогда не может быть недостатка. У первого фонтана – место, где обыкновенно царица бывает со своими дамами, а далее, у другого, стоят три или четыре стола, за которыми пьют и курят табак...

Вправо от этой круглой и разделенной четырьмя аллеями площадки с одной стороны стоит прекрасная статуя с покрытым лицом, у подножия которой течет или, лучше сказать, бьет вода со всех концов, а с другой находится большой птичник, где многие птицы частью свободно расхаживают, частью заперты в размещенных вокруг него небольших клетках. Там есть орлы, черные аисты, журавли и многие другие редкие птицы.

Тут же содержатся, впрочем, и некоторые четвероногие животные, как, например, очень большой еж... Кроме того, там есть еще синяя лисица, несколько соболей и пр. В высоком домике с восточной стороны множество прекрасных редких голубей...

На другой стороне фонтана, против упомянутой статуи, устроена в куще деревьев небольшая беседка, окруженная со всех сторон водою, где обыкновенно проводит время царь.

На воде плавают здесь большое количество самых редких уток и гусей, которые до того ручные, что позволяют кормить себя из рук. По берегу вокруг расставлены маленькие домики, где они, вероятно, запираются на ночь. Здесь же красуется вполне снаряженный кораблик, на котором иногда потешается шут царя.

Против большого птичника устроен еще, в виде водопада, красиво вызолоченный мраморный фонтан, украшенный многими позолоченными сосудами. Это место (где находится также и оранжерея), бесспорно, одно из лучших в саду. Все оно обсажено кустарником и окружено решеткой...

Далее отсюда, вправо, стоит большая сплетенная из стальной проволоки клетка с круглым верхом, наполненная всякого рода маленькими птицами, которые целыми группами летают и садятся на посаженные внутри ее деревца...

Кроме того, в этом саду находится приятная рожица и устроено еще несколько фонтанов. Одним словом, там есть все, чего только можно желать для увеселительного сада...»

Не менее восторженно отзывался в XVIII столетии о петровском Летнем саде прогрессивный государственный и церковный деятель, сподвижник Петра I Феофан Прокопович: «...дом царский на бреже полуденном Невы, при самом ея на помянутые струи разделении построенный, и при нем вертоград образцом италианским насаженный, с прекрасными архитектурными гульбищами и холодниками, дивную являет красоту и пловущих по реке увеселяет».

Кстати, упомянутая камер-юнкером Берхгольцом Венера, при которой по распоряжению Петра I постоянно пребывал для охраны вооруженный гвардеец, действительно не почиталась большинством россиян XVIII столетия. Они даже прозвали ее «Срамной девкой» или «Белой дьяволицей» и в отсутствие охраны могли наплевать на мрамор или даже повредить ее.

Прошли столетия, и оказалось, что добропорядочные советские граждане, передовики производства и строители нового общества продолжали традиционное негативное российское отношение к обнаженной античной скульптуре. После социалистической революции Венера стала всенародным объектом обзрения в Эрмитаже. Однако возмущение революционных пролетарских масс оказалось настолько высоким, что власти Петрограда вынуждены были установить около древнего экспоната специальный вооруженный пост охраны. В двадцатых годах прошлого столетия ее в отличие от петровских времен охранял не гвардеец Преображенского полка, а революционный матрос с маузером и трехлинейной винтовкой.

Летний дворец Петра I

Знарок городского фольклора Н.А. Синдаловский писал, что периодически для наведения революционного порядка балтийский матрос вскакивал с табурета и грозно восклицал в адрес возмущавшихся пролетариев: «А ну! Кто руки у бабы обломал? Ноги повыдергиваю!»

Практически одновременно с закладкой Летнего сада началось и строительство Летнего дворца Петра I. Историк Петербурга М.И. Пыляев в своей книге «Старый Петербург» приводит текст указа Петра I о постройке своей летней резиденции: «На Летнем дворце в палатах штукатурную работу делать вновь между окнами верхними и нижними, как баудиректор даст: фреджи делать так, как начата лестница, которую в сенях сделать столярную работу, дубом, как шар; круглую лестницу, что на переходе, сделать голландским манером, с перилами из дуба же; в поварне выкласть плитками стены и на верху сделать другую поварню и также плитками выкласть; железо, которое в поставках, медью окрыть; в огороде сделать грот с погребами и ватер-кунтом, о чем пропорцию взять у баудиректора, о котором ему приказали; оранжереи отделать по тексту, каков даст он же, баудиректор». В углу текста указа рукою государя начертана резолюция: «Чтоб сделать нынешним летом».

Летний дворец Петра I возвели на месте усадебного здания шведского майора Конау. В походном журнале царя имеется запись, датированная 18 августа 1710 года: «В Петербурге, на Летнем дворе... почали бить сваи под каменное здание» – Летний дворец Петра I, единственное сооружение, сохранившееся в саду до наших дней из построек начала XVIII столетия. Каменный летний дом для императора проектировал и строил швейцарец Доменико Трезини, приехавший в новую столицу в год ее основания. Это он возвел Петропавловский собор, здание Двенадцати коллегий на Васильевском острове и многие другие первые столичные строения, к сожалению, не сохранные нашими предками.

В отличие от дворцовых построек монархов Западной Европы, возведенных в регулярных парках, дворцовое здание русского царя не занимало подобающее императору центральное место и не являлось композиционным средоточием Летнего сада. По распоряжению Петра I архитектор Трезини возвел дворец в северо-восточной части обширного сада.

При этом здание с трех сторон окружала вода: с севера Нева, с востока Фонтанка, а с юга искусственно вырытый водоем, так называемый «гаванец», или «ковш», в который с реки Фонтанки к парадному входу дворца могли входить и причаливать небольшие речные суда. Своей западной стороной Летний дворец выходил в сад, и из его окон открывалась панорама зеленого «парадиза».

По существу небольшой царский Летний дворец сразу же строился не как представительное парадное здание, а как частное уединенное место отдыха и личных занятий монарха и его семьи. В нем Петр I со своим семейством жил каждое лето, вплоть до своей кончины в 1725 году.

Находясь в отъезде, император постоянно интересовался ходом и результатами строительства своего Летнего дворца. Непосредственная близость строительной площадки от солидных водоемов, естественно, вносила свои сложности в реализацию установленных царем плановых сроков. Александр Меншиков с беспокойством сообщал Петру в письмах «...под Ваши полаты из фундамента воду выливают, для чего нарочно из Москвы свою машину я привести велел, однако по сие время вылить не могут». С большими трудностями давались работы по укреплению берегов и сооружению подпорных стенок с восточной и южной сторон дворца и попытки установки прочных причалов. И все же к следующей весне стройку сумели завершить. В петровском Журнале появилась короткая запись царского секретаря: «Господин Шаутбенахт перешол в Летний дом 17 апреля 1712 года».

Кстати, достаточно эффективные средства борьбы строителей с подземными водами были обнаружены во время ремонтных работ, проводившихся на территории Летнего дворца в 1928 году. Ленинградский архитектор П. Сотов отмечал в своей докладной записке: «Разобрана гранитная набережная, возведенная Фельтеном, после чего обнаружена, по всей вероятности, прежняя набережная дворца из песочного известкового камня. Эта кладка сливается с плоскостью дворцовой стены, причем ниже ее цоколя идут сначала ряды кирпичной кладки, высотой около метра, а затем ряды известняка...»

Своей довольно несложной архитектурой и отделкой новостройка напоминала большинство ранних столичных особняков именитых лиц города, построенных тогда на строгий голландский манер, с высокой четырехскатной крышей и рустовкой углов фасада. Однако при всей кажущейся скромности в ней присутствовала особая изысканность, праздничность и легкость. Летний дворец, окрашенный в светло-желтый цвет, с многочисленными застекленными окнами, с узким фризом из дубовых веток и сказочными мифологическими рельефами, выглядел всегда изящно и празднично. Медные водостоки на углах его крыши в виде крылатых дракончиков не только оживляли фасад дворца, но и, безусловно, украшали его.

На кровле царской летней резиденции в 1714 году установили первый столичный флюгер особой конструкции, показывавший не только направление ветра, но и его силу, измеряемую по отклонению от вертикали под давлением ветрового потока металлической пластинки. Флюгер механически связывался с особым прибором внутри здания, регистрирующим показания направления и силы ветра. Прибор был заказан Петром I в Дрездене у придворного механика прусского курфюрста. Флюгер украшало золоченое изображение Георгия Победоносца, поражающего копьём змея. Он всегда поворачивался так, что всадник постоянно оказывался «скачущим по ветру».

Один из фасадных барельефов Летнего дворца, посвященных событиям Северной войны

Верной поклонницей «парадиза» Петра Великого и его Летнего дворца во все времена оставалась Анна Ахматова. В самые тяжелые годы своей жизни она с тоской вспоминала волшебную музыку старого сада и золотой образ Георгия Победоносца на кровле Летнего дворца. Однажды, работая над очередными стихами, вошедшими в ее «Поэму без героя», Ахматова напишет:

*...В Летнем тонко пела флюгарка
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком плыл.*

Вместе с золотым флюгером размещенные на стенах Летнего дворца рельефы с образами древних античных мифов придавали зданию особые торжественность и строгость.

Самый большой и пышный рельеф над входом во дворец изображал восседающую среди мортир, пушек, неприятельских поверженных знамен и иных трофеев богиню войны и мудрости, покровительницу наук и законов – Минерву. Два Амура до сих пор поддерживают над ней царскую корону, олицетворяющую военную мощь и победы России.

Плафон «Триумф Минервы» в кабинете Летнего дворца Петра I

В первом этаже здания, над его окнами, были также укреплены многочисленные барельефы, прославляющие Россию и ее подвиги на суше и в море. Во дворце на каждом этаже зодчий Трезини разместил по семь небольших комнат и две поварни. На обоих этажах все покои расположены одинаково – анфиладой. Обращает на себя внимание отделка помещений редкими породами дерева и уникальными изразцами. Большую историческую и художественную ценность представляют живописные полотна дворца, редкие элементы прикладного искусства и мебель.

Зеленый кабинет императора в Летнем дворце

Покои Петра I находились в нижнем этаже, а на втором располагались Екатерина I и дети. Первая комната на первом этаже от передней направо считалась приемной императора. Рядом с приемной находилась большая комната – «Ассамблея», в которой проходили знаменитые вечерние ассамблеи.

Тронный зал Летнего дворца

Анфилада помещений второго этажа Летнего дворца

Во втором этаже располагались приемная императрицы, тронный зал и кухня с русской печью, в которой Екатерина Алексеевна сама регулярно пекла своему супругу его любимые пироги.

Во дворце появилась и первая система канализации. Помои из кухни и сливные воды из туалетов удалялись по трубам в Фонтанку. Вода в здание подавалась по трубам насосами.

Подсобных помещений, кроме поварен, во дворце не было, поскольку вдоль Фонтанки одновременно с Летним дворцом тогда же построили двухэтажные каменные палаты, соединенные с летним домом царя крытой каменной галерей. В соответствии с их планом они практически являлись копией дворца: строгое геометрическое анфиладное расположение комнат, полная аналогия планировки второго этажа царского дворца. Новое здание оказалось по площади в три раза больше, чем дворец, и имело название «Людские покои». В нем жили люди, обслуживающие царский двор. Однако архивные находки 60–70-х годов прошлого столетия (О.Н. Кузнецова и др.) позволили уточнить истинное служебное назначение этого здания. Как явствовало из описи, в нем, оказывается, располагалась канцелярия кабинет-секретаря А. Макарова, здесь обитал князь Федор Прозоровский, ведавший имуществом Екатерины I, размещались караульные солдаты, стрелки, матросы, столяр, портные, голландский часовщик и т. п. В некоторых комнатах хранились привезенные из-за границы ящики «с голландскими картинами» и изразцами, с китайской посудой, «с кроватями и к ним уборы», судовыми припасами, «с платьями государыни». О.Н. Кузнецова отмечает, что «наряду с этим из описи видно, что по характеру использования некоторые комнаты были фактически дворцовыми, как и одноэтажная галерея, соединявшая „покои“». Например, упоминается большой зал, где находился Янтарный кабинет – подарок Фридриха, короля прусского,

Петру I. Большая уникальная коллекция янтаря была одной из диковинок, и, видимо, ее часто показывали гостям. Одну из комнат занимали «раритеты». В описи не говорится, какие именно редкости, однако надо полагать, что речь шла об анатомической коллекции Рюйша, крупнейшего голландского анатома, собравшего в течение всей своей жизни свыше 800 препаратов. Эту коллекцию Петр приобрел во время заграничной поездки в 1717 году...

Но главное, что стало известно из описи, – это место нахождения библиотеки Петра I. До сих пор знали, что она размещалась на «летнем дворе», но где именно, оставалось загадкой, так как ни одно из помещений дворца не могло вместить столь обширное собрание книг. Благодаря описи, о которой говорилось выше, и сохранившейся в архиве «подрядной» столяра Семенова, удалось установить, что для библиотеки царя, оказывается, было отведено три комнаты верхнего этажа.

По приказу Петра для библиотеки в мастерской столяра Семенова изготовили специальные шкафы разных размеров и форм. Здесь были шкафы с застекленными и глухими дверцами, угловые и стенные, для больших и маленьких книг. Посреди самой вместительной комнаты стоял длинный, в полторы сажени, стол с ящиками для хранения старинных планов и чертежей.

Библиотека Петра насчитывала более 2000 уникальных томов. Из людских покоев книги впоследствии перевезли в палаты Кикина – так создавалась первая в России общественная библиотека, от которой ведет свое начало нынешняя Библиотека Академии наук.

Интересно, что Галерея, соединившая «Людские покои» с дворцом, также состояла из отдельных обустроенных жилых комнат, следующих друг за другом. Оказывается, летом в них проживали дочери Петра и Екатерины – Анна и Елизавета и даже дети царевича Алексея – Петр и Наталья. Позже в помещениях Галереи жил Петр II и располагался архив придворной канцелярии.

В 1721–1726 годах на территории Первого Летнего сада, на углу берега Невы и Лебяжьей канавки, напротив Летнего дворца Петра I, построили Летний дворец Екатерины I, называемый «Новые палаты». Его начал проектировать зодчий Доменико Трезини, а завершил проект и осуществил строительство здания М.Г. Земцов. Полагают, что основной план постройки составлял сам Петр I.

Правда, вторая супруга русского императора – Екатерина I – прожила в новом палаццо всего один год, ибо в 1727 году скончалась. Однако новый дворец все же стал интересным историческим объектом Летнего сада в связи с тем, что к нему пристроили «Зал славных торжеств». В 1725 году императорский дом готовился к торжественной церемонии бракосочетания старшей дочери русского царя Анны Петровны с герцогом Голштинским. В связи с предстоящими празднествами Петр I незадолго до своей кончины приказал талантливому русскому зодчему М.Г. Земцову «с поспешностью построить „Залу славных торжествований“» – здание дворцового типа, предназначенное для особо важных государственных случаев. Придворный архитектор возвел его за четыре месяца на подсыпанном берегу Невы, рядом с дворцом императрицы. Свадебная церемония, к сожалению, совпала с драматическим событием в истории России – смертью основателя новой столицы императора Петра Первого. Свадьба Анны Петровны все же состоялась в мае 1725 года, хотя и была омрачена трауром по российскому государю. Единственным торжественным действием в этот день стали залпы из пушек с яхты «Анна», вставшей на якорь напротив «Зала славных торжеств».

М.Г. Земцов построил прекрасный деревянный особняк на каменном фундаменте. Его фасады расчленили колонны коринфского ордера с гирляндами, имели строгие пропорции и выглядели весьма празднично. Сама «зала» полностью отвечала своему назначению, была богато декорирована затейливой изящной резьбой, прекрасной художественной росписью работы французского художника Луи Каравака и ценными петровскими шпалерами.

Кроме роскошной «залы» зодчий предусмотрел в здании четыре уютные комнаты, прекрасно украшенные и обставленные замечательной дворцовой мебелью. Из одной из них можно было подняться по изящной резной дубовой лестнице в так называемый «Фонарь», венчающий высокую крышу, и обозреть прекрасную панораму Невы и Летнего сада.

Парадный вход зодчий украсил не только мраморными скульптурами, но и высоким двухмаршевым крыльцом с пышно отделанной балюстрадой и элегантными цветочными вазами.

Одним из увлечений царя Петра являлось коллекционирование картин крупных мастеров живописи XVII – начала XVIII столетия. Среди приобретенных русским царем полотен находились произведения европейских художников Рубенса, Рембрандта, Ван Дейка, Сальма и иных талантливых живописцев Западной Европы. За год до смерти Петр I задумал сформировать в России коллекцию полотен знаменитых русских художников, прославляющих крупнейшие успехи отечественного оружия, и даже успел официально заказать им несколько тематических произведений. Отрадно отметить, что все заказанные императором картины русские художники не только блестяще выполнили, но и установили в торжественной «зале» построенного зодчим М.Г. Земцовым дворца.

Среди них оказались полотна «Куликовская битва» А.А. Матвеева, «Полтавская битва» И.И. Никитина и «Гангутское сражение» И. Адольского.

Камер-юнкер Берхгольц не преминул оставить в своем знаменитом дневнике запись о довольно оригинальном посещении этого первого художественного музея в России и собственном впечатлении от этой картинной выставки: «Гуляя по саду, мы посмотрели сквозь окна на картины, находящиеся в галерее, где, оказывается, есть превосходные и драгоценные произведения знаменитейших мастеров».

Однако следует отметить, что Анна Петровна и ее супруг-голландец сравнительно недолго жили во дворце, ибо вскоре уехали к себе в Голштинию. В начале же правления императрицы Анна Иоанновны, в 1730 году, «Залу славных торжествований» разобрали и перенесли к набережным реки Мойки.

На заднем плане – декоративная порфировая ваза и Михайловский замок

После столь поспешного демонтажа и сборки творения зодчего Земцова облик этого замечательного архитектурного ансамбля Летнего сада потерял свой первоначальный величественный вид, а его прежние богато оформленные интерьеры поблекли, утратив царственное великолепие. В заключение этой весьма драматической истории одного из архитектурных шедевров талантливого российского зодчего М.Г. Земцова уместно упомянуть, что на месте снесенной «Залы славных торжествований» Анна Иоанновна распорядилась построить для себя одноэтажный деревянный дворец в 28 комнат и одного большого парадного зала. Императрица наказала зодчему Ф.Б. Растрелли не только срочно спроектировать главный фасад дворцового здания и обратить его к Неве, но и обязательно предусмотреть, чтобы площадка и ступеньки его крыльца выполняли функцию причала для парадных императорских яхт и иных речных судов. Здание возвели в невиданно короткие сроки, всего за два месяца.

В 1747 году по повелению новой императрицы Елизаветы Петровны дворец племянницы Петра I и курляндской герцогини разобрали и срочно перевезли в Екатерингоф.

Пройдя период своего наивысшего расцвета, Летний сад постепенно терял свою пышность и изменял первоначальный облик. Летняя царская резиденция Петра I существовала в саду примерно до середины XVIII столетия. Позже здание приспособили под правительственные дачи императорских сановников, пребывание коих там и последующие ремонтные работы дворца заканчивались, как правило, «отдельными исключениями» его первоначального облика.

Русский историк М.И. Пыляев в своем «Старом Петербурге» отмечает, что Летний дворец в царствование императора Александра I в летнее время служил в качестве жилища в 1815 году военному министру князю Горчакову, в следующем году в нем жил бывший министр юстиции князь Лобанов-Ростовский, в 1822 году – военный генерал, губернатор, граф Милорадович, а после него – министр финансов граф Канкрин.

В саду теперь властвовал «пейзажный стиль», значительно менявший общий вид детища Петра Великого. Деревья не подстригались, исчезали по указу новых правителей живые изгороди, некоторые породы деревьев и кустарников. Закрывались оранжереи, исчезали фонтаны. Кроны оставшихся деревьев буйно разрастались, парадные аллеи затенялись.

Огромный непоправимый ущерб Летнему саду нанесло наводнение в сентябре 1777 года. Тогда высочайший подъем воды в Неве сопровождался порывами ветра ураганной силы, разрушающего на своем пути все и вся. Любимый петровский «Огород» – Летний сад, был в одночасье уничтожен. Буря и вода полностью уничтожили уникальную систему петровских фонтанов. Значительно пострадали мраморные статуи сада. Ураган ломал деревья, сносил беседки и многие сооружения «парадиза» Петра Великого.

При ликвидации последствий этой катастрофы проводились работы по посадке молодых деревьев и кустов, расчищались аллеи сада, но при этом все разрушенные в нем архитектурные сооружения, объекты и фонтаны не восстанавливались больше никогда. Многие водоемы Летнего сада и «Поперешный» канал от Фонтанки до Лебяжьей канавки засыпали. Летний сад тогда практически утратил большинство элементов регулярного сада петровской эпохи и превращался в модный в то время пейзажный парк.

В связи с работами по возведению гранитных набережных Невы, начатыми в 1763 году, все прибрежные к реке постройки, «Галереи», дворцовые здания и так называемые «Людские покои» Летнего сада по императорскому указу тогда тоже снесли. На подсыпанном берегу Невы до наших дней сохранился лишь Летний дворец Петра I.

Решетка Летнего сада со стороны Невы

Грунт под существующей ныне набережной у Летнего сада подсыпной. Ширина насыпного берега составляет 50 м.

Изящная красивая решетка парка, отделившая Летний сад от проезжей части набережной Невы, возведена по проекту русского архитектора, представителя раннего классицизма XVIII века Ю.М. Фельтена и столичного зодчего П.Е. Егорова в 1784 году. Ее сооружение продолжалось четырнадцать лет и явилось значительным событием в жизни Северной столицы, ибо она оказалась в числе лучших мировых образцов архитектурного искусства.

В ее сооружении участвовали известные отечественные мастера-каменотесы, кузнецы, модельщики, позолотчики и литейщики. Ограда Летнего сада со стороны Невы составлена из тридцати шести фундаментальных гранитных колонн, увенчанных декоративными вазами и урнами, поставленных на массивный цоколь из серого финского гранита. Между колоннами закреплены ажурные железные кованые звенья решеток, сработанных тульскими кузнецами с присущими им вкусом и мастерством в 1773–1777 годах на заводе купца Денисова.

Фрагмент решетки Летнего сада

Гранитные столбы-колонны вытесаны мастерами-камнетесами из села Путилова, что находилось в предместьях Санкт-Петербурга. Близ этого населенного пригорода располагались знаменитые каменоломни, и основной промысел местных жителей издавна был связан с художественной обработкой гранита.

Следует отметить, что гранитные вазы и урны на столбах ворот и оград в первом варианте авторского проекта не предусматривались, их изготовили позже и установили на столбах только в 1784 году.

Вначале авторство этой изумительной решетки приписывалось лишь одному архитектору Фельтену, подписавшему смету на ее постройку. Однако позже было документально подтверждено активное непосредственное участие в проектировании и установке исторической ограды Летнего сада и петербургского зодчего П.Е. Егорова. Ограда – один из шедевров отечественного классицизма тех далеких времен, она с ее орнаментальными украшениями из золоченой бронзы всегда поражала своей удивительной красотой и считалась неким чудом не только в глазах наших соотечественников, но и зарубежных гостей, пытавшихся неоднократно даже купить ее за баснословные деньги. Классическая благородная простота этого сооружения изумительно выглядит в сочетании зеленого старинного Летнего сада и широкой глади Невы. Во все времена она буквально зачаровывала своих почитателей. В 1824 году русский ученый-минеролог Д.И. Соколов справедливо писал о решетке-шедвре: «Набережная Петербурга и решетка Летнего сада могут быть причислены к чудесам мира», а поэт К.Н. Батюшков отмечал: «Взгляните на решетку Летнего сада, которая отражается зеленью высоких лип, вязов и дубов! Какая легкость и какая стройность в ее рисунке. Я видел славную решетку Тюльерийского замка, отягченную, раздавленную, так сказать, украшениями – пиками, касками, трофеями. Она безобразна в сравнении с этой».

Чайный домик

В 70-х годах XVIII столетия и в первой половине XIX века в Петербурге успешно работала целая династия зодчих из французского Руана. Во главе с отцом – Жаном-Батистом Бодэ, прозванным в России Шарлеманем, в столице трудились его четверо сыновей – Жозеф (Иосиф), Жан-Мишель (Иван), Луи-Анри (Людовик) и Шарль (Карл). Братья в разные годы окончили Петербургскую Академию художеств. И каждый из них занял достойное место в истории российского зодчества. Вторым после старшего брата Иосифа Академию художеств закончил в 1806 году с золотой медалью II степени Людовик Шарлемань, представивший выпускной комиссии проект естественного музея. Архитектор Людовик Шарлемань после учебы стал работать архитектурным помощником зодчего Л. Руска, заведовал у него чертежной мастерской и помогал при постройке объектов своего патрона, представившего своего помощника к званию архитектора. После отъезда Л. Руска из России, Л. Шарлемань с архитектором А.А. Михайловым занимался перестройкой «Петербургского училища женских сирот 1812 года» на 10-й линии Васильевского острова, за что был награжден бриллиантовым перстнем. С каждым годом известность и число петербургских объектов этого талантливого мастера увеличивались. Он регулярно получал ответственные государственные и частные заказы, блестящее выполнение каждого становилось событием.

В ограде Летнего сада до 1930 г. стояла часовня в память спасения Александра II при покушении на него Каракозова. На углу Лебяжьей канавки возвышается дворец принца Ольденбургского (бывший особняк графа Бецкого). Фото конца XIX в.

В Летнем саду сохранились три работы Л. Шарлеманя, носящие камерный характер: завершающие веерообразные дополнения к решетке Летнего сада со стороны Невы, уникальная решетка с южной стороны сада и деревянный павильон с дорическими колонными – «Чайный домик», соответствующий старой атмосфере садового комплекса.

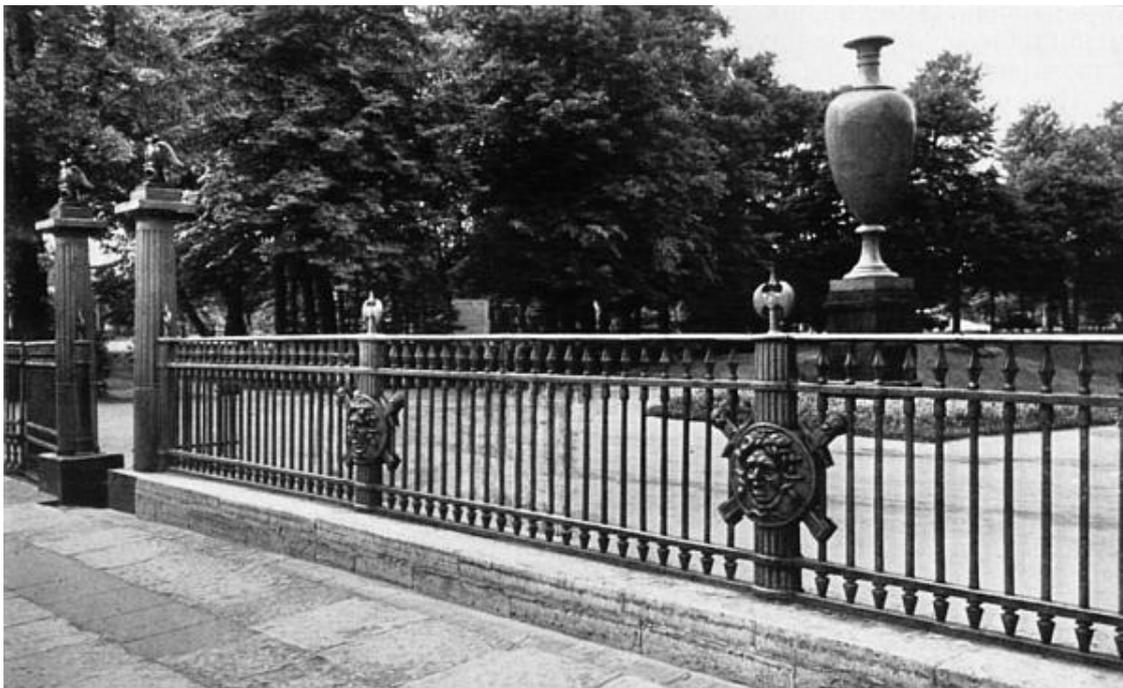
В 1830 году Л.И. Шарлемань выполнил макет для изготовления двух завершающих звеньев по сторонам ограды на набережной Невы.

Замечательные веерообразные решетки этого зодчего сочетаются с уникальными звеньями ограды его известных предшественников. Полуоткрытые металлические ажурные «веера» Шарлеманя не только не внесли даже малую толику фальши в ансамбль ограды-шедевра, но и во многом смягчили резкий переход от строгих вертикалей каменных колонн и многочисленных пик к естественно закругленным линиям находящихся неподалеку гранитных мостиков.

Первоначально ограда имела трое ворот. Затем в 1867 году центральные ворота сняли и на их месте возвели мраморную часовню в память о «чудесном спасении государя Александра II». В советские времена, в 1930-е годы, часовню снесли, чтобы вновь установить третьи центральные ворота, но, к сожалению, их поиски тогда не увенчались успехом. Поэтому пришлось закрыть образовавшийся проем вновь изготовленным звеном исторической ограды, а двое ворот, сохранившихся для симметрии, тогда аккуратно сместили к центру.

Ограда же со стороны реки Мойки сооружена позже, в 1826 году. Ее автор тот же Л.И. Шарлемань. Она значительно скромнее решетки Летнего сада со стороны реки Невы, но смотрится довольно солидно и даже воинственно, ибо автор ее проекта украсил ограду предметами военного триумфа – рядами копий, скрещенных мечей, щитов, топоров, голов поверженной горгоны Медузы. Кстати, подобная же военная тематика в изобилии украшает и решетки ближайших мостовых сооружений, переброшенных через реку Мойку, превращая эту часть столичного города в единый архитектурный ансамбль.

Чугунная ограда сада на правом берегу Мойки была отлита на петербургском Александровском заводе в 1827 году.

Ограда Летнего сада со стороны Мойки

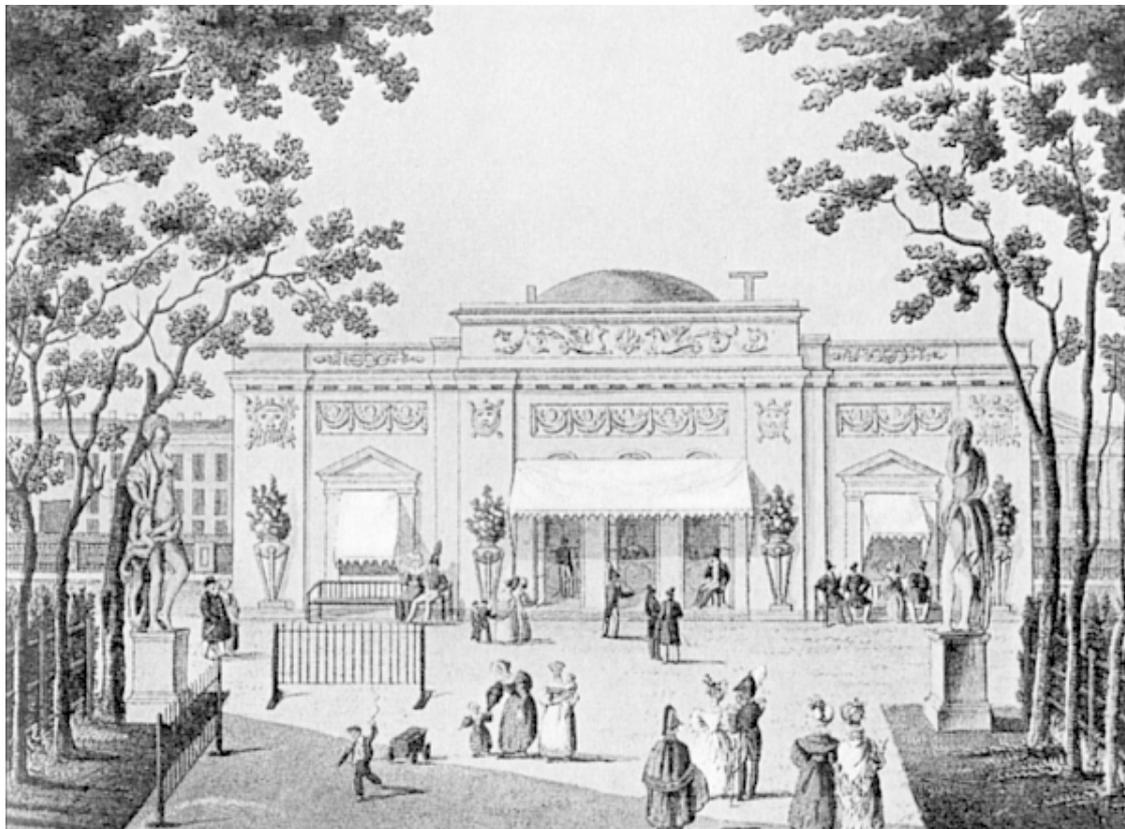
У молодежи в дореволюционные времена существовала традиция назначать встречи друг с другом и randevу с барышнями не у парадной решетки Летнего сада, а у менее величественной ее южной ограды, на Мойке. При этом место встречи обозначалось коротко: «Встретимся у Шарлеманя».

Напротив центральных ворот южной ограды с колоннами, чьи навершия украшены изображениями чугунных орлов, на берегу Карпиева пруда, в 1839 году установили прекрасную декоративную вазу из темно-красного полированного порфира – подарок царю Николаю I от шведского короля Карла XI. Вазу создали мастера шведского города Эльфдалена из местного порфира. Ее искусно собрали из пяти отдельных, выточенных на станке деталей – верхней шейки, средней части, нижней шейки, валика и плинта. Высота вазы вместе с прямоугольным пьедесталом составляет 4 м 85 см. Подарок шведского короля установили в Летнем саду 10 сентября 1839 года. Каменный презент из Швеции входит в комплект замечательных декоративных скульптурных украшений петровского «парадиза».

Всю Ленинградскую блокаду ваза из шведского порфира оставалась не укрытой и незащищенной. В те дни немецкая авиация регулярно «утюжила» Летний сад мощными фугасными бомбами, его территория с немецкой пунктуальностью, буквально строго по часам, обстреливалась дальнобойными снарядами, от которых страдали деревья и сооружения этого далеко не военного городского объекта. Порфировая же ваза, словно заговоренная, каждый раз оставалась неповрежденной. (Недавно ее повредили морозы – замерзшая вода, вазу сняли для восстановления.)

Новый XIX век внес еще более значительные изменения в первоначальный облик Летнего сада. В нем появлялись новые сооружения и монументы. Вместо разрушенного наводнением 1777 года знаменитого «Грота» архитектор К. Росси в 1826 году на старом фундаменте построил знаменитый павильон «Кофейного домика», переименованный во второй половине XX столетия в садовый Павильон Росси. Окрашенное в желтый цвет с белыми

затейливыми барельефами, изготовленными по эскизам скульптора В.И. Демут-Малиновского, здание Кофейного домика до событий 1917–1918 годов было известной столичной кондитерской, где люди, гуляющие по саду, могли с удовольствием выпить чашечку горячего шоколада, какао или ароматного кофе и полакомиться фирменными пирожными ее владельца – веселого итальянца Джузеппе Пьяццо.

Кофейный домик в Летнем саду. Гравюра второй четверти XIX в.

Фасады Кофейного домика К.И. Росси оформил довольно строго и просто, значительную же роль в их украшении играет в основном декоративная скульптура ваятеля В.И. Демут-Малиновского – маски на пилонах, гирлянды и венки на аттике здания и богатый лепной фриз. Стены зала здания завершены фризом, украшенным растительным орнаментом и гладким карнизом без лепной декорации.

В 1925 году при производстве ремонтных работ в Летнем саду под Кофейным домиком рабочие обнаружили подземные туннели, предназначение которых так и осталось нераскрытым.

В 1827 году в Летнем саду по проекту архитектора Л.И. Шарлеманя построен небольшой Чайный домик – единственная деревянная постройка начала XIX столетия, дошедшая до нашего времени.

Два его прямоугольные в плане помещения, связанные балюстрадой и дорическими колоннами, резными украшениями из дерева, предназначались для кладовых, а открытая средняя часть одно время служила посетителям Летнего сада надежным убежищем от дождя.

В оформлении его фасадов использовались мотивы аналогичные для монументальных каменных сооружений русского классицизма.

В 1855 году в одной из куртин, неподалеку от центральной аллеи, торжественно открыли бронзовый памятник баснописцу И.А. Крылову. Идея установки этого монумента

относится к 1844 году, тогда начались первые добровольные пожертвования для его сооружения на Васильевском острове, среди зданий столичного университета. Николай I категорически отказал отвести подобный участок для установки монумента, считая его «слишком почетными для баснописца». После многочасовых дебатов члены «устроительного комитета» наконец единодушно решили, что более лучшего места, чем петровский Летний сад, где некогда существовал знаменитый «Лабиринт» баснописца Эзопа, для памятника И.А. Крылову вряд ли можно найти. Николай I милостиво согласился с подобным решением.

В объявленном конкурсе на изготовление макета монумента баснописцу в 1848 году участвовали известные скульпторы – А.И. Тербенев, Н.С. Пименов, И.П. Витали, П.К. Клодт и П.А. Ставассер. Конкурсное жюри единодушно отдало свое предпочтение скульптору Петру Карловичу Клодту, представившему на конкурс лучший макет памятника. Модель монумента и его отливку выполнили в 1851–1853 годах, а в 1854 году приступили к работам по установке его на выбранном месте Летнего сада. 12 мая 1855 года скульптуру наконец установили на пьедестале из темно-серого сердобольского гранита, украшенном прекрасными горельефами и композициями, подготовленными автором памятника по эскизам художника А.А. Агина на сюжеты наиболее знаменитых басен Ивана Андреевича Крылова.

В отдельные периоды «Огород» Петра Великого сотрясали природные катаклизмы, после которых приходилось все начинать сначала. Мы уже упоминали о страшном наводнении в сентябре 1777 года. Тогда сад, его строения и классическое оформление вода и ураган снесли до основания.

Через 47 лет, в 1824 году, новая катастрофа опустошила «парадиз». В наше время на фасаде Летнего дворца Петра I можно увидеть старинную бронзовую доску, демонстрирующую уровень подъема воды на территории Летнего сада во время самого страшного наводнения, о котором Пушкин писал в поэме «Медный всадник»:

Памятник И.А. Крылову в Летнем саду

*...Часовой
Стоял у сада! Караула
Снять не успели. Той порой
Верхи деревьев буря гнула
И рыла корни их волной.*

Летний дворец затопило до середины окон первого этажа. Вновь в саду кучи вырванных и переломанных деревьев, опрокинутые и покаленные мраморные статуи во всех аллеях. Территория некогда прекрасного сада завалена мусором, бревнами и даже крестами с городских погостов.

Потребовалось три года, чтобы 12 апреля 1827 года столичные обыватели смогли прочитать в газете «Северная пчела» радостное известие: «Летний сад обновлен самым приятным и удобным образом. Грунт поднят для уничтожения сырости и изглаживания рытвин, произведенных наводнением. Дороги во всех аллеях наново вымощены, пруд очищен и в большом каменном гроте устроен Кофейный дом, убранный великолепно».

В Летнем дворце Петр I лично принимал посетителей и знакомился с их письменными просьбами. Свидетели тех времен отмечали, что на прием к Петру Алексеевичу мог приходиться всякий. В здании Летнего дворца также проходили государственные совещания министров под руководством императора. Об одном из них осталось свидетельство про своевременно предотвращенное покушение на жизнь Петра I. Царь имел обыкновение провожать участников совещания до приемной комнаты. Каким-то образом во время одного из заседаний государя в посетительской оказался человек, принятый дворцовой прислугой за подьячего некоей отраслевой столичной коллегии. Вероятно, поэтому ему разрешили дожидаться в приемном помещении конца совещания и выхода императора. Возвращаясь в зал заседаний, Петр заметил следующего за ним посетителя с пакетом, обернутым холстиной. В этой ситуации бдительность проявил один из адъютантов царя, он решительно преградил дорогу подозрительному гостю и схватил его за руку, в которой он держал подозрительный сверток. Из холстины выпал нож длиной в четверть аршина, припасенный для убийства Петра I. Допрошенный посетитель сразу же признался в попытке совершить это злодеяние по воле старообрядческой общины, преследуемой тогда русским царем.

Террориста-раскольника казнили, а старообрядцев Петр I обязал после этого случая постоянно носить на спинах пришитый лоскут желтого или красного сукна.

Через 150 лет на территории Летнего сада произошло первое из семи покушений на Александра II. Ни один русский император XIX столетия не сделал столько добрых дел для российского народа и ни за одним не охотились столь настойчиво и продолжительно, как за царем-освободителем. Его последним проектом стала «Реформа об отмене крепостного права», на нем рукой государя было начертано: «Быть по сему». Одновременно с ним по его воле тогда же подготовили и другие важные либеральные реформы: земскую, судебную, военную и цензурную.

В трагический для него день 1 марта 1881 года царь подписал документ о созыве всероссийского земства, которое по существу должно было ограничить власть самодержавия и ввести в действие долгожданную Конституцию. Последнее, седьмое, покушение на жизнь Александра II завершило его плодотворную деятельность. На набережной Екатерининского канала, неподалеку от реки Мойки, царь был убит бомбой террористической бригады «Народной воли» в составе Софьи Перовской, Николая Рысакова и Игнатия Гриневитского. Седьмое покушение стало заключительным актом борьбы радикально-настроенных революционеров-террористов с главой государства.

Их «кредо» так излагалось в стихотворении одного из членов организации «Народной воли»:

*Не прощать никого!
Не щадить ничего!
Смерть за смерть! Кровь за кровь!
Месть за казни!
И чего ж ждать теперь?
Если царь – дикий зверь,
Затравим мы его без боязни.*

Утром 4 апреля 1866 года, царь прогуливался в Летнем саду в компании с герцогом Лейхтенбергским и принцессой Марией Баденской. При выходе из сада в царя почти в упор выстрелил из пистолета молодой человек. Пуля пролетела мимо головы Александра II. Якобы стоявший тут же крестьянин Костромской губернии Осип Комиссаров успел решительным ударом по руке убийцы отвести в сторону двуствольный пистолет террориста. Покушавшийся на царя бросился бежать, но был задержан полицейскими в районе Пра-

чечного моста, соединявшего Дворцовую набережную с Гагаринской (ныне – Кутузовской). Преступника обезоружили. Подоспевшая толпа народа принялась избивать стрелка, кричавшего при этом: «Дурачье! Ведь для вас же, а вы не понимаете!»

Подоспевший император решил, что на него покушался поляк, борющийся за освобождение своей Родины, но в ответ услышал от покушавшегося, что он русский, а стрелял в царя, обманувшего свой народ, не выполнившего своего обещания крестьянам о раздаче земельных наделов.

Следственная комиссия под председательством графа Михаила Николаевича Муравьева (кличка Вешатель), быстро установила, что на государя покушался студент Московского университета 25-летний дворянин Пензенской губернии, член террористической организации «Ад» Дмитрий Владимирович Каракозов. Оказывается, он тщательно изучил традиционные маршруты Александра II и остановил свой выбор на наиболее удобном месте для убийства монарха – Летнем саду. Стрелял он практически в упор, но промахнулся.

В дневниковой записи Александр II тогда отметил: «Гулял с Марусей и Колей пешком в Летнем саду. Выстрелили из пистолета, мимо... Убийцу схватили... Общее участие. Я домой – в Казанский собор. Ура! – вся гвардия в Белом зале – имя Осип Комиссаров».

Вечером 4 апреля все улицы Петербурга заполнили толпы ликующего народа, выкрикивающего угрозы и проклятия в адрес Д.В. Каракозова и благодарные слова спасителю царя – крестьянину Осипу Комиссарову. Раздавалось громкое пение «Боже, царя храни». Император всех благодарил, усердно молился, неоднократно напоминая, что его «Бог спас».

3 сентября 1866 года по приговору суда Д.В. Каракозова повесили на Смоленском поле Васильевского острова.

24 октября суд вынес смертный приговор руководителю московской террористической организации «Ад» Н.И. Ишутину. Остальных членов этой организации отправили в ссылку. В последний момент Н.И. Ишутину, стоявшему на эшафоте с петлей на шее, зачитали царское помилование, казнь заменили пожизненной каторгой в Сибири, где он и умер.

Крестьянина Осипа Комиссарова император произвел в дворянство, дворянское собрание Костромской губернии в складчину купило ему имение. Его все приглашали в гости, обильно угощали и поили вдоволь горячительными напитками, приведшими спасителя царя сначала к белой горячке, а затем к самоубийству.

Костромские дворяне на похоронах спасителя царя якобы говорили между собой, что «это Каракозов тем же путем, которым он „прошел“ сам, вытащил Комиссарова на тот свет».

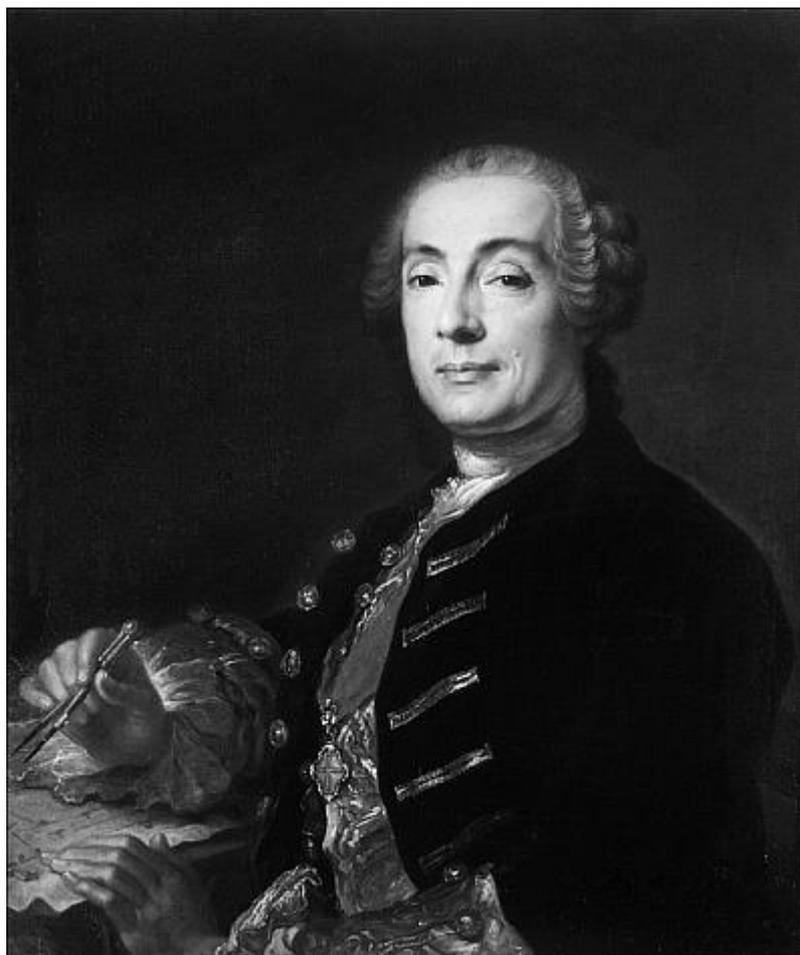
На месте покушения на Александра II вскоре сняли замечательные центральные ворота Летнего сада и в их проеме возвели сначала деревянную, а через год мраморную часовню, установив на ее стене мраморную же доску с текстом: «Не прикасайся к помазаннику моему».

Он умер там, где родился

Третий Летний сад, ставший личной резиденцией жены Петра I Екатерины, располагался в первой четверти XVIII века на территории, называемой в период пребывания на ней шведов «Перузиной». Участок ограничивался пределами границ от левого берега реки Мойки (в те времена Мьи) до «Перспективной дороги» (Невского проспекта) и от Безымянного Ерика (Фонтанки) до Кривуши (канал Грибоедова). В годы правления императрицы Екатерины I здесь размещались царские продуктовые склады, винные погреба, фруктовый сад и разного типа огороды. Одновременно с Летним дворцом Петра I, построенным в Первом Летнем саду, в Третьем возвели «Золотые хоромы царицы». 11 июля 1721 года камерюнкер Берхгольц из свиты герцога Голштинского писал в дневнике о Третьем Летнем саде: «Сад разведен недавно, и поэтому в нем ничего еще нет, кроме уже довольно больших фруктовых деревьев. Здесь же вырыты пять рядом расположенных прудов для содержания живой рыбы, привозимой к царскому столу. По распоряжению царицы в оранжереях и парниках садовник Эклибэн успешно выращивал бананы и ананасы».

В период правления Анны Иоанновны Третий Летний сад по ее распоряжению превратили в «ягд-гартен» («охотничий сад») – в территорию для «гоньбы и стреляния оленей, кабанов, зайцев». Родственница царя Петра оказалась страстной охотницей и иногда даже стреляла из окон дворцового особняка по совершенно ручным косулям, подходившим к зданию за своим любимым лакомством – куском булки или хлеба.

От «ягд-гартена» к Мойке проходил зеленый замысловатый коридор-лабиринт. В 1745 году на берегу реки возвели императорскую баню, или, как она официально числилась в дворцовых описях, «мыльню». Кстати, в списке работ по саду Анны Иоанновны, составленном зодчим Ф.Б. Растрелли, имеется об этом запись: «На берегу Мойки в новом саду я построил большое здание бань с круглым салоном и фонтаном в несколько струй, с парадными комнатами для отдыха». В центре сада обустроили качели, карусели и горки, приспособленные для зимнего и летнего катания.

Ф.Б. Растрелли

Незадолго до своей кончины Анна Иоанновна приказала архитектору Ф.Б. Растрелли приступить к возведению у истока реки Мойки из Фонтанки нового Летнего императорского дворца. В своем указе племянница Петра I распорядилась: «Строить дворец на левом берегу Мьи с крайней поспешностью». Однако здание нового дворцового комплекса все же заложили лишь 24 июня 1741 года.

По проекту архитектора Растрелли на указанном императрицей Анной Иоанновной месте, в 1745 году завершили возведение прекрасного деревянного Летнего дворца для Елизаветы Петровны. Для своего времени это было поистине грандиозное строение. Из Летнего сада Петра I открывался замечательный вид на прекрасный новый дворец, возникший к югу от «парадиза» Петра Великого, на левом берегу реки Мойки.

Дворец окрасили в светло-розовые цвета, на фоне которых контрастно выделялись белые резные наличники и вертикальные стенные выступы встроенных пилястр. Подобный цвет фасадов зданий преобладал в столичном городе первой половины XVIII столетия.

Цокольный этаж дворцового комплекса, облицованный гранитом зеленоватого оттенка, прекрасно контрастировал с розовым цветом фасада здания.

Главный фасад дворца Растрелли обратил к Мойке, выделив особо его центральную часть роскошно отделанным двухсветным Большим парадным залом. В него вели широкие марши красивой лестницы.

Императрица Елизавета Петровна

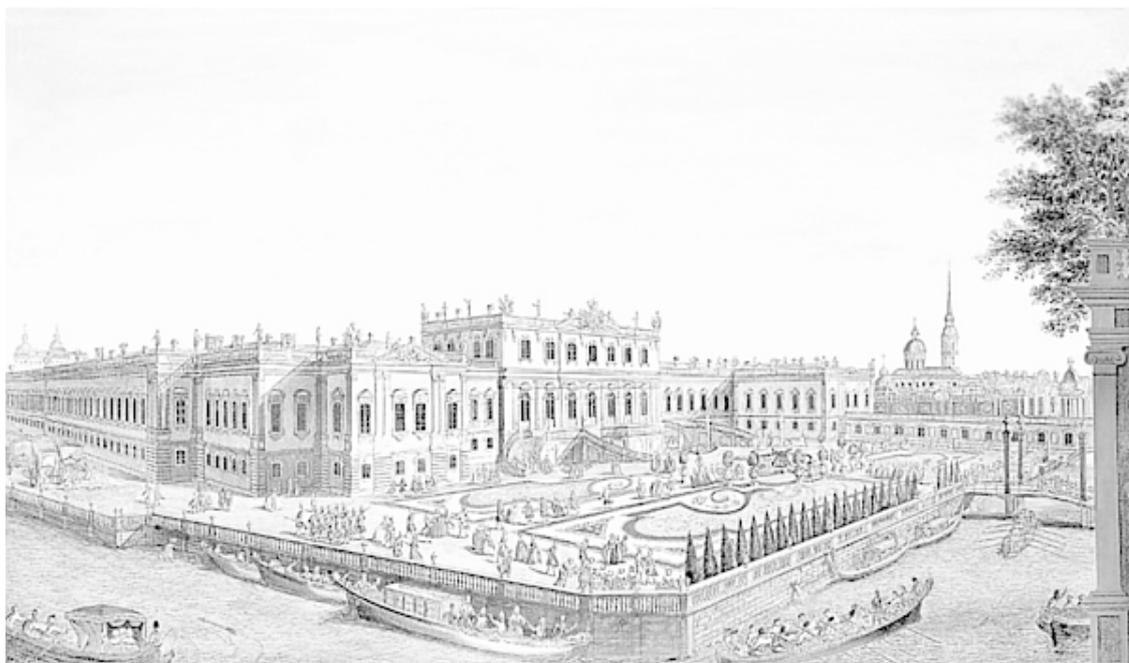
По распоряжению императрицы Елизаветы Петровны Растрелли превратил «ягд-гартен» в регулярный европейский парк, проложив крестообразными аллеи и устроив яркие узорчатые клумбы. Так же как и в Летнем саду Петра I, в парке Елизаветы Петровны насадили и фигурно подстригли деревья и кусты, расставили на аллеях мраморные скульптуры, построили несколько живописных необычных беседок и павильонов. Растрелли сумел придать своему детищу присущие его вкусу и стилю работы пышность и грандиозность.

Перед парадным фасадом дворца по эскизу зодчего соорудили золоченый фонтан и разбили портерный цветник, на аллеях которого установили мраморные изваяния. Вдоль левого берега реки Мойки посадили шеренгу лавровых деревьев, кроны коих подстригли под конус.

Широкая зеленая аллея из белоствольных берез тогда соединяла южный парадный двор с Невской перспективой. Этот замечательный шедевр русского зодчества XVIII века, его неповторимую по красоте территорию оберегала не менее замечательная ограда из кованых решеток с золочеными орлами, царскими коронами.

Н.Р. Левина и Ю.И. Кирцидели в книге «По этим улицам, по этим берегам...» (2010 г.) упоминали, что «неподалеку от дворца стоял Эрмитаж (невысокий, на уровне первого этажа дворца). Там были, как свидетельствует Якоб Штелин, „исключительно религиозные или библейские картины“. Некоторые из них сохранились до наших дней и находятся сейчас в Государственном Эрмитаже и Павловском дворце».

Летний дворец Елизаветы Петровны просуществовал у истока реки Мойки сравнительно недолго, всего 51 год. В нем искусно обустроили 160 прекрасных покоев, декорированных замечательным богемскими зеркалами, мраморными скульптурными украшениями и картинами кисти знаменитых художников. Однако за этот срок русский шедевр стал свидетелем многих исторических событий и необычных перемен в российском обществе.

Императорский Летний дворец на Мойке. Гравюра художника Махаева. XVIII в.

Здесь в 1762 году прошли пышные торжества по случаю заключения мира с Пруссией после завершения Семилетней войны 1756–1763 годов.

В замечательном Летнем дворце на Мойке в 1754 году родился и провел младенческие годы сын императора Петра III и императрицы Екатерины II наследник престола Павел I.

В день появления на свет великого князя императрица Елизавета Петровна решительно забрала ребенка от матери и до шести лет сама занималась его воспитанием. Затем она препоручила наследника попечению графа Никиты Ивановича Панина, позже тот станет одним из лидеров дворцового переворота 1762 года, отстранившего от власти законного императора Петра III – отца его воспитанника.

Однако, справедливости ради, следует отметить, что Никита Иванович, человек высокой культуры, оказался блестящим педагогом, ибо его подопечный к своему совершеннолетию получил прекрасное образование, свободно говорил на нескольких иностранных языках, прочитал массу полезных книг, блестяще владел своей речью, мог поддержать любую беседу, связанную с актуальными вопросами зарубежного и отечественного искусства и архитектуры. Наставником великого князя в Законе Божьем пригласили архимандрита Троице-Сергиевой лавры Платона (в миру Левшина – известного проповедника и будущего митрополита Московского, совершившего впоследствии обряд венчания цесаревича Павла с будущей великой княгиней Натальей Алексеевной).

Петр III

Екатерина II

Отца великий князь Павел Петрович лишился в возрасте восьми лет. До юношеского возраста Павел Петрович не общался со своей матерью, стеснялся и даже боялся ее. У удаленного со всем семейством в Гатчину Павла Петровича с годами резко менялись характер и отношение к людям. Современники единодушно свидетельствуют, что великий князь стал отличаться крайней нервной раздражительностью по любым пустякам и приступами сильнейшего гнева. Негативные черты характера Павла Петровича в годы его правления способствовали пополнению рядов его противников и росту уровня недовольства им в обществе.

Екатерина II остановилась после вступления на престол во дворце на Мойке, и в его Большом зале принимала официальные поздравления дипломатического корпуса.

Павел Петрович

В стенах этого дворца в 1762 году императрица Екатерина II услышала сообщение об убийстве в Ропше свергнутого с трона в результате переворота, организованного ею, своего супруга Петра III.

В феврале 1796 года Екатерининский летний дворец по распоряжению нового монарха – императора Павла «за ветхостью и нецелесообразностью» снесли, а на освободившемся месте возвели дворец для нового царя. Весьма подозрительный, мнительный, боявшийся покушений Павел Петрович опасался жить в Зимнем дворце, там ему постоянно мерещились дворцовые заговоры. Император регулярно заявлял своим приближенным: «Хочу умереть там, где родился».

Однако в Петербурге существовала и иная версия-легенда появления на берегу Мойки укрепленного замкового сооружения. Утверждали, что однажды в полночь часовому, стоявшему на посту в карауле при Летнем дворце Елизаветы Петровны, явился архангел Михаил и повелел передать будущему императору Павлу, что деревянный дворец должен быть разобран, а на его месте построен новый с храмом, нареченный Михайловским. Услышав от солдата о повелении архангела Михаила, император будто бы тогда сказал: «Я знаю. Воля его будет исполнена». И исполнил.

По его приказу у истока реки Мойки на месте снесенного дворца императрицы Елизаветы Петровны началось строительство нового царского палаццо, а точнее замка-крепости со рвами, подъемными мостами и естественными водными преградами-реками, Мойкой и Фонтанкой, делающими местопребывание блюстителя престола неприступным для любого рода мятежников и злоумышленников.

Естественно, у нового российского реформатора имелись собственные представления об архитектурном обновлении российской столицы. В соответствии с ними Павел I решил кроме военной провести и строительную реформу Санкт-Петербурга, создав в столице единый парадный центр, коим, по его мнению, должна была стать ансамблевая застройка этого участка города.

Составление проекта этого ансамбля император возложил на выдающегося российского архитектора В.И. Баженова, приступившего, несмотря на свое болезненное состояние, к работе и даже успевшего разработать в 1792 году проект ценнейшего памятника отечественной архитектуры XVIII–XIX столетий Михайловского замка. Прогрессирующий недуг, к сожалению, не позволил старому архитектору присутствовать при закладке своего монументального сооружения 26 февраля 1797 года. Газеты Петербурга тогда восторженно писали, как сам император Павел I заложил замок под мощный аккомпанемент пушечных салютных залпов со стен Петропавловской крепости.

В.И. Баженов

Для торжественной церемонии закладки замка специально изготовили из куска итальянского мрамора закладной камень с выбитой на нем надписью «В лето 1797-е месяца февраля в 26 день положено основание сему зданию Михайловского замка...»

Кроме того, для участников церемонии приготовили кирпичи из полированной яшмы с вензелями персон дома Романовых. По рисунку зодчего Винченцо Бренны изготовили серебряный молоток, лопатки и вызолоченные блюда с золотыми и серебряными монетами всех достоинств. При церемонии закладки архитектор Егор Соколов поднес закладную известь императору, а Винченцо Бренна – императрице. Великим князьям и княжнам строительный раствор подал чиновник интендантской службы Григорий Баженов – однофамилец архитектора Василия Ивановича Баженова.

К строительству Михайловского замка прикомандировали архитекторов И. Гирша и Г. Пильникова и каменных дел мастеров Луиджи и Джованни Руска. Общее же руководство строительством Михайловского замка император поручил Винченцо Бренне. Роль чертежника при нем тогда исполнял молодой Карл Росси.

4 марта 1797 года, перед отъездом на коронацию в Москву, Павел I повелевает: «Строение Михайловского дворца поручить непосредственно нашему архитектору коллежскому советнику Бренне».

В. Бренна

Дальнейшее осуществление проекта В.И. Баженова проходило уже под руководством В. Бренны, тот был не только архитектором, но и незаурядным художником-декоратором, что, по всей вероятности, и позволило ему внести значительную долю своего творческого участия в проект мэтра В.И. Баженова, главным образом в оформлении замковых интерьеров.

Павел I, принимавший активное участие в проектировании замка-крепости, приказывал безоговорочно вносить в проект свои замечания и не всегда понятные зодчим предложения. Предложенная императором восьмиугольная форма внутреннего замкового двора, вероятно, должна была постоянно напоминать всем, что он является гроссмейстером Мальтийского ордена (мальтийская звезда имела восьмиугольную форму). Декораторам замка при отделке помещений император приказывал использовать понятные лишь ему одному замысловатые символы и аллегии.

В приказном порядке строители тогда соорудили в восточной части фасада замка широкую парадную лестницу, ведущую в «никуда». Справа же от нее, по распоряжению монарха, поставили роскошные дворцовые двери в небольшую караульную комнату.

В конечном итоге общее грандиозное творческое решение задуманного В.И. Баженовым архитектурного ансамбля удалось на славу и поразительно удачно связало замок с его ближайшим окружением. Историк архитектуры и критик В.Я. Курбатов весьма лестно охарактеризовал возведенный на Мойке новый архитектурный комплекс: «Загадочный, блестящий и торжественный Михайловский замок был задуман совсем особенно, – так, как никакое здание в то время не было строено...»

Павел I лично контролировал ход строительных работ. Перед «Особой экспедицией для строения» император поставил трудную задачу – завершить все работы по замку вчерне к 1797 году. Всем занятым на строительстве приходилось трудиться круглосуточно, несмотря на погоду и температуру воздуха, в темное время суток работали при свете факелов.

Царь приказал увеличить число работающих на возведении своего замка до шести тысяч человек. Такой темп работ заставил ускорить подвоз строительных материалов. Их изыскивали везде – разбирали старые загородные дворцовые здания, брали мрамор и гранит со строительной площадки Исаакиевского собора, опустошали декоративное убранство Таврического и иных дворцовых особняков.

7 декабря 1796 года своим указом Павел I распорядился: «Для наипешнейшего строения Михайловского замка дозволяем мы употребить из наличных материалов, припасов и инструментов в Пелле и Царском Селе находящиеся, какие только из оных к сему быть годны, употребляя уже и те, которые в деле в Пелле были». Его выполнили очень быстро, не достроенный И.Е. Старовым дворец в Пелле разобрали до основания на строительные материалы.

14 февраля 1797 года президент Академии художеств А.И. Мусин-Пушкин, выполняя волю императора, распорядился «нужные к строению Михайловского дворца колонны из граниту, порфирные доски и прочее, из числа находящихся в Академии художеств, отпустить по требованию надворного советника и архитектора Бренны».

Работы без задержки шли днем и ночью. «Санкт-Петербургские ведомости» печатают информацию для желающих выполнить земляные, каменные, плотницкие и иные работы, а также для всех, кто способен поставить необходимые строительные материалы для замка.

Павел I отменил пошлину на привозимые из «чужих краев» вещи, предназначенные для отделки интерьеров Михайловского замка.

Император не задумываясь позволял варварски изымать творения выдающихся мастеров из императорских дворцов. При реставрации интерьеров замка, проводившейся после Великой Отечественной войны, художники сделали целый ряд интересных открытий, одно из них – в Большом Тронном зале. В 1953 году в нем реставрировали два живописных плафона. Сложную работу выполняли художники А.Н. Виноградов, Б.Н. Воронин, В.Г. Корбан, Н.М. Синяков, А.Н. Ступин под руководством Я.А. Казакова. На плафонах, натянутых на подрамники и установленных на потолке, были изображены аллегорические композиции, прославляющие могущественное и миролюбивое государство. Один из плафонов, «Аллегория Победы», символизировал воцарение мира после блестящей победы над врагами. А второй – «Аллегория Мира», продолжал развивать предыдущий сюжет и демонстрировал символы мирной жизни: процветание торговли и мореплавания, всеобщее изобилие и благоденствие. Оба плафона находились в столь запущенном и поврежденном состоянии (лак потемнел, красочный слой отставал от основы), что их пришлось снять с подрамников и на специальных реставрационных столах восстановить красочный слой и грунт, очистить и антисептировать тыльную поверхность основы, а затем укрепить плафоны на новом холсте. В ходе завершающего этапа реставрационных работ художники обратили внимание на грубую обрезку холста по краям плафонов. У всех сложилось впечатление, что обе старинные композиции ранее являлись частью какого-то одного огромного плафона, из которого их спешно и довольно грубо вырезали, приспособив к размерам гнезд потолка Большого Тронного зала Михайловского замка. Предположение реставраторов полностью подтвердилось руководителем работ художником Я.А. Казаковым, обнаружившим после расчисток холстов, что на обоих плафонах под вензелями Павла I находились ранее написанные вензеля императрицы Елизаветы Петровны.

Сотрудница Государственной инспекции по охране памятников В.Н. Кузовникова установила, что плафоны «Аллегория Победы» и «Аллегория Мира» первоначально являлись боковыми картинами одной огромной живописной композиции «Аллегория блаженства царствования императрицы Елизаветы Петровны», написанной в 1753–1754 годах по эскизам и при непосредственном участии знаменитого художника Д. Валериани для украшения потолка Большого зала в Екатерининском дворце. В 1800 году живописную композицию перевезли в Михайловский замок и применили для украшения его интерьеров.

После официального экспертного заключения об истинном происхождении картин решили изготовить для Михайловского замка их копии, а отреставрированные подлинники вернуть в Екатерининский дворец и использовать при восстановлении декоративного оформления его Большого зала.

Сегодня оригиналы, обнаруженные реставраторами Михайловского замка, можно увидеть в композиции воссозданного плафона Большого зала Екатерининского дворца. Потолок же Большого Тронного зала Михайловского замка теперь украшают копии, выполненные художниками Я.А. Казаковым, В.Г. Корбаном, Ю.Ф. Шитовым, Л.Е. Сазоновым и Б.Н. Лебедевым.

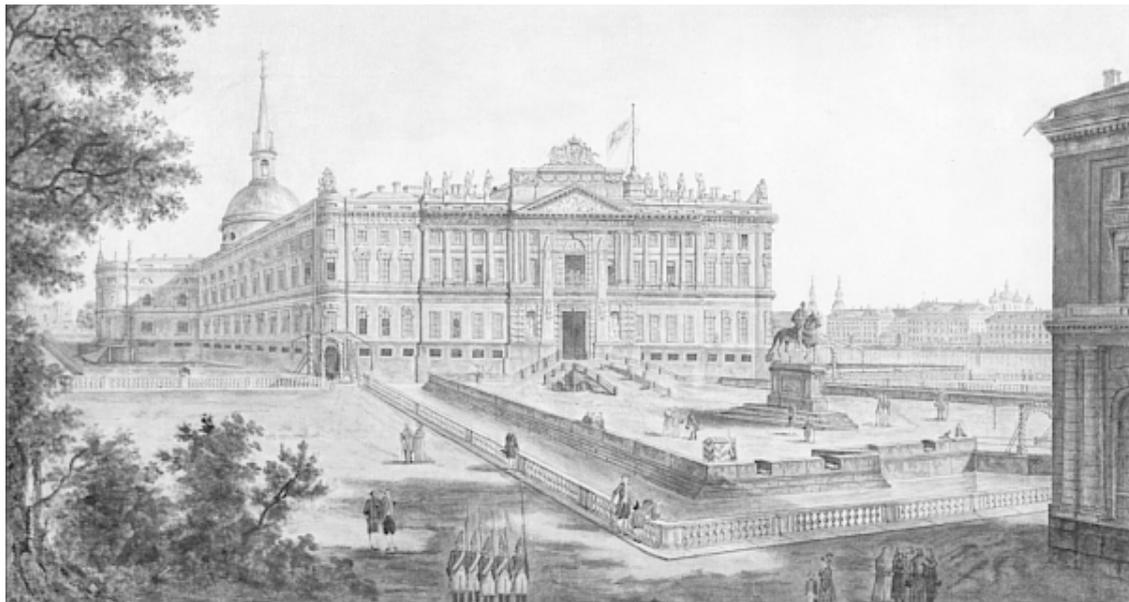
8 ноября 1800 года под грандиозный пушечный салют и колокольный звон всех храмов Северной столицы состоялось торжественное освящение построенного замка – доминирующего сооружения всего исторического ансамбля между Мойкой и Невской перспективой.

Взору петербуржцев предстал квадратный в плане, с внутренним восьмиугольным двором, монументальный, красновато-коричневого цвета Михайловский замок, расположенный у истока реки Мойки из Фонтанки. К главному фасаду здания вела кленовая аллея. Каждый из четырех фасадов Михайловского замка был неповторим и решен весьма своеобразно. Особо сложным и богато украшенным оказался юго-восточный фасад, прорезанный парадным Воскресенским въездом во внутренний двор замка. По своему центру этот фасад облицован мрамором и пышно декорирован мраморными колоннами, обелисками и скульптурой. Фриз над колоннадой изготовлен из шокшинского порфира. Барельеф в тимпане фронтона на тему «История заносит на свои скрижали славу России» изготовил скульптор П. Стаджи.

По бокам парадного въезда во внутренний восьмиугольный двор расположили два мраморных обелиска с рельефными изображениями старинных боевых воинских доспехов. Над колоннами из розового мрамора укреплен фриз со священной надписью, призванной охранять дом от злых людей: «Дому твоему подобает Святыня Господня в долготу дней».

Фасад, обращенный на левый берег реки Мойки, в сторону петровского Летнего сада, оформили в художественном отношении не хуже парадной главной стороны здания.

Два выступающих ризалита (часть здания, выступающая за основную линию фасада) по сторонам его центральной части, увенчанной высоким аттиком (стенкой над карнизом), связаны здесь колоннадой из парных дорических колонн розоватого олонецкого мрамора. Колонны поддерживают просторную открытую террасу на уровне второго этажа. Широкая замечательная гранитная лестница, ведущая в сад перед Мойкой, украшена величественными статуями Геркулеса и Флоры, установленными на высоких пьедесталах.

Ф.Я. Алексеев. Вид на Михайловский замок и площадь Коннетабля

Вся территория Михайловского замка по повелению Павла I была окружена водой и по сути стала изолированным от города островом. Кроме солидных естественных водных преград – рек Мойки и Фонтанки – его стены окружали рукотворные каналы. Вдоль западного и южного фасадов специально прорыли довольно глубокие и достаточно широкие водоемы с подъемными мостами. Наиболее внушительным по своим размерам являлся Воскресенский канал, отделявший от города главный фасад замка – парадный, с Воскресенскими воротами, ведущими в Замковый восьмиугольный дворик. Через Воскресенские ворота на территорию Михайловского замка тогда имели право проезжать лишь члены императорской семьи и иностранные дипломаты.

В 1798 году выполнялась облицовка каналов, окружавших Михайловский замок и площадь Коннетабля. 30 апреля 1798 года петрозаводские купцы отец и сын Ефим и Филипп Бекреневы обязались «отделать берега канав вокруг Михайловского дворца и парадные места. В первом случае диким камнем, а вокруг плац-парадного места – тосненскою цокольною плитой из всех собственных материалов». 2 августа 1799 года Ефим Бекренев подрядился «отделать канал между дворцом и Летним садом диким камнем», т. е. берега реки Мойки напротив Михайловского замка. Он обязался «в 1800 году в октябре месяце все означенные в том контракте работы кончить».

Парадный фасад замка ориентирован на территорию площади Коннетабля (плац-парад главнокомандующего армией), на которой проходили регулярные воинские учения и парады – столь любимое занятие Павла I. В центре этого плац-парада по повелению императора в 1800 году установили бронзовый монумент Петра I, сидящего на коне. Модель памятника изготовил Бартоломео Карло Растрелли (замечательный ваятель и отец знаменитого российского зодчего), еще при жизни самого Петра Великого, но его отливку из бронзы выполнили в царствование его дочери Елизаветы Петровны в 1745–1747 годах. Затем последовал продолжительный период забвения памятника (52 года). Все эти годы, оказывается, подыскивали для него достойное место в столице. По повелению императора Павла I бронзовый монумент установили перед парадным въездом в Михайловский замок.

Сначала монумент предполагали поставить на стрелке Васильевского острова перед зданием Двенадцати коллегий. Позже сын скульптора – зодчий Франческо Бартоломео Растрелли предлагал водрузить его в центре площади перед Зимним дворцом и окружить колоннадой. В царствование Екатерины Великой конную статую Петра I даже хотели увезти на

Украину, в Полтаву – город великой победы русского оружия над Швецией. Затем памятник подарили князю Г.А. Потемкину-Таврическому, пожелавшему установить его либо перед своим новым дворцом, либо в своем дворцовом саду. Однако и этот замысел не был осуществлен и конная статуя царя Петра почти до конца XVIII столетия оставалась на хранении под деревянным навесом вблизи Троицкого моста. И даже Павел I через два года после своей коронации первоначально указом повелел отправить памятник прадеду в Кронштадт, дабы возвести монумент «при входе в кронштадтский канал Петра I Великого». Однако буквально через шесть месяцев, 3 марта 1799 года, Павел Петрович повелел адмиралу Г.Г. Кушелеву «монумент государю императору Петру I, коей повелено прежде было перевезти в Кронштадт для постановления тамо при канале Петра Первого Великого... поставить на наружном дворе Михайловского замка, о чем и дано повеление статскому советнику архитектору Бренно».

Получив распоряжение Павла I Бренна сразу же разработал проект пьедестала для памятника и составил смету расходов для его изготовления на общую сумму 68 631 руб., выделенную обергофмейстером графом И.А. Тизенгаузеном, ответственным за руководство «главного управления по всем частям» Михайловского замка. Однако уже 1 ноября 1799 года Павел I признал проект пьедестала весьма дорогостоящим и отклонил представленную ему смету расходов, наложив на ней высочайшую резолюцию: «Составить новый проект и сколько можно в ценах сделать уменьшение».

28 января 1800 года Бренна представил императору новый, вдвое уменьшенный по расходу проект сметы. На нем Павел I кроме утверждающей визы «быть по сему» начертал свои пожелания: изготовить пьедестал из сердобольского гранита, а отдельные его части, и в частности четыре пилястры, – из белого и цветного рускольского мрамора. Он предлагал также «искусно» использовать розовый тивдийский мрамор и черный итальянский. На фоне черного мрамора на лицевой стороне должна была якобы хорошо читаться увенчанная короной надпись в обрамлении гирлянд и лавровых ветвей, отлитых в бронзе. На боковых же сторонах пьедестала Бренна предлагал укрепить барельефы, высеченные из итальянского мрамора: один о битве под Полтавой, а другой – под Нарвой.

Однако и этот новый вариант пьедестала Павел I отклонил и повелел адмиралу Кушелеву препроводить к президенту Академии художеств А.С. Строгонову «рисунок пьедесталу под монумент государя императора Петра Великого против Михайловского замка, который по тягости своей не нравится, с тем чтобы сделать полегче несколько различных рисунков в Академии художеств, которые были однако не весьма дороги, и со сметами препроводить на усмотрение государю императору».

6 февраля 1800 года Совет Академии художеств постановил: «...сделать рисунок господам адъюнкт-ректором Гордееву, Мартосу и профессорам Волкову и Козловскому». Практически президент Академии художеств А.С. Строгонов открыл конкурс работ рисунков для украшения пьедестала памятника Петру Великому у Михайловского замка. Его победителем оказался профессор Ф.И. Волков.

Кстати, одновременно с распоряжением президенту Академии художеств Павел I через адмирала Кушелева указал графу А.С. Строгонову «об отмене у пьедестала носу корабля, под статуей императора Петра Великого». Государь также распорядился начертать на лицевой стороне пьедестала слова «Прадеду правнук», а в барельефах изобразить Полтавскую баталию и взятие на бордаж шведских фрегатов при Гангуте. Сами же барельефы Павел I рекомендовал отлить в бронзе.

22 марта 1800 года сооружение пьедестала «с постановкою на место» конной статуи поручили «архитектурии помощнику Лариону Шестикову». Тивдийский мрамор обязался поставить крестьянин Василий Одинцов, а гранит – «ржевский купец Иван Одинцов» и «петрозаводский купец Федор Бекренев».

Барельефы к пьедесталу монумента начали тогда же лепить ученики профессора М.И. Козловского – И. Терebeneв, В. Демут-Малиновский и И. Моисеев, а уже 28 апреля 1800 года «медного литейного и чеканного дела мастер» В.П. Екимов взялся «отлить из воску, а потом отлить из меди и вычеканить оба барельефа». Пьедестал соорудили довольно быстро, в июле 1800 года он был завершен. Но внезапно его установка приостановилась, задерживая тем самым монтаж на нем конной фигуры Петра I. Никто, оказывается, не знал, каким образом ориентировать памятник – «лицом к Михайловскому замку или по въезду в оный». Пришлось обратиться к заказчику всех работ и получить окончательные указания Павла I на установку монумента перед Михайловским замком. В создании скульптурного убранства постамент также принимал участие академик Академии художеств скульптор Пьер Анжи. 15 октября 1800 года он обязался «для пьедестала под монумент государя императора Петра Первого сделать модель венку и отлить из меди, а потом как оный, так и отлитые орлы с короною, трофеи и слова вызолотить своим червонным золотом».

Мастеру Екимову пришлось провести сложные реставрационные работы самого монумента: «У лошади брюхо и некоторые дыры заделать, две кисти вновь отлить, вычеканить и на место поставить». Чтобы конная статуя прочно удерживалась на постаменте, мастеру Ефимову пришлось залить полости ног лошади свинцом, «коего потребовалось более двенадцати пудов».

Кроме того, при установке монумента на пьедестал от него начали отваливаться куски и Евдокимову пришлось закреплять их и «недоконченную чеканку окончить, всю лошадь отделать, дабы вставленные куски не отличались, и весь монумент вычистить и покрыть своим колером».

Памятник Петру I

20 ноября 1800 года отвечающий за всю работу помощник архитектора Ларион Шестиков доложил в Академию художеств, что «означенный пьедестал на показанное место утвержден и приставленным к тому смотрителем уже принят».

Памятник Петру I с краткой надписью на высоком цоколе: «Прадеду правнук» красив по силуэту и благодаря довольно высокому пьедесталу прекрасно и четко вырисовывается на фоне неба. Светлый оттенок мрамора цоколя выигрывшно контрастирует со старинной темной бронзой монумента Петру I. Сам пьедестал исторического памятника облицован олонецким мрамором и украшен бронзовыми барельефами под девизами «Полтавская баталия» и «Битва при Гангуте», а также аллегорической композицией с военными трофеями. Их авторами, как уже упоминалось выше, стали скульпторы И.И. Терещенев, В.И. Демут-Малиновский и И. Моисеев, работавшие под руководством знаменитого столичного скульптора М.И. Козловского.

Петербургский историк фольклора Н.А. Синдаловский упоминает о легенде, имевшей хождение среди горожан, о том, что к памятнику Петра Великого, отъезжающего на своем боевом коне от парадных ворот Михайловского замка, якобы из дворца Павла I прорыт тайный подземный ход, коим император, вероятно, не успел воспользоваться в ту далекую трагическую ночь 1801 года.

Великолепными оказались и внутренние апартаменты Михайловского замка. В отделке его помещений участвовали такие талантливые скульпторы, как П. Стаджи, П. Трискорни, живописцы Д. Скотт, А. Виги, Я. Меттенлетер и многие другие. К сожалению, первоначальную отделку до наших дней сохранили только главная лестница Михайловского замка, Тронный зал, Рафаэлевская галерея, Овальный и Церковный залы.

Тогда же всех поражали роскошные анфилады просторных залов со стенами, облицованными благородным мрамором. Скульптурная и лепная отделка помещений, изысканная и уникальная мебель, старинные гобелены и живопись придавали замку особую торжественность.

Парадная лестница, вырубленная из гранита, выглядела торжественной и вела на второй этаж дворца между величественными колоннами из полированного серого сибирского мрамора и подводила к роскошным дверям из полированного красного дерева с позолоченными бронзовыми накладками. Двери вели в парадные дворцовые покои. За проходной аванзалой, украшенной историческими картинами русских живописцев В.К. Шебуева и Г.И. Угрюмова, следовала тронная зала двенадцати сажен в длину, обтянутая зеленым бархатом с ткаными золотыми узорами. На возвышении находился трон, обшитый красным бархатом, затканый золотом и с золотыми гербами Российской империи и принадлежащих ей Казанского, Астраханского, Сибирского и иных царств.

Далее располагалась величественная галерея Лаокоон, драпированная великолепными историческими гобеленами и украшенная мраморными статуями. Из галереи гости сначала попадали в гостиную с мебелью, отделанной бархатом и позолотой, а из нее – в мраморную залу огромных размеров, где обычно дежурили кавалеры Мальтийского ордена.

На втором этаже замка также находилась Тронная зала с удивительным роскошным плафоном, расписанным итальянским художником Карло Скотти, и замечательными люстрами из массивного серебра.

Дверь из этой залы вела во внутренние роскошные покои императрицы. Примечательным дворцовым местом Михайловского замка считалась Рафаэлевская галерея. Одну из стен этого зала покрывали редкие ковры с вытканными на них копиями лучших картин итальянского живописца и архитектора, представителя искусства Высокого Возрождения Рафаэля Санти. Не все знают, что Павел Петрович являлся большим поклонником и знатоком как отечественного, так и зарубежного искусства и за свою короткую жизнь собрал великолепную коллекцию редких картин. Даже в его небольшой и скромно обставленной спальне с

солдатской походной кроватью стены были увешены картинами знаменитых европейских живописцев.

Павел I торопился с переездом в своей любимой замок и въехал со своей многочисленной семьей в помещения с недостаточно просохшей штукатуркой. Не все дворцовые комнаты были окончательно декорированы и отделаны. Очевидцы, побывавшие на первом императорском балу в Михайловском замке, впоследствии вспоминали, что увиденное там могло быть уподоблено некоему фантастическому зрелищу: «Тысячи зажженных восковых свечей способствовали образованию в залах сплошной пелены тумана от испарений с еще не просохших отделанных стен. Везде была густая мгла, отсвет зажженных свечей слабо мерцал и тускло освещал помещения. Гостей можно было с большим трудом различать в конце каждой залы, они как тени двигались в потемках».

Заказчики перебрались из Зимнего дворца в новостройку 1 февраля 1801 года. Однако замок по-прежнему оставался сырым, холодным и малопривлекательным для проживания в нем.

Описавшего по поручению императора структуру всех помещений Михайловского замка историка и писателя Августа Коцебу поразило тогда состояние новой резиденции императора Павла I: «Ничто не может быть вреднее для здоровья, как это жилище. Всюду виднелись следы разрушающей сырости, и в зале, в которой висели большие исторические картины, я видел своими глазами, несмотря на постоянный огонь, поддерживаемый в двух каминах, полосы льда в дюйм толщиной и шириной в несколько ладоней. В комнатах императора и императрицы сырость до некоторой степени была устранена тем, что стены были отделаны деревом; но все остальные терпели жестоко». Коцебу дает объективную характеристику чрезмерно усложненной внутренней планировки замка: «Почти все должны были подъезжать к боковой двери и совершать длинное путешествие вверх и вниз по лестницам, прежде чем дойти до места своего назначения».

В помещения замка со стороны подъездного парадного двора вели четыре каменные лестницы: слева – Парадная с широкими маршами, следующая – в церковь, третья – в кардегардную и последняя – в жилые покои. В.К. Шуйскому, автору монографии о зодчем Винченцо Бренна, удалось впервые атрибутировать назначения большинства помещений замка: «В первом этаже разместились наследник престола Александр Павлович с супругой, в юго-западной части – великий князь Николай Павлович, в юго-восточной со стороны Фонтанки – обер-шталмейстер И.И. Кутайсов, и всю северо-западную часть заняли апартаменты императора Павла I. Обер-гофмаршал А.Л. Нарышкин занимал помещение части дворца со стороны плац-парадного двора. Жилые комнаты императора Павла I располагались на втором этаже замка по левую руку от церкви и имели сообщение с внутренними комнатами его супруги. К ним примыкали со стороны двора парадные залы.

С другой стороны церковного зала, ближе к плац-парадной площади, находились апартаменты великого князя Константина Павловича. Они простирались до Воскресенского, или Белого, зала, который открывал анфиладу парадных апартаментов, доходящих до угла Летнего сада и реки Мойки. Только в юго-восточном углу помещалось несколько фрейлинских комнат, примыкавших к небольшому театру. Третий этаж предназначался для великих княжон».

В своем замке-крепости русский император Павел I прожил всего 40 дней. В ночь на 12 марта 1801 года, с ведома его сына, будущего императора Александра I, заговорщики довольно свободно проникли через все заслоны замка в Парадную спальню императора и убили его. По-иному стали оценивать и надпись-оберег на парадном фронтоне замка. В ней оказалось сорок семь букв, равных числу лет убитого императора. Рождались многочисленные легенды о периодическом звучании в помещениях замка голоса самого Петра Великого, жалеющего убиенного правнука. Позже некоторых стал пугать и призрак самого Павла Петровича.

Придворные в страхе покидали замок. Работы в нем приостановили, а все ценное из дворцовых помещений постепенно перевозилось в старые императорские дворцы и дворцовые особняки великих князей. Михайловский замок на долгое время предали забвению.

В 1829 году здание по императорскому указу передали Инженерному военному ведомству, разместившему в нем Николаевское инженерное училище, где воспитывалась целая плеяда известных военных инженеров и ученых, называвших теперь свою «альма-матер» Инженерным замком. Инженерному военному ведомству, разместившемуся в стенах бывшего Михайловского замка, естественно, мешала его анфиладная планировка, и оно начинает ее постоянно изменять. При этом администрация военного учебного заведения руководствовалась лишь своими узкими профессиональными задачами и проблемами. В 1822 году интенсивно изменялась внутренняя планировка здания. В его исторических залах и галереях ставились перегородки, устраивались дополнительные проходы, золоченая лепка при ремонте забеливалась, а местами либо уничтожалась, либо покрывалась толстым слоем штукатурки.

В 1840-х годах в столице оформлялись музейные залы Нового Эрмитажа, для чего широко использовался натуральный мрамор многих интерьеров Михайловского замка. В последующие годы разграбление и переделка исторических интерьеров здания продолжались.

В 1871 году столичный зодчий К.А. Ухтомский обустраивает в бывшей Парадной спальне Михайловского замка Малую церковь Инженерного училища. Помещение Большой Замковой церкви тогда разделили перекрытиями на три отдельные комнаты. В знаменитую галерею Лаокоона в 1891–1895 годах встроили лестницу.

В 1917–1918 годах в бывшем замке размещались разнообразные советские учреждения и продолжало работать инженерное училище.

В годы Великой Отечественной войны Михайловский замок значительно пострадал. От попавшей в его восточную часть тяжелой авиабомбы полностью была разрушена Парадная столовая со всей скульптурной и лепной отделкой. Крыша здания тогда превратилась буквально в решето, настолько была пробита разнокалиберными осколками. Кровля здания теперь постоянно протекала. В помещениях стояла невероятная сырость, губившая декор старинных залов, лепную и художественную отделку помещений. Ленинградские реставраторы, проведя под руководством специалистов института «Ленпроект» огромную многолетнюю работу по реставрации и ремонту исторического здания, сумели все же восстановить это уникальное здание, практически вернув ему первоначальный вид. Сегодня Инженерный замок является филиалом Русского музея.

Столетия значительно изменили не только интерьеры, но и планировку Михайловского замка. Внешний же его вид изменился незначительно. Издалека сегодня можно увидеть золоченый шпиль его домашней церкви Архистратига Михаила – одной из главных доминант панорамы Северной столицы. Правда, в первой половине XIX столетия каналы вдоль его западного и южного фасадов засыпали, но к 300-летию Санкт-Петербурга фрагментарно восстановили главный Воскресенский канал вблизи Парадных ворот замка и воссоздали старинный гранитный трехарочный мост через него.

Ансамбль Михайловского дворца

Удаляясь от места своего истока, река Мойка через несколько сотен метров пересекает Садовую улицу, проходящую в границах центральной части Северной столицы от Марсова поля до площади Репина (бывшей Калининской).

Далее воды Мойки выходят на просторы Марсова поля и одного из красивейших садов Петербурга – Михайловского, составной части архитектурного городского ансамбля зодчего Карла Росси.

Отметим, что почти до конца XVIII столетия последний северный участок Садовой улицы (от Марсова поля до Итальянской улицы) еще не существовал. На этом месте в те времена располагался зеленый массив Третьего Летнего сада.

В 1819 году российский император Александр I, выполняя волю убиенного батюшки, утвердил проект зодчего Карла Росси, предложившего не только возвести дворец для младшего сына Павла Петровича – великого князя Михаила Павловича, но и разбить целый ряд важных городских улиц и площадь перед будущим великокняжеским палацом.

История возведения Михайловского дворца и его замечательного сада на Мойке началась за двадцать лет до их появления в центре Санкт-Петербурга. Идея постройки дворцово-паркового ансамбля для своего младшего отпрыска принадлежала императору Павлу I. В 1798 году, обрадованный полученным известием о появлении на свет великого князя Михаила Павловича, царь тут же повелел министру двора ежегодно откладывать на постройку великокняжеского дворца для своего младшего сына несколько сотен тысяч рублей. По исполнению великому князю двадцати лет Александр I беспрекословно выполнил волю отца. К этому времени, кстати, собралась вполне подходящая сумма для строительства задуманного Павлом Петровичем великокняжеского дворца – почти девять миллионов рублей.

Александр I

Разработкой его проекта занялся знаменитый столичный зодчий Карл Росси. Вначале на семейном совете решили возвести дворцово-парковый ансамбль на месте особняка графа Чернышева на набережной Мойки у Синего моста или на земле усадьбы графа Воронцова, что на Садовой улице. Однако после многодневных размышлений остановились все же на заброшенном участке Третьего Летнего сада с его полуразрушенными парниками и оранжереями. Этот значительный по своим размерам земельный участок располагался в границах реки Мойки, Екатерининского канала, Большой Итальянской и будущей Садовой улиц.

Архитектор Росси вместе с указом Александра I тогда получил трудное, но весьма заманчивое для зодчего задание – построить центральный столичный архитектурный ансамбль.

По авторитетному мнению ленинградского доктора архитектуры М.З. Тарановской: «Карл Росси создавая проект Михайловского дворца, развивает принципиально новые архитектурно-планировочные идеи. К традиционному тогда заданию зодчий подошел как к крупнейшей проблеме формирования парадного центра города. Он создал ансамбль целого района от Невского проспекта до Суворовской площади на берегу Невы.

Перепланировав огромную территорию вокруг будущего дворца, Росси организовал перед ним площадь, от которой прорезал сквозь толщу застройки новую Михайловскую улицу к Невскому проспекту (позже улица Бродского), проложил перед дворцом параллельно его главному фасаду Инженерную улицу, соединившую площадь с Екатерининским каналом (каналом Грибоедова) и Фонтанкой, а через Симеоновский мост (позже Белинского) – с Литейным проспектом. И площадь, и улицы зодчий застраивает единым ансамблем. Но это еще не все. Росси продолжает Садовую улицу через территорию Инженерного замка и Марсова поля. Тем самым Садовая улица превращается в одну из главных проезжих столичных магистралей, пронизывающих городской центр и связывающую петербургскую сторону и Коломну...

У берега Мойки, по оси Марсова поля, архитектор возводит прекрасный сад и парковый павильон дворца. Как второй план, в окружении пышной зелени сада, вписывается в ансамбль Марсова поля и сам Михайловский дворец. Его монументальный фасад, выходящий в парк, издали завершает перспективу от Невы».

Тонко продуманная градостроительная система, созданная Росси вокруг Михайловского дворца, была, по мнению той же М.З. Тарановской, «практична и отвечала всем художественным требованиям».

Торжественная закладка дворцового здания состоялась 17 апреля 1819 года. Столичные газеты по этому случаю писали: «Император Александр I и великий князь Михаил Павлович торжественно заложили в основание фундамента дворца каменный ковчег с серебряными монетами, отчеканенными в 1819 году, и памятную серебряную доску».

К. Росси

Основные строительные работы Карл Росси завершил к 1823 году. Через три года были окончены практически все внутренние отделочные операции и завершено полное оформление интерьеров всех дворцовых помещений. После торжественного богослужения по случаю окончания строительства Михайловского дворца и его освящения великий князь Михаил Павлович и его супруга великая княгиня Елена Павловна переехали в него из Зимнего дворца на постоянное жительство.

Великий князь Михаил Павлович

Великий князь Михаил Павлович избрал военную карьеру, зарекомендовав себя на службе в армии весьма положительно. Командуя гвардейским корпусом в войне с Турцией, он в 1828 году штурмом овладел непреступной вражеской крепостью Браилов. Тогда из металла одной из захваченных турецких пушек по заказу офицеров гвардейской артиллерии отлили бюст великого князя.

Являясь руководителем Артиллерийского ведомства России, Михаил Павлович организовал первое отечественное Артиллерийское военное училище. Много лет великий князь руководил Пажеским корпусом и всеми сухопутными кадетскими военными учебными заведениями. Со временем созданное им Артиллерийское училище преобразовали в Михайловскую артиллерийскую академию. В советское время это прославленное высшее военное учебное заведение стало именоваться Артиллерийской академией им. М.И. Калинина – известного «всесоюзного старосты». Правда, 17 ноября 1995 года российские газеты опубликовали Указ Президента Б.Н. Ельцина, который восстановил историческую справедливость: «... в целях возрождения исторических традиций российской армии и в связи со 175-летием со дня образования первого в России артиллерийского высшего учебного заведения постановлено переименовать военную артиллерийскую академию им. М.И. Калинина в Михайловскую артиллерийскую академию».

Современники великого князя считали Михаила Павловича персоной сложной и противоречивой. Знаменитый мемуарист Ф.Ф. Вигель рассказывал, что «у современников о нем сложились весьма разноречивые суждения. Ничего ни письменного, ни печатного он с малолетства не любил. Но при достаточном уме, с живым воображением любил он играть в слова и в солдатики: каламбуры его были известны всей России. От гражданской службы имел

совершенное отвращение, пренебрегал ею и полагал, что военный порядок достаточен для государственного управления. Он создал для себя идеал совершенства строевой службы и не мог понять, как все подчиненные его не стремятся к тому. Перед фронтом он был беспощаден, а в частной жизни бывал добросердечен, сострадателен, щедр, особенно к жертвам своим офицерам и солдатам».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.